

М. Я. ГРИНБЛАТ

БЕЛОРУСЫ

МИНСК · 1968

М. Я. ГРИНБЛАТ

БЕЛОРУСЫ

*Очерки происхождения
и этнической истории*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА И ТЕХНИКА»
Минск 1968

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
Институт искусствоведения, этнографии
и фольклора

Данная работа является первой попыткой решения проблемы происхождения и развития белорусской народности на основе конкретного изучения исторических источников с широким использованием материалов археологии, этнографии, фольклористики, диалектологии, топономастики. Происхождение белорусской народности рассматривается в неразрывной связи с происхождением других восточнославянских народностей из единой основы — древнерусской народности. Большое внимание уделяется вопросам складывания особенностей материальной и духовной культуры, народного творчества белорусов, а также культурной общности восточных славян.

Рассчитана на специалистов-белорусоведов, историков, этнографов, славистов, преподавателей вузов и средних школ, студентов.

Редактор
доктор исторических наук
В. К. БОНДАРЧИК

Введение

Изучение вопросов происхождения и формирования белорусской народности принадлежит к наиболее сложным проблемам и важным задачам исторической науки Белоруссии.

Народность, так же как и нация, является категорией исторической, она возникает и существует в определенную историческую эпоху развития общества со свойственным ей способом производства материальных благ.

Если такие ранние формы этнических общностей, как род и племя, присущи первобытнообщинному способу производства, доклассовому обществу, а нации складываются в период развивающегося капитализма как «неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹, то формирование и существование народностей относится к раннеклассовым социально-экономическим формациям — рабовладельческой и феодальной. В ряду известных типов этнических и исторических общностей людей народность занимает свое место, следующее за племенем или союзом племен и предшествующее нации буржуазного общества.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 56.

Народности начинают складываться после разложения первобытнообщинного строя, при переходе к классовому обществу и возникновении государственности из родственных по языку и соседних по территории племен. К разложению и гибели первобытнообщинного строя, при котором существует родоплеменное деление общества, приводят развитие производительных сил, возникновение частной собственности и образование классов. В этих условиях при усиливающемся процессе разделения труда, при увеличении плотности населения, росте городов и развитии обмена возникают первичные государственные образования, разрушающие старые племенные рубежи и сплачивающие население внутри новых политических границ уже не по признаку родства, а по территориальному признаку, в пределах единого государственного целиного.

На примере истории афинян и возникновения афинского государства Ф. Энгельс показал: «Разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных...»¹

В сравнении с племенем народность должна представлять собой более крупную и более устойчивую этническую общность. В процессе складывания народности древние племена объединялись и смешивались. Образуя единую народность, племена постепенно теряли свою обособлен-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945, стр. 126.

ность и самостоятельность, земли их сливались в единую территорию, а объединившееся население управлялось общей властью.

Союз родственных племен или объединение нескольких таких союзов следует считать начальной стадией формирования народности. Уже в союзе племен происходило сближение родственных племенных языков, постепенно подготавлялась языковая общность, а также возрастала территориальная устойчивость населения, конечно, оседлого.

Исследуя экономические условия, подрывающие родовую организацию общества, Ф. Энгельс указывал: «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа»¹.

Б. А. Рыбаков считает, что «процесс создания племенных союзов и их постепенной консолидации, сопровождающийся распадом родовой общины, и есть процесс складывания народности»².

Однако это лишь начальная стадия образования народности. Народность — не простое объединение племен или их союзов, а общность более сложная. Основные различия между племенем, народностью инацией как особых форм общности заключаются прежде всего в том, что они складываются в разные исторические эпохи. Формирование народности в докапиталистическую эпоху,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 184—185.

² «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 43.

в эпоху феодализма, характеризующуюся экономической разобщенностью отдельных областей, обусловило и другую отличную черту народности: ее меньшую устойчивость в сравнении с нацией, ее подверженность изменениям, приводящим иногда к обособлению ее частей и даже к распаду народности и исчезновению ее с исторической арены.

В остальном народность отличается от нации опять-таки больше в количественном, чем в качественном отношении, имея с ней такие сходные важнейшие черты, как общность языка, территории, хозяйственной деятельности и основных особенностей культуры.

Народность, сложившаяся в докапиталистическую эпоху, имела эти важнейшие признаки, которые однако вызревали в ней постепенно, проявляя себя еще недостаточно ощутимо. Только на зрелой стадии развития народности некоторые из ее элементов выступают уже довольно отчетливо. Это прежде всего — общность языка, основной признак народности, и общность территории. Но народности присущи уже и известная общность культуры и некоторая общность экономической жизни.

Хотя в общенародном языке еще и сохранялись диалекты, местные говоры, остатки племенных языков, можно утверждать, что еще до формирования наций у народности существует общность языка. Язык народности является общепонятным для всего населения, составляющего эту народность.

С укрупнением человеческих общностей, происходящим в процессе развития классового общества, экономических связей и образования народностей, заметно усиливается территориальная устойчивость населения. Этому значительно способствуют, помимо других факторов, возникающие уже на племенных землях или на зем-

лях племенных союзов города, вокруг которых концентрируются относительно компактные группы населения.

Наличие городов можно считать фактом, свидетельствующим о территориальной устойчивости местного населения, которая в значительной степени закрепляется государством, его границами. Однако территория народности не остается неизменной на протяжении существования последней. Она может подвергаться историческим изменениям: расширяться за счет территорий родственных племен и ассимилируемых соседних неродственных племен, вовлекаемых в единый процесс этногенеза; или расчленяться на отдельные части, когда при известных исторических условиях происходит распад народности.

В процессе своего развития народность создает и известную культурную общность, хотя, несомненно, в культуре народности, так же как и в ее языке, длительное время продолжают существовать областные особенности.

Народность не может сложиться и существовать до того, как возникла некоторая общность хозяйственно-экономической жизни. Конечно, в отношении народности, экономической базой которой являются докапиталистические производственные отношения, речь может идти лишь о постепенном развитии экономических связей между отдельными частями данной народности, еще в значительной степени разобщенными.

Однако образование народности, ее языковой и культурной общности немыслимо без начавшегося экономического развития. К. Маркс считал, что «концентрация диалектов в единый национальный язык» вызвана прежде всего «экономической и политической концентрацией»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, 1929, стр. 414.

* * *

Процесс образования народностей и их основные признаки характеризуют также древнерусскую народность, сложившуюся к IX веку из восточнославянских племен, перечисленных в летописи.

Древнерусское государство, пришедшее на смену племенной раздробленности восточных славян, объединило все восточнославянские земли в единый политический организм. Это способствовало развитию культурной общности и укреплению среди населения Киевской Руси сознания общерусского единства.

В состав древнерусского государства вошла и территория будущей Белоруссии, населенная восточнославянскими племенами, этногеография которых была нарисована Нестором, автором древней русской летописи «Повесть временных лет».

Дальнейшее социально-экономическое развитие Руси в период феодализма привело к раздроблению древнерусского государства и обособлению отдельных частей древнерусской народности. Постепенно созревали условия для образования из единой древнерусской народности трех братских народностей — русской, украинской и белорусской со свойственными каждой из них особенностями языка и культуры.

Таким образом, белорусский народ вместе с русским и украинским народами ведет свое происхождение из единого корня — древнерусской народности, создавшей древнерусское государство — Киевскую Русь.

В силу исторических причин очутившихся в различных социально-экономических и исторических условиях, три части недавно еще единой древнерусской народности постепенно обособились и сформировались в отдельные народности: на северо-востоке — в русскую, на западе —

в белорусскую и на юго-западе — в украинскую. Однако и на всем дальнейшем историческом пути русский, украинский и белорусский народы сохранили сознание единства своего происхождения и родственной близости.

Этногенез белорусов, как и остальных восточнославянских народностей — русской и украинской,— имеет, таким образом, свою особенность. Эти народности непосредственно не образовывались путем объединения первичных племен или племенных союзов, а прошли промежуточную ступень, которой явилась древнерусская народность.

История свидетельствует, что консолидация племен в единую народность не приводит к быстрой и полной нивелировке всех племенных различий внутри сложившейся народности. Многие племенные или территориальные особенности внутри народности в исторических условиях феодальной эпохи сохраняются иногда на протяжении многих веков, продолжая существовать в виде остаточных явлений даже после преобразования народности в нацию. Так было и с древнерусской народностью. Несмотря на достигнутое языковое и этнокультурное единство внутри древнерусской народности, занимавшей огромную территорию, продолжали сохраняться многие местные различия в языке, в материальной и духовной культуре, в нравах и обычаях, не успевшие стереться и исчезнуть за время существования народности. Когда же дальнейшее социально-экономическое развитие Руси привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности, которые впоследствии очутились в различных политических условиях, эти особенности при сохранении достигнутой общности стали укрепляться, придавая особый этнокультурный облик каждой из обособившихся частей, формировавшейся в особую народность.

Сохранившиеся на территории западной части древнерусской народности местные особенности также не успели раствориться в единой народности. Поэтому с переходом к феодальной раздробленности в пределах отдельных земель и княжеств, в течение XIII—XIV вв. захваченных литовскими феодалами и оторванных от Северо-восточной Руси, в иных политических условиях стали оживать и развиваться местные диалектные и бытовые различия, которые вместе с общедревнерусскими чертами и дали начало образованию отдельной белорусской народности. Процесс формирования белорусской народности совершился путем складывания особой языковой и этнокультурной общности за счет слаживания областных различий, имевшихся на территории западной части Руси. Этот процесс был вызван усилением внутренних экономических связей, развитием обмена между отдельными землями вследствие развития ремесла, сельского хозяйства и торговли, которым отмечен период XIV—XVI вв.

Таковы общая схема происхождения белорусской народности, некоторые исходные теоретические положения. В данной работе автору предстоит воссоздать более конкретную картину происхождения и развития белорусской народности и ее культуры, используя весь арсенал исторических источников.

Правильное освещение сложной проблемы происхождения белорусской народности может быть осуществлено, на наш взгляд, путем выделения и предварительного изучения отдельных вопросов, привлекая для этого разносторонний фактический материал. Особенно важными вопросами, от выяснения которых во многом зависит решение проблемы белорусского этногенеза в целом, мы считаем следующие:

этническая основа, ядро древнерусской и белорусской народностей;

колонизационное движение восточных славян на окраинные части территории Белоруссии и ассимиляция иноязычных этнических элементов;

социально-экономические и исторические условия образования белорусской народности;

образование этнической территории белорусской народности и ее изменения;

культурная общность восточнославянских народов и формирование белорусских особенностей культуры и быта.

Изучение специальной литературы убеждает, что последовательное освещение процесса образования и развития белорусской народности было невозможно в значительной степени из-за того, что предварительно не была исследована хотя бы часть указанных вопросов.

В сложном комплексе вопросов, связанных с процессом происхождения и формирования белорусской народности, одним из наиболее интересных и трудных является, например, вопрос о складывании белорусской этнической территории. Где возникла народность, говорящая на данном языке, какие этнические элементы составили ее ядро, с какими племенами или народностями она соприкасалась — все это, на наш взгляд, требует тщательного исследования.

Вопрос образования этнической территории белорусской народности решается в данной работе главным образом на основании изучения границ расселения древних племен или племенных союзов и их потомков в западной части Древней Руси. Изучение этого вопроса важно не только само по себе. Оно одновременно способствует более достоверному выявлению этнической основы белорус-

ской народности, направлений колонизационных потоков восточнославянского населения, хозяйственных и культурных связей с другими племенами и народностями, явлений ассимиляции иноязычного населения и т. п. Все это имеет значение и для изучения процесса складывания этнического своеобразия культуры белорусской народности.

Каковы же источники, позволяющие изучить важнейшие вопросы этногенеза белорусов?

Для всех исследователей восточнославянского этногенеза исходным источником служили и остаются показания русской летописи. Древнерусский летописец, прекрасно осведомленный об этническом составе населения Восточной Европы, называет тринацать восточнославянских племен, отводя каждому из них определенное место на географической карте IX в. Указывает летописец и соседей восточных славян, хорошо разбираясь в их этнической принадлежности, которую он определяет по важнейшим с его точки зрения признакам — по языку и «обычаю».

Историческая наука, дореволюционная и советская, единодушна в своей оценке летописных данных как вполне достоверных, отвечающих действительной этногеографической картине Восточной Европы IX—X вв.

Однако известно, что, хотя «Повесть временных лет» изображает верную картину расселения славянских и иноязычных племен, она не полна. Летописец дает лишь общие контуры этногеографии, указывая в качестве ориентиров при размещении племен главнейшие реки — Днестр, Южный и Западный Буг, Днепр, Западную Двину, верхнюю Волгу, Оку — и их основные притоки, а также озеро Ильмень. Эту общую картину, нарисованную русским летописцем, мало чем дополняют и уточняют,

а местами даже затемняют иностранные письменные источники — немногие свидетельства византийских, западноевропейских и арабских авторов, относящиеся приблизительно к тому же времени.

Проблема происхождения и формирования народности является проблемой комплексной. Пролить свет на этот скрытый многими веками период истории возможно только при конкретном изучении и максимальном использовании разносторонних источников — данных археологии, письменных памятников, языкоznания, этнографии, фольклора, антропологии, топонимики и др. Многие попытки решения проблемы этногенеза восточнославянских народов, в том числе и белорусского, оказывались неудачными главным образом потому, что они делались изолированно языковедами, историками или археологами, на основе одного какого-нибудь источника. В разработке этногенетических вопросов большую помошь могут оказать этнография и антропология. Однако до недавнего времени участие этнографов и антропологов в этногенетических исследованиях было явно недостаточным. Особенно это сказалось в изучении этногенеза белорусов. Значение этнографических материалов вытекает из того, что этническим и историческим общностям людей на всех этапах их развития — род, племя, народность, нации капиталистическая и социалистическая — всегда свойственны специфические черты культуры и быта, которые и составляют основной предмет этнографической науки. Изучение особенностей культуры народности и процесса их складывания в значительной степени есть изучение истории и формирования самой народности.

Наряду с исследованием специфических черт, присущих народности в целом, а также черт, общих с

родственными и соседними народами, особое значение приобретает выявление областных различий в быту, культуре и языке на территории данной народности. В этих областных различиях нередко могут быть обнаружены остатки бывших территориальных или даже племенных особенностей. Последние могут помочь более отчетливо очертить границы расселения древних племен и племенных объединений, составивших этническую основу данной народности, уяснить вопросы формирования характерных черт ее культуры и быта, культурных взаимосвязей с соседями и др. Выявление и изучение остатков бывших племенных или территориальных различий, сохранившихся в материальной и духовной культуре, а также в говоре местного населения, тем самым способствуют восстановлению картины складывания самой народности, ее этнической территории и т. д.

Маршрутные экспедиции, проведенные в 1953—1956 гг. Институтом истории Академии наук БССР, убедительно показали, что полевые этнографические наблюдения дают в руки исследователя этногенеза ценный материал, помогающий ретроспективным путем решать ряд частных и общих вопросов этнической истории народа¹.

Разработка вопросов происхождения и этнической истории белорусского народа убеждает насколько важно привлечение конкретного этнографического материала, без использования которого любое этногеническое построение остается в известной мере схематичным, недостаточно обоснованным. Должны быть широко использованы материалы археологии, языкоznания, фольклора, а

¹ См.: М. Я. Гринблат. О некоторых итогах этнографической экспедиции Института истории 1954 г. «Известия АН БССР», 1955, № 11, стр. 123—126.

также данные антропологии, топонимики и антропонимики.

В решении проблемы белорусского этногенеза указанные разнородные источники играют не одинаковую роль. При том ни один из названных источников не может служить единственной основой в решении этногенетических вопросов.

Так, археология в изучении вопросов белорусского этногенеза, особенно на ранних его стадиях, принадлежит наиболее важная роль. Но выводы археологических исследований не могут служить единственной основой для решения проблемы этногенеза. Археология служит основным источником изучения лишь древнейших, бесписьменных периодов истории населения данной территории. Она не только прослеживает здесь последовательную смену «археологических культур», но выявляет местные группы населения (племена, союзы племен) по их специфическим особенностям материальной культуры, а это особенно важно при изучении вопросов этногенеза. Однако выводы археологов останутся только предположениями, если они не будут подкреплены данными других источников: языка, этнографии и т. п.

Сказанное о значении археологии относится и к языку — одному из главных признаков этнической принадлежности. Играя особо важную роль в изучении этногенеза народности, лингвистические материалы также могут дать положительные результаты лишь в сочетании с другими источниками, с выводами смежных отраслей знаний. В противном случае проблема этногенеза подменяется проблемой происхождения языка, нередко вне связи с историей народа, творца и носителя этого языка, что и имело место в ряде исследований дореволюционных языковедов.

Наряду с языком письменных памятников еще большее значение для решения вопросов этногенеза имеют материалы диалектологии, характеризующие особенности местных говоров. Привлечение диалектных наблюдений при разработке этнической истории народа особенно важно. В местных говорах можно обнаружить остатки далекого прошлого, весьма важные для изучения истории языка и культуры народа. Вот почему диалектные особенности, являющиеся, возможно, отголоском племенных языков, должны привлекаться в качестве исторического источника при разработке проблем происхождения и развития народности.

Для этой цели наряду с диалектологическими материалами должен быть привлечен и такой ценный источник, каким является топонимия — географические названия населенных мест, уроцищ, рек и озер. Во многих случаях топонимы и особенно гидронимы — это те следы, которые оставил в языке земли ее древнее население. Названия некоторых населенных пунктов одновременно являются и этнонимами, указывая на этническую принадлежность первоначальных насельников или основателей этих поселений, или позднейших пришельцев. Естественно, что топонимический материал не может выпасть из поля зрения исследователя этногенеза. Этот источник давно широко используется при изучении этнической истории разных народов, хотя и не всегда достаточно обоснованно¹.

¹ См.: Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885; А. Соболевский. Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии. «Живая Старина», СПб, 1893, ч. 3, вып. 4; С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. «Исторические записки», № 17, 1945.

Особо следует сказать об антропонимии. Если топонимический материал является широко признанным историческим источником, то данные антропонимии до сих пор не привлекались к историческим исследованиям. Между тем, несмотря на сравнительно позднее появление официальных фамилий у основной массы белорусского крестьянства, они имеют глубокие корни в истории народа, в его быту и культуре¹.

Для решения поставленных нами вопросов известное значение имеют народные этногенетические и топонимические предания, сохранившиеся в памяти населения: о своем происхождении, о переселении своих предков из другого края и времени их появления в этих местах, о первооснователях тех или иных поселений, об издавна сложившихся рубежах между соседними народами и т. д. Кочечно, эти легенды и предания требуют к себе самого строгого критического отношения и могут быть использованы после тщательного анализа их исторической основы.

Что касается материалов антропологии, то выводы, к сожалению, немногих антропологических исследований, имеющих отношение к изучаемой территории Белоруссии, используются нами также в сочетании с другими источниками. Материалы антропологии о соотношении антропологических типов с этнокультурными группами, безусловно, важны для выяснения этнической основы народности и других вопросов ее истории. Причем для решения этногенетических проблем ценные не только данные палеоантропологии (ископаемый краниологический материал), но и результаты антропологического об-

¹ См.: М. Я. Грынблат. Аナンастыка як крыніца вывучэння гісторыі і этнаграфіі беларускага народа. Матэрыялы да IV Міжнароднага з'езда славістаў. Мінск, 1958, стр. 3—23.

следования современного населения. Как утверждает советский антрополог В. В. Бунак, «можно считать установленным, что современные антропологические типы более или менее соответствуют областям распространения восточнославянских племен, вошедших в состав русского народа: кривичей, вятичей, ильменских словен и других»¹.

Таким образом, при рассмотрении вопросов образования и развития белорусской народности в качестве исторических источников нами привлекается разнородный материал, предоставляемый рядом родственных научных дисциплин. Этим достигается комплексный подход к решению поставленной задачи, подход, признаваемый советской исторической наукой единственно возможным и правильным в области этногенеза. Такое комплексное изучение этногенетических вопросов целиком отвечает требованию марксистско-ленинского метода научного познания общественных явлений в их взаимозависимости, взаимообусловленности и развитии.

Следует, однако, отметить, что не все рассматриваемые в данной работе вопросы в одинаковой мере обеспечены необходимыми источниками.

В большинстве случаев процесс развития тех или иных явлений культуры и быта восстанавливается на основе этнографических материалов ретроспективно, путем обращения от современного к прошлому. То же относится и к использованию диалектологического и частично других материалов.

В известной степени путеводителем в этом деле автору послужили его личные этнографические и языковые наблюдения в Белоруссии на протяжении почти сорока лет.

¹ «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 50.

Основной целью работы является исследование процесса формирования и развития белорусской народности, складывания особенностей ее культуры и быта.

Научное, общественно-политическое и познавательное значение темы неоспоримо. Она важна прежде всего для белорусской исторической науки, одной из важнейших проблем которой, естественно, является этногенез белорусов. Своим происхождением, а также истоками и формированием национальных особенностей своей культуры, как и собственной историей в целом, глубоко интересуется каждый народ и в неменьшей степени — белорусский. В этом заключается и актуальность темы, хотя она и связана с далеким прошлым. Нельзя не согласиться с мнением акад. Б. А. Рыбакова, изучающего историю и культуру Киевской Руси: «...Будущий человек должен быть богат мыслями и знаниями, он должен отобрать из сокровищницы истории человеческой культуры все лучшее... Не стоит обеднять себя и ограниченно понимать актуальность. Будем брать все богатства человеческого разума, тысячелетней человеческой культуры»¹.

Человеческое общество, каждый народ и его культура развиваются в единстве прошлого, настоящего и будущего.

¹ «Литературная газета», 10 августа 1965 г.

Из истории изучения вопроса

Происхождение племен и народов, населяющих земной шар, издавна занимает не только ученых, но и просто пытливых людей. Об этом свидетельствуют древние этногенетические легенды и предания, известные в фольклоре разных народов, в том числе и белорусского. Так, в одной легендарной сказке, записанной А. К. Сержпутовским в б. Слуцком уезде, в свойственной этому фольклорному жанру фантастической форме толкуется происхождение полешуков¹; легенда «Векавечная мяжа» в таком же сказочном изложении объясняет, как исторически сложился рубеж между древнерусскими и ляшскими племенами² и т. п.

Дореволюционная историография не оставила нам специальных работ по этногенезу белорусов. Однако вопрос о происхождении белорусской народности неоднократно затрагивался в русской научной литературе и публицистике, особенно с первых десятилетий XIX в., после воссоединения Белоруссии с Россией (1772—1795).

¹ А. К. Сержпутоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў з Слуцкага павету. Л., 1926, стр. 69—73.

² «Крывіч». Коўна, 1923, № 3, стр. 3.

Первые попытки выяснить происхождение белорусской народности исходят от русских филологов. Уже в 1822 г. К. Ф. Калайдович установил преемственную связь между старобелорусским и древнерусским языками, подчеркнув общность происхождения и родство русской и белорусской народностей¹. Этим Калайдович возрождал древнюю традицию, идущую от русского летописания. Уже Густынская летопись (конец XVI—начало XVII в.) отмечала историческую общность и единство разных частей Руси: «Вестно есть всем, яко сии все... Москва, Белая Русь, Волынь, Подоля, Украина, Подгоря... единокровны и единорастлны, себо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются»².

К выводу Калайдовича пришли и другие представители русского образованного общества, обратившиеся к серьезному изучению истории, языка и культуры белорусского народа.

Признание единства происхождения русской, украинской и белорусской народностей, родства и близости их языков, быта и культуры, принадлежит к важнейшим достижениям русской историографии первой половины XIX в. Оно остается одним из основных положений и современного понимания проблемы этногенеза восточнославянских народов.

В развитии взглядов на происхождение белорусской народности нетрудно обнаружить проявление борьбы различных идеологических направлений. История белорусского народа нередко извращалась в угоду господствующим классам России и Польши.

¹ К. Ф. Калайдович. О белорусском наречии. Труды Общества любителей российской словесности, ч. 1, кн. 1. М., 1822, стр. 67—80.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. II, СПб, 1908, стр. 236.

С. Линдэ, например, живой белорусский язык считал польским диалектом («*tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt*»)¹.

Не избежал националистического угара и такой активный участник польского восстания 1830—1831 гг., как Александр Рыпинский, уроженец Белоруссии, этнограф, культурный и общественный деятель, близко общавшийся с русскими декабристами. Эмигрировав в Париж, он издал там небольшой фольклорно-этнографический сборник², все содержание которого отражает взгляды польских националистических историков и этнографов на происхождение белорусской народности. Воспитанный в духе воинствующего шовинизма польского реакционного шляхетства, Рыпинский не признавал за белорусами права именоваться самостоятельной народностью, упорно считал их частью польской народности, единого с ней происхождения. Белорусский язык — это польская речь «глубокой Белоруссии». «Эта Русь,— писал Рыпинский о Белоруссии,— насколько она есть и будет польскою, составляет нераздельную часть нашего дорогого отечества... Живет здесь народ славянского племени, издавна тесно породнившийся с семьею ляхов, честный, но убогий, и малоизвестный даже собственной отчизне его, Польше, хотя он любит ее выше всего...»³

Другая крайняя великодержавная точка зрения в вопросе о происхождении белорусской народности выдвигалась представителями русского реакционного дворянства и славянофильства, сторонниками официальной пра-

¹ S. B. Linde. O literaturze Rossyjskiej. «Pamiętnik Warszawski», 1816, V, стр. 126.

² A. Rypiński. Białoruś. Kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej prowincji... Paryż, 1840.

³ A. Rypiński. Białoruś, стр. 11.

вительственной линии. Она выразилась также в отрицании существования самостоятельных белорусской и украинской народностей и подведении их под общую рубрику «русских».

Эту точку зрения, проявившуюся в определенных концепциях происхождения восточных славян, отстаивал, в частности, видный представитель официального направления в русской историографии М. П. Погодин.

В своих работах, опубликованных в 40-х гг. XIX в., Погодин утверждал, что население Киевской Руси было... «великорусским», никаких «украинских» элементов там не было. Последние появляются в Приднепровье позднее, якобы после «отхода» русских под напором татар на север¹.

Антинаучная этногенетическая теория Погодина скоро была отвергнута. Однако позже ее подхватили учёные, выражавшие интересы русской националистической буржуазии, среди которых крупную роль играл историк русского языка акад. А. И. Соболевский.

Повторяя утверждения Погодина, отрицавшего само существование украинской и белорусской народностей и их языков, Соболевский не признавал за белорусским языком даже права называться «наречием» общерусского языка, а считал его «поднаречием» великорусского «наречия»².

¹ М. П. Погодин. Взгляд на русскую историю. Историко-критические отрывки, кн. I. М., 1846, стр. 1—18; Очерк русской истории. Там же, стр. 19—34.

² А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, вып. 1. Киев, 1888, стр. 275. См. также «Живая старина». СПб, 1892, вып. 3, стр. 3; «Белорусское наречие — не более как третье, западное и акающее поднаречие великорусского наречия».

К той же точке зрения близко примыкал и акад. И. И. Срезневский, славист, исследователь древнерусской письменности и палеографии. В своем «Обозрении главных черт сродства звуков в наречиях славянских»¹ он выделяет великорусское наречие с поднаречием белорусским. Позднее Срезневский уточняет высказанное им положение: «Гораздо правильнее белорусский говор считать местным говором Великорусского наречия, а не отдельным наречием»².

Таким образом, белорусский язык объявлялся то «диалектом» польского языка, то местным «говором» великорусского языка, что одинаково приводило к отрицанию белорусской народности. Это отвлекало некоторых ученых от правильного решения этногенеза белорусов.

Начиная с 60-х годов XIX в. происхождение белорусской народности все чаще затрагивается в общих трудах по истории России и в исследованиях по истории Белоруссии. Интерес к белорусскому народу повысился в связи с восстанием 1863 г. Белоруссия и ее народ становятся объектом более интенсивного изучения.

Наряду с тенденциозным подходом к «белорусскому вопросу», вызванным остротой политической ситуации, ряд русских и местных белорусских ученых более объективно подошли к изучению истории, языка, устного поэтического творчества и быта белорусского народа. В результате появились работы о Белоруссии, преимущественно сборники фольклорно-этнографических материалов. Это позволило пустить в научный обиход много новых ценных данных, свидетельствующих о культурной и язы-

¹ Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). СПб, 1845, ч. XLVIII, отд. II.

² И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб, 1887, стр. 36.

ковой близости, существующей у белорусов, украинцев и русских. Одновременно материалы выявили и специфические особенности языка и культуры белорусского народа. Тем самым отвергались измышления великодержавно-шовинистического толка о Белоруссии и белорусском народе, существующих якобы только в географическом понимании.

Интерес к Белоруссии, усилившийся в 60-е годы, вновь выдвинул вопрос о происхождении белорусов как существенной части истории белорусского народа. В научный спор вступили историки, которые накопили к тому времени значительный фактический материал, послуживший основой для ряда исследований по истории России и Белоруссии¹.

Среди виднейших историков второй половины XIX в., затрагивавших в своих трудах происхождение и формирование восточнославянских народностей, в том числе и белорусской народности, следует назвать Н. И. Костомарова. Основные взгляды на этот счет изложены Костомаровым в двух его статьях: «Мысли о федеративном начале древней Руси» и «Две русские народности»².

Принимая сообщение начальной русской летописи о дунайской прародине славян и декларативно признавая общность происхождения восточнославянских народов от единого «славянского племени», Костомаров в то же время проводит в этом вопросе буржуазно-националистиче-

¹ И. Беляев. История Полотска или Северо-западного края России от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872; П. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1882; В. Антонович. Монография по истории западной и юго-западной России. Киев, 1888; М. Довнар-Запольский. История Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891 и др.

² Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. 1. СПб, 1872.

скую точку зрения, упорно отстаивая особый исторический путь украинской народности, у которой якобы иско- ни существовали резкие отличия от великоруссов¹.

Образование народностей Костомаров толкует чрезвычайно путанно, смешивая понятие народности с территориально-политическими объединениями-землями.

Путанно толкует он и образование белорусской народности, касаясь ее, правда, попутно, когда отстаивает «обособленность» южноруссов. Белорусов он считает одной из шести главных народностей, в совокупности составляющих «народную стихию общерусскую»².

Сложная проблема происхождения белорусов решается Костомаровым весьма просто — белорусская народность произошла от кривичей: «Где были кривичи, там ныне белорусы»³.

Такое «решение» является примером того, как сложная проблема этногенеза разрешалась в буржуазной историографии нередко надуманно, без какого-либо исторического обоснования, но зато преследуя определенные политические цели.

В конце XIX в. новую теорию этногенеза восточнославянских народностей выдвинул историк В. О. Ключевский. Основной причиной, нарушившей этническое и языковое единство Древней Руси и давшей начало образованию отдельных народностей, он считал так называемый разрыв народности Литвой и в результате татаро-монгольского завоевания.

Образование восточнославянских народов Ключевский связывает с «распадением» единой русской народности «на две новые ветви, начавшееся приблизительно

¹ Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. I. СПб., 1872, стр. 4, 5, 56.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 29.

с XIII в., когда население центральной среднеднепровской полосы, служившее основой первоначальной русской народности, разошлось в противоположные стороны, когда обе разошедшиеся ветви потеряли свой связующий и обобщающий центр, каким был Киев, стали под действие новых и различных условий и перестали жить общей жизнью»¹.

В своих взглядах на происхождение восточнославянских народов Ключевский целиком примыкает к летописной традиции о дунайской прародине и расселении славян.

Основное положение этногенетической схемы Ключевского — разрыв народности как фактор, определивший образование отдельных восточнославянских народностей,— оказало большое влияние на последующее развитие взглядов на происхождение белорусской народности.

В своей теории происхождения восточнославянских народностей Ключевский затронул, однако, лишь одну сторону вопроса, не обратив внимания на внутренние социально-экономические процессы.

Наиболее серьезная и глубокая разработка проблемы этногенеза белорусов в досоветской историографии принадлежит филологам — академикам А. А. Шахматову и Е. Ф. Карскому.

По данным языка Шахматов доказал единство восточного славянства и нарисовал картину образования русской, украинской и белорусской народностей и их языков на единой этнической основе. Теория Шахматова о происхождении восточнославянских народностей была распространена до недавнего времени, многие ученые принимали ее как наиболее надежную и научно-объективную.

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1. Соч. в восьми томах, т. 1. М., 1956, стр. 293; 284—294, 335.

Впервые свои взгляды на происхождение восточных славян он изложил в небольшой статье «К вопросу об образовании русских наречий»¹ и затем развил их в работе «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей»². Позднее, совершенствуя и уточняя свою теорию, Шахматов изложил ее в одном из последних своих трудов — «Древнейшие судьбы русского племени» (Петроград, 1919).

Выводы, вытекающие из изучения языка, Шахматов стремится проверить и согласовать с показаниями истории русского народа.

Вот основные положения этногенетической схемы акад. А. А. Шахматова:

восточная ветвь славянства, объединенная единством языка, вышла из единой прародины славян и расселилась на огромной территории;

единый язык восточных славян еще «в доисторическое время» распался на три группы говоров: северорусскую, среднерусскую и южнорусскую, образовавшие позднее четыре русских наречия: северновеликорусское, южновеликорусское, белорусское и малорусское (украинское);

среднерусская группа говоров в свою очередь состояла из двух ветвей — западной и восточной. Западная ветвь среднерусской группы говоров дала начало белорусскому наречию;

восточнославянские племена выделились из общего славянского ствола;

после расселения восточной ветви славянства из единой прародины имел место ряд местных передвижений племен, вызванных различными причинами;

¹ «Русский филологический вестник». Варшава, 1894, № 3, стр. 1—12.

² ЖМНП, 1899, апрель, стр. 324—384.

раздробленное в результате расселения из прародины восточное славянство в X в. вновь объединяется «в одну семью» вокруг Киева, в едином древнерусском государстве;

после татарского нашествия в условиях новых государственных формирований образовались три русских народности—великорусская, белорусская и украинская;

белорусская народность сформировалась в результате объединения под властью Литвы восточнославянских племен, издавна населявших территорию Белоруссии, и тех элементов, которые проникли в Белоруссию в процессе частичных передвижений племен с юга и юго-востока.

Теория Шахматова послужила отправным пунктом для ряда других исследователей происхождения белорусской народности.

Основываясь на достижениях русского языкоznания и исторической науки XIX — начала XX в. и на результатах собственного изучения древнебелорусского и живого белорусского языков, теорию происхождения белорусского языка и белорусской народности разработал акад. Е. Ф. Карский.

Этногенетическая теория Карского, касающаяся белорусской народности, изложена в I томе его монографии «Белорусы», в главах: II. «Древнейшие обитатели белорусской территории в доисторическое время и при начале русского государства», III. «Язык русских племен, населявших белорусскую территорию в древнейшее время. Зарождение белорусских особенностей» и IV. «Объединение всех белорусских племен под властью Литвы и окончательная выработка «белорусской народности» и «белорусского языка»¹.

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904.

Основные положения этногенетической теории Карского сводятся к следующему: белорусская народность образовалась из древних, упоминаемых в летописях племен, населявших нынешнюю территорию белорусов. «Полностью вошли в состав белорусской территории,— отмечает Карский,— только дреговичи и радимичи; значительной долей — кривичи; остальные племена только отчасти имели с нею соприкосновение»¹. Из других племен Карский называет северян, вятичей и литовские племена ятвягов и голядь; их, «очень может быть, что в некоторых местах белорусы ассимилировали себе»².

В своей теории этногенеза белорусов Е. Ф. Карский исходит из данных древней русской летописи о расселении восточнославянских племен на территории Белоруссии, но считает эти племена, так же как соседних литовцев, автохтонными наследниками занимаемой ими территории.

Карский признает также существование «древнерусской прародины», однако местоположением ее он считает не бассейн Дуная, а Поприпятье. Из этих мест вслед за новгородскими славянами на север продвинулись полоцкие и смоленские кривичи, занявшие северную и северо-восточную Белоруссию³.

Процесс образования белорусской народности, по Карскому, начался и совершился в «период литовского владычества», т. е. с XIII—XIV вв. Карский обходит роль древнерусского государства в консолидации восточнославянских племен, а также не вскрывает и внутренние социально-экономические процессы, вызвавшие и ускорив-

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильно, 1904, стр. 65.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 75—79.

шие формирование белорусской народности. Вместо этого он ограничивается замечанием (которое трудно принять всерьез), что с установлением власти литовских князей над западнорусскими землями наступила «эпоха более или менее мирного культурного развития», создавшая «благоприятные условия» для формирования белорусской народности¹.

В разрешение проблемы этногенеза белорусов акад. Е. Ф. Карский внес значительный вклад, особенно своими исследованиями истории белорусского языка. Основываясь главным образом на выводах лингвистического анализа и привлекая некоторые материалы истории, археологии и этнографии, Карский создал довольно стройную схему происхождения белорусской народности, ряд положений которой нашел свое признание и у советских историков.

Наиболее ценным в теории Карского является обоснование общности происхождения трех братских восточнославянских народностей и их языков от единого общерусского корня; установление последовательного исторического развития основных черт белорусского языка — общерусских, общих с соседними украинскими и великорусскими говорами, и возникновения специфических белорусских черт, что имеет неоценимое значение для решения проблемы белорусского этногенеза в целом; обоснование самостоятельности белорусского языка в семье славянских языков.

К недостаточно обоснованным положениям теории Карского следует отнести его рассуждение о русской «прадорине», ограниченной им районом Припяти, о факторах, приведших к объединению древних племен в единую белорусскую народность, и т. д.

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение, стр. 113.

Этногенетические построения и Шахматова, и Карского основаны на использовании односторонних источников — главным образом данных языка.

В исследовании белорусского этногенеза почти не принимали участия археологи (за исключением А. Спицина), этнографы, антропологи.

Полностью не освещены еще вопросы происхождения белорусской народности в советской историографии. На пути к марксистско-ленинскому решению проблемы этногенеза советским ученым пришлось преодолевать традиции буржуазной историографии, старые схемы и особенно националистические теории.

Область этногенеза белорусские буржуазные националисты пытались использовать для обоснования исключительности, «самобытности» белорусов среди других славянских народов, особенно резкого отличия их от русских. Этнографические «исследования» националистов служили мостиком к их политическим реакционным установкам на «незалежную» Белоруссию.

Еще в 1910 г. белорусский националист В. Ластовский натужно пытался «доказать», что древние «белорусские племена» жили обособленно от остальных восточных славян.

С целью противопоставления белорусского народа народу русскому националисты вытащили на свет божий давно отвергнутое наукой предположение П. Шафарика о том, будто первоначальными насельниками Белоруссии были птоломеевы велеты или лютичи. На этой основе националистами была состряпана так называемая «волотокривская теория» происхождения белорусского народа, которую они широко пропагандировали.

Первую попытку белорусских националистов воскрепить теорию Шафарика сделал тот же Ластовский

в 1915 г. Рассуждая о предках современных белорусов, он голословно утверждал, что их звали волотами, вельтами, волками, иногда еще вдобавок лютыми. То же старался «доказать» и Язэп Лёсик: в состав белорусского народа вошли не русские племена, а «ляхи»-радимичи и волоты-лютичи-вильки, вовсе не являющиеся восточными славянами, а западными.

Позднее к «волотовской проблеме» обращается М. Касперович, который пытался придать ей видимость серьезного научного «исследования». В ход была пущена отпечатанная 20-тысячным тиражом анкета-вопросник о «волатах, люціах і ваўках», разосланная в 1928 г. во все низовые краеведческие организации и школы.

Не останавливаясь перед фальсификацией и подтасовкой данных, полученных из ответов на анкету, Касперович делает «вывод» о том, что, как ему «кажется», можно считать установленным, что с названием курганов волотовками связано представление о народе волотах. Последних он без всяких оговорок называет «нашымі продкамі»¹.

Политические тенденции буржуазных националистов породили и так называемую «кривскую», или «кривичанскую», теорию, по существу являющуюся той же «волотовской» теорией или ее продолжением. Еще польские шляхетские этнографы первой половины XIX в. пытались привить белорусам название «кривичан» или «кривицких славян», чтобы из самого имени белорусов удалить напоминание о родстве их с русским пародом.

Такую же политическую цель преследовали и белорусские буржуазные националисты.

Особенно рьяно ратовали они за замену названий «Беларусь» и «беларус» названиями «Крывія» і «крывіч»,

¹ «Наш край», 1929, № 6—7.

чтобы разорвать родственную связь между белорусским и русским народами.

Здесь кстати отметить, что из мутного омута буржуазного национализма черпали и черпают «научные идеи» фашистские прихвостни, военные преступники и их пособники, напялившие на себя тогу «ученых» и нашедшие убежище, «понимание» и поддержку в Соединенных Штатах Америки, Западной Германии и других буржуазных странах.

В годы войны небезызвестный Янка Станкевич не только помогал гитлеровцам устанавливать кровавый оккупационный режим, но и старался внести свой «вклад» в нацистскую литературу о Белоруссии. В конце 1941—начале 1942 г. в гебельсовском листке «Менская газета» систематически печатались его бредовые «очерки» по истории Белоруссии, изданные затем на марки оккупантов отдельной книжкой. В ней всю историю Белоруссии Станкевич излагает в духе «кривской теории» с заметным креном в сторону расизма. После войны его книжонка в несколько измененном виде была переиздана уже на средства новых хозяев.

Не далеко от Станкевича ушли и другие «исследователи» истории Белоруссии из реакционных эмигрантских организаций за рубежом. Здесь следует назвать прежде всего Н. Вакара, немало потрудившегося на антикоммунистическом поприще и пытающегося теперь антисоветской пропаганде придать научообразную форму. В своем «труде», посвященном истории Белоруссии, он со свойственной ему разнузданной демагогией излагает в новом издании старую националистическую теорию происхождения белорусского народа.

Основные работы, представляющие попытки по-новому осветить процесс формирования белорусской народности в советской историографии, принадлежат главным

образом историкам¹. В этих работах почти не привлечены необходимые для решения проблемы этногенеза белорусов археологические и этнографические источники, материалы антропологии, новые данные лингвистических исследований. В большинстве своем советские историки-исследователи белорусского этногенеза восприняли основные положения теории Карского, однако пошли значительно дальше его. Целиком была воспринята концепция об этнической основе белорусского народа, установленная Карским (древовичи, радимичи кривичи). Делаются попытки более развернуто показать процесс консолидации части древнеславянских племен в единую белорусскую народность.

В. И. Пичета развивает вчерне намеченное уже Д. А. Анучиным положение о «древнейших центрах» белорусского этногенеза. Он считает, что начальный этап формирования белорусской народности характеризуется образованием «на основе племенных скрещений» пяти «этнических добелорусских центров», в которых «основные» предки белорусов «встретились» с соседними племенами.

Названные авторы целиком приняли и другое основное положение Карского — о времени и внешних условиях формирования белорусской народности: в период, когда западные области Руси находились в составе Литовского княжества.

¹ В. Пичета. Образование белорусского народа. «Вопросы истории», 1946, № 5—6; Ф. Канстанцінаў. Аб паходжанні беларускага народа. Мінск, 1946; А. П. Пьянков. Происхождение белорусского народа. Минск, 1948; Н. С. Державин. Происхождение русского народа. М., 1944; Л. В. Черепин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 7—105.

Весьма существенным дополнением к построению Карского явилось положение о решающей роли социально-экономических факторов в формировании белорусской народности. В. И. Пичета подчеркивал: «Было бы ошибочным объяснить образование белорусского народа только политическим объединением западной Руси в пределах литовского государства... Немецкая агрессия, с одной стороны, и развитие экономических связей между отдельными областями — с другой, были важнейшими факторами, ускорившими образование белорусской народности»¹. В. И. Пичета особо останавливается на роли экономического развития белорусских земель XIV—XVI вв., отмечает отдельные экономические районы, тяготеющие к тому или иному городскому центру, показывает постепенное образование внутреннего рынка.

Важным моментом в работах советских историков является признание древних восточных славян, объединившихся в единую древнерусскую народность, общим предком трех братских народностей — русской, украинской и белорусской. Это нанесло сокрушительный удар по буржуазно-националистическим теориям.

Отрицательное влияние на развитие этногенетических исследований оказал культ личности Сталина, сковывавший творческую научную мысль в этой сложной области исторической науки. Безоговорочно было принято утверждение Сталина о курско-орловском и полтавско-киевском диалектах, якобы составивших основу русского и украинского национальных языков, утверждение, кстати, не нашедшее подкрепления в последующих специальных лингвистических изысканиях.

Были начаты поиски «основы» и белорусского нацио-

¹ В. И. Пичета. Образование белорусского народа. стр. 19—20.

нального языка, обойденной вниманием Сталина. Она была «обнаружена» в говорах Минского района¹, в центрально-белорусских диалектах².

Трудно допустить, чтобы общенациональный язык образовался на основе одного какого-либо диалекта. Вернее предположить, что основой национального языка послужили все главнейшие диалекты данного языка. Между тем формула о диалектной основе национального языка была принята на «вооружение» и исследователями этногенеза. Отсутствие конкретного изучения разносторонних источников нередко приводило к схематизму и социологизированию в сложной проблеме этногенеза.

Издание «Истории БССР»³ явилось шагом вперед в решении проблемы этногенеза белорусов. Хотя формированию белорусской народности посвящен небольшой раздел, в нем сжато изложены важнейшие моменты этого процесса. Однако в общем верная и стройная схема белорусского этногенеза, отраженная в этой работе, требует еще своего дальнейшего раскрытия и научного обоснования.

Во втором издании «Истории БССР» (1961) больше внимания уделено явлениям социально-политической и экономической жизни, благоприятствовавшим формированию белорусской народности (автор раздела З. Ю. Коцкыцкий).

¹ П. Н. Гапанович. К вопросу о народно-диалектной основе современного белорусского национально-литературного языка. (Говоры Минского района Минской области). Автореферат канд. дисс. Минск, 1954.

² Н. Т. Вайтовіч. Да пытания аб дыялекцнай аснове беларускай літаратурнай мовы. Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. II. Мінск, 1954, стр. 173; О диалектной основе современного белорусского литературного языка. «Вопросы языкоznания». 1954, № 4.

³ История БССР, т. I. Минск, 1954.

Заметным явлением в советской литературе по этногенезу восточнославянских народов следует признать сборник «Вопросы формирования русской народности и нации», в котором особый интерес для нас представляет работа Л. В. Черепнина о складывании русской народности¹. На широком историческом материале автор характеризует предпосылки возникновения и само существование древнерусской народности, вскрывает предпосылки формирования русской, украинской и белорусской народностей (XII—XIII вв.). Однако на складывании белорусской народности Л. В. Черепнин останавливается кратко, вскользь и излагает этот вопрос схематично. Так же кратко и схематично излагается процесс формирования восточнославянских народностей, в том числе и белорусской, в известном курсе этнографии народов СССР С. А. Токарева² и во многих учебниках истории СССР, изданных в последние годы³.

Из новейших обращений к проблеме происхождения белорусов необходимо назвать работы археолога В. В. Седова⁴. Однако автор главным образом касается проис-

¹ Л. В. Черепнин. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн.: «Вопросы формирования русской народности и нации». М.—Л., 1958, стр. 7—105.

² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958, стр. 26—28.

³ См., например, История СССР, т. I. М., 1956, стр. 206—207; История СССР, т. I. М., 1964, стр. 229—234 (автор А. М. Сахаров).

⁴ В. В. Седов. О происхождении белорусов. В кн.: «Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий». Минск, 1966, стр. 301—309; Славяне Берхнего Поднепровья и Подвилья (до XIV в.). Автореферат докт. дисс. М., 1966; К происхождению белорусов. (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов). «Советская этнография», 1967, № 2, стр. 112—129.

хождения восточнославянских племен и древнерусского населения, а в образовании белорусской народности явно преувеличивает роль балтского субстрата, считая его определяющим фактором в формировании этнических особенностей белорусов.

Обзор историографии белорусского этногенеза убеждает в необходимости дальнейшего, более конкретного изучения вопросов происхождения и этнического развития белорусской народности, складывания особенностей ее культуры и быта.

Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности

Социально-экономические и политические факторы принадлежат к определяющим в образовании народности и складывании особенностей ее культуры. Между тем в историографии до сих пор не установлены основные этапы складывания и развития белорусской народности.

Исследование проблемы этногенеза белорусов позволяет выделить следующие основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности:

VI—VIII вв. (примерно) — период освоения будущей территории Белоруссии восточнославянскими племенами, которые вместе с племенами других областей Руси послужили этнической основой формирования древнерусской народности;

IX—XIII вв.— период древнерусской народности, явившейся единым корнем будущих родственных народностей — русской, украинской и белорусской;

XIV—XVI вв.— период формирования белорусской народности;

XVII — конец XVIII в.— период дальнейшего развития белорусской народности, протекавшего в условиях усиления иноземного гнета, обострения социальной и национально-освободительной борьбы народных масс;

конец XVIII в. (после воссоединения Белоруссии с Россией) до крестьянской реформы 1861 г.—период создания предпосылок для превращения белорусской народности в нацию.

В основу предлагаемой периодизации положены главные этапы развития феодального общества и важнейшие исторические события, в целом определившие процесс формирования и развития белорусской народности.

VI—VIII вв. были периодом интенсивного разложения и распада первобытнообщинного строя и зарождения феодальных отношений у восточных славян. К этому же примерно времени относится расселение восточных славян и освоение ими будущей территории Белоруссии. Хотя дальнейшее продвижение славян продолжалось и позднее, основная этническая территория западной части древнерусской народности и будущей белорусской народности сложилась уже в данный период из областей расселения дреговичей, смоленско-витебских кривичей и их ответвления — полочан, радимичей, частично соседних северян, древлян и волынян, а также частично балтийских племен — литвы, ятвягов, ославянение которых уже началось.

Расселение названных племен согласуется в основном с этнографической картиной, очерченной в летописи.

Расселению древних племен на территории Белоруссии посвящена специальная глава.

IX—XIII вв.—период становления и развития феодальных отношений, вызревания предпосылок феодальной раздробленности и самого существования феодальной раздробленности на Руси. Период этот соответствует времени древнерусской народности, единство которой в значительной мере сохранялось и после раздробления древнерусского государства (Киевской Руси) на отдельные княжества.

Древнерусская народность явилась общим этапом в истории каждой из трех братских народностей — русской, белорусской и украинской. Консолидация племен или племенных союзов, населявших территорию Белоруссии, не привела к образованию белорусской народности. Этот процесс, т. е. сплочение племен, населявших западную часть Руси, не был обособленным, а составлял звено в едином объединительном процессе, охватившем все восточнославянские племена и приведшем к образованию единой древнерусской народности. Таким образом, особенность образования русской, украинской и белорусской народностей заключается в том, что им исторически предшествовала единая древнерусская народность.

В XII в. в недрах древнерусского государства развивается тенденция к децентрализации. Отдельные части его обособляются, возникают новые государственно-политические объединения — княжества, новые феодальные центры. Наступает период феодальной раздробленности. Несмотря на это, единство древнерусской народности и Русской земли сохранялось еще в XIII в., «народные массы не забывали о своем этническом и историческом единстве, об общерусских задачах защиты и укрепления родной земли»¹.

К этому времени еще нельзя отнести начало складывания трех отдельных восточнославянских народностей. Процесс их формирования начинается лишь после распада единства Древней Руси. Отдельные части древнерусской народности в ходе дальнейшего социально-экономического развития Руси обособились и из них постепенно образовались русская, украинская и белорусская родственные народности.

Общность происхождения трех братских, родственных

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма, 1. М., 1953, стр. 12.

народов, их неразрывные связи и взаимная поддержка в значительной степени определили исторический путь белорусской народности, послужили важнейшим фактором ее развития и укрепления.

Вопрос об образовании древнерусской народности не входит в задачу нашего исследования. Он широко освещен в известных трудах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, П. Н. Третьякова, Л. В. Черепнина и др. В данном случае нас интересуют лишь некоторые его аспекты — объединение племен, населявших территорию Белоруссии, с остальными восточнославянскими племенами, возникновение экономических связей, достижение языкового и культурного единства древнерусской народности, при сохранении которого позднее сложились особенности каждой из восточнославянских народностей в отдельности, и т. п.

Культура Киевской Руси, в сокровищницу которой внесли свой вклад все восточнославянские племена, объединившиеся в единую древнерусскую народность, послужила общей почвой и источником дальнейшего развития культуры каждой из восточнославянских народностей. Именно в этот период сложилась та восточнославянская культурная общность, которая во многих проявлениях сказалась и в последующее время, когда каждая из народностей в новых исторических условиях создавала свою культуру со свойственными ей самобытными особенностями. Культурная общность, достигнутая древнерусской народностью, в значительной своей части сохранялась на протяжении столетий, служа живым свидетельством единства происхождения, кровного родства, близости и схожести народной культуры русских, украинцев и белорусов.

XIV—XVI вв. являются периодом дальнейшего развития феодальных отношений в Белоруссии. Усилилось

порабощение народных масс (особенно после Люблинской и Брестской уний 1569 и 1596 гг.), окончательному закрепощению подверглось крестьянство. В этот период на западнорусских землях, в силу исторических обстоятельств политически обособленных от северо-восточных земель Руси и подчиненных Великому княжеству Литовскому, совершался процесс формирования белорусской народности.

Территория, на которой шло формирование белорусской народности, в основном определилась границами Великого княжества Литовского. Эти границы, особенно на востоке и севере, частично и на юго-западе, в ходе истории претерпели некоторые изменения, в соответствии с чем изменялись и пределы этнической территории белорусской народности.

Развитие торговых связей, рост товарно-денежных отношений, происходившие в этот период, содействовали сближению населения западной части Руси. В создании элементов экономической общности и в экономическом сближении отдельных земель особая роль принадлежала белорусским городам. Многие из них стали крупными административными, хозяйственно-ремесленными, торговыми и культурными центрами. Уже к XVI в. такими центрами стали Полоцк, Могилев, Витебск, Минск, Слуцк, Гродно, Пинск, Брест и другие города.

Так, только Могилев в XVII в. вел торговлю более чем с 60 городами Белоруссии и соседних государств¹. Постоянные торговые связи Могилев поддерживал с городами Московского государства — Москвой, Смоленском, Псковом, Вязьмой, Торопцом, Великими Луками, Калу-

¹ В. И. Мелешко. О торговле и торговых связях Могилева в XVII в. Труды Ин-та истории АН БССР, вып. 3. Минск, 1958, стр. 48.

гой, Новгород-Северским, Брянском, Стародубом и др.¹. Оживленная торговля велась также между городами Белоруссии и Польши², с городом Ригой и др. В 1405 г. полоцкие и рижские купцы возобновили договор о том, чтобы «торговать по старому закону всякую торговлю, купити, продати...»³

В развитии экономических и культурных связей между отдельными частями формирующейся белорусской народности важную роль играли пути сообщения, которые еще в древности использовались для межплеменного обмена.

Древнейшими путями на территории Белоруссии были реки, а также грунтовые пути, пролегавшие преимущественно вдоль рек. По рекам или по их берегам продвигалось, осваивая новые земли, пригодные для земледелия, древнейшее население Белоруссии. На берегах рек возникли и первые поселища, а затем выросли и города: Туров, Пинск, Мозырь на Припяти, Речица, Могилев и Орша на Днепре, Гомель на Соже, Полоцк и Витебск на Западной Двине, Брест на Западном Буге, Гродно на Немане, Бобруйск и Борисов на Березине, Слуцк на Случи, Минск на Свислочи и др.

Речные пути способствовали не только развитию внутренних экономических связей — обмену и торговле, но служили средством и международных торговых связей.

Уже в период древнерусского государства через территорию Белоруссии по Днепру пролегал великий

¹ В. И. Мелешко. О торговле и торговых связях Могилева в XVII в. Труды Ин-та истории АН БССР, вып. 3. Минск, 1958, стр. 48. См. также: Л. С. Абецедарский. Торговые связи Белоруссии с русским государством. Ученые записки Белорусского гос. ун-та, вып. 36. Минск, 1957; Русско-белорусские связи. Сб. документов. (1570—1667). Минск, 1963.

² З. Ю. Копысский. Экономическое развитие городов Белоруссии XVI—XVII вв. Минск, 1966, стр. 171—199.

³ Русско-ливонские акты. СПб, 1868, стр. 120.

торговый путь «из варяг в греки». В области Верхнего Поднепровья этот водный путь связывал бассейны Немана и Западной Двины с помощью развитой сети воловков и переходов через водоразделы рек.

Днепр был главной и древнейшей водной магистралью, связывавшей Белоруссию с Югом и Севером. Крупные и более мелкие притоки Днепра служили местными путями сообщения, идущими в разные направления. Важную роль в передвижении населения, в развитии экономических и культурных связей с древнейших времен играл водный путь по Западной Двине. Она близко примыкала к водным путям по Днепру и Волге, а также связывала Полоцкую землю, север Белоруссии с Балтийским морем.

В период формирования белорусской народности на территории Белоруссии уже существовала устойчивая сеть сухопутных дорог, которая не только укрепляла внутренние связи, но связывала Белоруссию также с соседними Московским государством, Украиной, Польшей, Литвой, Латвией, Пруссией и более отдаленными странами.

Разветвленная сеть водных и грунтовых путей являлась важным средством развития экономических связей и установления той экономической общности, которая, хотя и в относительно слабой степени, уже присуща народности как этнической общности.

Однако следует иметь в виду, что далеко не все части Белоруссии были в одинаковой степени обеспечены путями сообщения и экономически связаны между собой. Еще даже в конце XIX в. многие районы Белоруссии представляли собой картину непролазного бездорожья. Некоторые части Белоруссии, и в частности Полесье, имели более слабую экономическую связь с остальной территорией. Не следует ли видеть в этом одну из причин того, что, например, в Полесье большую устойчивость,

чем в других местах, обнаружил ряд местных, областных особенностей в языке и культуре?

Шло развитие языковой общности, формирование общенародного белорусского языка, явившееся одним из основных факторов образования белорусской народности. Е. Ф. Карский считал, что важнейшие особенности белорусского языка в той или иной мере существовали уже в XIII в.¹ В древних памятниках письменности выявлены важнейшие черты общенародного белорусского языка — твердый «р» известен с XIV в., дзеканье, чеканье и аканье — с XV в.² На существование особого языка белорусов в Великом княжестве Литовском указывал Ф. Энгельс³.

Складывался также белорусский литературный язык. От XV—XVI вв. сохранился ряд письменных памятников — грамот, юридических документов, рукописных книг — на старобелорусском языке («Летопись Авраамики» 1495 г. и др.). Ранними памятниками белорусского литературного языка являются издания Ф. Скорины. Исследователями языка скорининских изданий установлено, что в своей основе это был белорусский литературный язык XVI в.⁴

Уже сама возможность возникновения литературного языка, понятного всем людям «русского языка», говорит о многом. Она свидетельствует прежде всего о том, что

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, стр. 105.

² Нарысы на гісторыі беларускай мовы. Мінск, 1957, стр. 14—15.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 163.

⁴ См.: П. В. Владимиrow. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и языки. СПб, 1888; Т. Ламцёў. Скарына як пачынальнік беларускай літаратурнай мовы. «Беларусь», 1945, № 3; М. А. Алексютовіч. Скарына, яго дзеянасць і свядопогляд. Мінск, 1958; С. Майхровіч. Георгій Скарына. Мінск, 1966.

задолго до первой четверти XVI в. уже сформировалась языковая общность белорусской народности, развился общенародный белорусский язык, обеспечивший возникновение литературного языка. Переводы Ф. Скорины начала XVI в. показывают, что «белорусский язык, как живой язык народа в ту эпоху вполне сформировался»¹. Поэтому о времени Скорины можно говорить как о времени, в которое белорусская народность уже достигла своей полной зрелости.

Памятниками белорусского литературного языка XVI в. являются также «Катехизис» Симона Будного, изданный в 1562 г. в Несвиже для «простых людей языка русского», издания Василия Тяпинского, Литовский статут и др.

Наряду с Франциском Скориной среди наиболее выдающихся деятелей книгопечатания в Белоруссии XVI в. видное место заняли русский первопечатник Иван Федоров и его ближайший сподвижник белорус Петр Тимофеев Мстиславец. Оборудованные Иваном Федоровым в Заблудове и Петром Мстиславцем в Вильне типографии способствовали дальнейшему развитию белорусского книгоиздания и улучшению качества издаваемых книг.

Наряду с развитием экономических связей и языковой общности большую роль в процессе формирования белорусской народности играли борьба народных масс против социального гнета «своих» феодалов, сплочение народных сил отдельных земель в общей борьбе против нападений иноземных захватчиков. Борьба эта неминуемо содействовала процессу этнической консолидации.

В борьбе против иноземного гнета у белорусов возникло и укреплялось национальное самосознание, сознание общности происхождения, единства и родства с русскими

¹ Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1951, стр. 6.

и украинцами. Белорусской народности приходилось неоднократно отбивать разбойничьи набеги татар. Немало побоищ с татарами происходило на белорусской земле вплоть до XVI в.

Упорное сопротивление населения западных областей Руси встречали также захватнические нападения литовских князей, немецкая агрессия.

В продолжение ряда веков белорусский народ вел мужественную освободительную борьбу с польскими магнатами и шляхтой против феодального и национального гнета. В этой борьбе он пользовался поддержкой и помощью братских русского и украинского народов. Борьба народных масс Белоруссии в условиях иноземного гнета литовских, а позднее польских феодалов, естественно, обостряла сознание своей народности, усиливала стремление удержать ее, сохранить свои обычаи, культуру и язык, отличные от обычаем, культуры и языка угнетателей.

Борьба эта вызывала у трудящихся масс чувство патриотизма, которое всегда проявляется с особой силой тогда, когда народ переносит тяжелые испытания, вызванные нашествием врага, когда родине угрожает опасность иноземного порабощения.

Социально-экономическое развитие Белоруссии в XV—XVI вв. характеризуется усилением феодальной эксплуатации крестьянства. Размеры феодальных повинностей крестьян как в королевских, так и в частновладельческих поместьях неуклонно возрастили. По подсчетам В. М. Горцева, произведенным на основе изучения инвентарей и других документов, отработочная рента тяглового крестьянина с одной волоки земли в конце XVI в. составляла 138 рабочих дней, а денежная и натуральная ренты были равны 92—95 грошам¹.

¹ «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх навук. 1958, № 3, стр. 69.

В период формирования белорусской народности одновременно с развитием белорусского языка складывались также основные белорусские народные особенности в хозяйственном и общественном быте, в материальной и духовной культуре — в типах жилища, его внутреннем убранстве и домашней утвари, в одежде, пище, обрядах и обычаях, в художественном творчестве, фольклоре. При сохранении значительной общности, органической связи и близости с культурой русского и украинского народов белорусская культура приобрела в это время многие из своих отличительных черт, придавших ей самобытный характер, национальное своеобразие.

Формируясь в народность, белорусы создали богатую культуру, выделив из своей среды талантливых писателей, ученых, зодчих, художников, мастеров народного творчества.

Процесс складывания белорусской народности растянулся на несколько столетий. Сдерживал его ряд причин социально-экономического характера, вытекавших из самой природы феодального общества и способствовавших значительной разобщенности отдельных частей Белоруссии.

XVII—конец XVIII вв. — период дальнейшего развития белорусской народности. Начало периода, первая половина XVII в., является наиболее бурным временем в ее социальной и национально-освободительной борьбе. Это время отмечено непрекращающейся и особенно упорной борьбой народных масс против все усиливающегося феодального и национально-религиозного гнета, за воссоединение с братским русским народом. К середине XVII в. эта борьба достигла напряжения и вылилась в массовые народные выступления против польских феодалов и польско-католической агрессии. Освободительное движение народных масс Белоруссии часто сливалось с борьбой

украинского казачества. В ряды казаков вступали многие беглые крестьяне из Белоруссии, отдельные казацкие отряды-загоны действовали на территории Белоруссии совместно с белорусскими крестьянами и горожанами. В 1654 г. на помощь белорусам и украинцам пришло Русское государство, вступившее в войну с Речью Посполитой за освобождение белорусских и украинских земель от польско-литовского господства.

В начале войны 1654—1657 гг. русские войска, встретившая горячую поддержку белорусского народа, освободили почти всю Белоруссию. Во время войны с новой силой разгорелась освободительная борьба белорусского народа против польских панов за воссоединение с Россией. Однако эта война не привела к освобождению Белоруссии. По Андрушовскому перемирию 1667 г. Белоруссия и Правобережная Украина остались еще под властью Речи Посполитой. К Русскому государству отошли Смоленское воеводство, Стародубский повет, Левобережная Украина и Киев¹.

В начале XVIII в. во время Северной войны (1700—1721) белорусский народ активно участвовал в борьбе против нашествия шведов².

Развитие белорусской народности протекало в условиях непрерывной борьбы крестьянства и городских низов против тяжелого феодально-крепостнического и национального угнетения, в условиях жестоких преследований родного языка, белорусской культуры и религии предков.

¹ История БССР, т. I. Минск, 1961, стр. 181—189; Л. С. Абец-цэдарскі. Барацьба украінскага і беларускага народаў за ў'язданнанне з Расіяй у сярэдзіне XVII ст. Мінск, 1954.

² Подробно об этом см.: А. П. Игнатенко. Участие белорусского народа против шведских захватчиков в годы Северной войны. Ученые записки Белорусского гос. ун-та, вып. 36. Минск, 1957, стр. 43—56.

Борьба за национальное существование обостряется с усилением наступления панского-католической реакции на белорусскую и украинскую народности, проявившегося в насильственном насаждении унии. Уния была задумана польскими феодалами и Ватиканом в качестве промежуточной ступени от православия к католицизму, который они стремились навязать белорусам и украинцам. Помощью церковной унии польские феодалы намеревались окатоличить белорусский и украинский народы, порвать их братские связи с русским народом и усилить феодально-крепостническую эксплуатацию населения Белоруссии и Украины. Над белорусской народностью нависла опасность ополячения, ассимиляции и полной денационализации.

Поэтому борьба народных масс Белоруссии против церковной унии, несмотря на внешнюю религиозную форму, которую она приняла, была борьбой не только против навязываемого католичества, за сохранение православной веры, но и борьбой против ополячения, за удержание своей народности, за братское единство с русским народом. В то же время борьба народных масс против унии по существу была борьбой против усиливающегося феодально-крепостнического гнета, за социальное освобождение.

Против унии, в защиту православной «русской» веры, первоначально выступала и белорусская феодальная знать, светская и духовная. Однако, защищая православие от поглощения его унией и католичеством, она заботилась о сохранении своих привилегий в феодальном государстве и своего права безраздельной эксплуатации белорусского народа.

Народные же массы Белоруссии, не задумываясь над догматическими различиями и не интересуясь ими, твердо знали одно, что насаждение «панской веры» грозило

усилением господства ненавистных польских панов и крепостнического гнёта.

Католицизм всегда был воинствующей и агрессивной религией. Победа католицизма в Белоруссии в условиях шляхетской католической Речи Посполитой грозила окончательным отрывом белорусского народа от единокровного русского народа, увековечением иноzemного господства, лишением белорусов их национального существования как народности и еще большим социальным угнетением. Поэтому антифеодальное и национально-освободительное движение белорусского народа приобрело религиозную окраску и нередко проходило под знаком сопротивления насилию навязываемой унии и католицизму. Крестьянские выступления с помощью украинского казачества стали более мощными после Брестской унии 1596 г. Вместе с закрепощенным крестьянством против насаждения унии и феодального гнёта выступили и массы горожан¹.

Белорусская феодальная знать, напуганная превращением народной борьбы против унии в мощное антифеодальное движение, предала интересы своего народа и перешла в лагерь польских магнатов. Национально-освободительное движение народных масс XVII в. способствовало дальнейшему сплочению и развитию белорусской народности. Оно во многом определило также направление и содержание культуры Белоруссии того времени. В области литературы, например, наиболее характерным явлением было распространение полемических и публи-

¹ З. Ю. Копысский. Из истории общественно-политической жизни городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Труды Ин-та истории АН БССР, вып. 3. Минск, 1958, стр. 37—42; Р. Р. Крючок. Героическая оборона Могилева в 1655 году. Ученые записки Могилевского пед. ин-та, вып. III. Минск, 1956, стр. 25—41.

цистических произведений, возникших в противостоящих друг другу лагерях и отразивших религиозную борьбу между православием, с одной стороны, унией и католицизмом — «латинством», с другой. Полемическая литература, направленная против унии, принадлежит к особенностям белорусской литературы конца XVI—XVII в., так же как, например, насыщенность антикрепостническими мотивами в значительной мере характеризует белорусское устное творчество, особенно песни, сказки, пословицы этого периода.

Белорусская литература XVI—XVII вв. представлена также многими произведениями других жанров. От этого периода до нас дошли различные проповеднические сочинения, произведения исторического содержания, летописи (например, Барколабовская летопись 1562—1608 гг. и др.), богатая переводная литература, повести, романы. К этому периоду относится также развитие в Белоруссии так называемой виршевой поэзии и появление ряда драматургических произведений. Одним из выдающихся писателей XVII в., создавшим множество виршевых произведений, был Симеон Полоцкий (1629—1680), белорус из Полоцка, деятельность которого далеко вышла за пределы Белоруссии, сыграв заметную роль в культурной жизни Русского государства.

В Литовском государстве культура белорусского и украинского народов играла ведущую роль. Об этом говорит хотя бы Литовская метрика, архив государственной канцелярии великого князя Литовского XV—XVIII вв., документы которого писаны преимущественно «руським», то есть белорусским языком того времени. Такое положение белорусского языка благотворно сказалось на развитии просвещения, книгопечатания и литературы в Белоруссии.

После поражения восстаний народных масс в середине XVII в. борьба против социального и национального угнетения и за воссоединение с Россией не утихла. Не приостановилось также развитие белорусской народности и ее культуры, хотя в XVIII в. сложились для этого особенно неблагоприятные условия. В 1696 г., например, всеобщая конфедерация сословий Речи Посполитой постановила запретить белорусский язык в качестве официального письменного языка в Великом княжестве Литовском и ввела вместо него польский язык¹, целиком воспринятый белорусской аристократией, перешедшей в католичество и окончательно ополячившейся. Несмотря на все препятствия, запрещения и преследования со стороны шляхты и иезуитов, развитие белорусской культуры не прекращалось. Белорусский народ жил, боролся, трудился, создавал свою материальную и духовную культуру, свое искусство, литературу, народную поэзию, значение которой в общем развитии культуры после запрещения письменного и печатного белорусского слова еще возросло.

Заметный след в истории борьбы белорусского и украинского народов против насильственного окатоличения и ополячения оставили православные братства, возникшие первоначально как церковно-благотворительные организации горожан. Деятельность братств в области просвещения способствовала также развитию культуры Белоруссии.

Подлинным творцом культуры был трудовой народ. Оставаясь в своей массе безграмотным, он передавал от поколения к поколению свои песни и сказки, богатые на выки в области материальной культуры. О высоком уровне белорусской народной культуры свидетельствует

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II. Минск, 1960, № 250, стр. 362.

развитие художественных ремесел, имеющих в Белоруссии давние традиции. В XVII—XVIII вв. славилась так называемая «белорусская резь»—художественная резьба по дереву. Всемирную известность приобрели шелковые «слуцкие пояса», выдающиеся памятники белорусского прикладного искусства XVIII в.

Конец XVIII в.—первая половина XIX в. и последующие годы до реформы 1861 г. явились периодом разложения и распада феодально-крепостнических отношений. Процесс этот ускорялся не только возникновением капиталистических отношений и развитием внутреннего рынка, но и развертыванием борьбы крестьянства за уничтожение барщины.

Период этот отмечен важными историческими событиями. Основным из них является воссоединение Белоруссии с Россией в конце XVIII в. (1772—1795), которое имело большое прогрессивное значение и определило дальнейшую судьбу белорусской народности в тесном единении с историей русского народа.

Шагнуло вперед экономическое развитие Белоруссии. Стала возрастать товарность сельского хозяйства, в первую очередь помещичьего. Значительный сдвиг произошел в развитии промышленности, возникают предприятия с применением вольнонаемного труда. Оживляется внутренняя и внешняя торговля.

Во внутренней торговле Белоруссии важную роль в этот период играли ярмарки, среди которых наиболее крупными и известными были Зельвенская и Свислочская в Гродненской губернии, Минская контрактовая ярмарка, ярмарка в Бешенковичах Витебской губернии¹.

Развитие торговых связей и увеличение вывоза в результате роста товарности феодальных поместий вызвало

¹ История БССР, т. I, стр. 263.

строительство искусственных водных путей — каналов в Белоруссии. В конце XVIII — в начале XIX в. в Белоруссии начали прокладывать первые широкие дороги-тракты, известные здесь под названиями «шлях», «бальшáк», «гасцінец», иногда «Кацярынінскі шлях», по имени Екатерины II, в царствование которой началось строительство этих дорог.

После воссоединения с Россией «в Белоруссии началось быстрое развитие всех отраслей хозяйства, экономика Белоруссии все более тесно связывалась с общероссийским рынком, становилась его органической частью»¹.

Под благотворным воздействием могучей культуры русского народа и передовой русской общественной мысли стала развиваться белорусская культура.

После воссоединения с Россией белорусский народ плечом к плечу с русским народом участвовал в Отечественной войне 1812 года.

Борьба, которую беспрестанно вели народные массы Белоруссии против социального и иноземного гнета, составляла основное содержание истории белорусской народности. В условиях борьбы она сформировалась и укрепилась как народность, отстояв свой родной язык, обычай и особенности культуры.

Зарождение капитализма создавало предпосылки для превращения белорусской народности в белорусскую нацию.

¹ История БССР, т. I, стр. 269.

Расселение восточнославянских племен на территории Белоруссии

*(К вопросу образования этнической территории
белорусской народности)*

Происхождение восточнославянских племен, населявших территорию будущей Белоруссии, а также складывание древнерусской народности служит предметом особых исследований историков и археологов.

Задача нашей работы ограничивается исследованием вопросов формирования белорусской народности, имея в виду уже задолго сложившуюся этническую общность — древнерусскую народность. В то же время нас не могут не интересовать те древние племена или племенные союзы, из которых сложилась древнерусская народность. При этом мы исходим из твердого убеждения, что многие культурно-бытовые и языковые особенности племен западной части Древней Руси или их отдельные черты могли удержаться не только в период существования единой древнерусской народности, но сохранялись и позднее, в рамках белорусской народности, получив там нередко свое дальнейшее развитие.

Таким образом, границы расселения древних племен могут помочь выяснить не только образование этнической территории белорусской народности, но и складывание многих черт ее культуры, возникновение областных различий.

Восстановление племенных границ поможет также уяснить, как в рамках древнерусской народности, а затем в процессе формирования и развития белорусской народности закладывались основы общности территории, а вместе с ней и известной общности экономической жизни, языка, культуры.

В главе отдельно рассматриваются пределы расселения основных восточнославянских племенных союзов на территории Белоруссии: территория дреговичей, территория днепровско-двинских кривичей и полочан, территория радимичей. Границы областей, занятых этими племенными объединениями, по возможности восстанавливаются в их историческом развитии. В результате исследования выясняются общие пределы этнической территории будущей белорусской народности.

ТЕРРИТОРИЯ ДРЕГОВИЧЕЙ

О дреговичах имеется два достоверных письменных упоминания. Одно из них принадлежит автору «Повести временных лет», который, излагая события IX в., называет известные ему восточнославянские племена и среди них дреговичей¹. Другое упоминание о дреговичах принадлежит византийскому императору Константину VII Багрянородному (905—959). В своем сочинении «Об управлении империей» (*«De administrando imperio»*)², содержащем сведения о Киевской Руси, Константин Багрянородный называет дреговичей среди племен, плативших дань киевскому князю. Никаких географических

¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 11.

² В русском пер.: Конст. Багрянородный. О народах. М., 1899; Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Пер. В. В. Латышева. «Изв. ГАИМК». Л., 1934, вып. 91. («Об управлении государством», гл. 9).

данных относительно земли «дреговитов» Багрянородный не приводит.

В «Повести временных лет» о расселении дреговичей даны самые скучные сведения. Летописец ограничивается кратким замечанием о том, что дреговичи «седоша» на территории «межю Припетью и Двиною». Но это лишь общее указание на место обитания дреговичей. Притом названы только южные и северные пределы земли этого племени. Как далеко простиралась дреговичская земля на восток можно судить по тому, что уже на Соже, согласно летописи, сидели радимики. Значит можно предположить, что восточные поселения дреговичей достигали Днепра или местами переходили на его левый берег. О западных пределах дреговичской территории в летописи нет никаких указаний.

Что же представляло собой летописное племя дреговичей и как простирались границы его территории?

В советской исторической науке прочно утвердилось мнение о том, что славянские племена, перечисленные русской летописью, были по существу племенными союзами или территориально-племенными объединениями. У славян такие союзы сложились задолго до объединения их в единую древнерусскую народность¹. Таким территориальным племенным объединением были и летописные дреговичи. Дреговичи — это жители болот (древнерусск. дрегва, белор. дрыгва — болото, трясина)². Такое толко-

¹ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 194.

² В белорусских говорах, помимо этого, сохранились слова «дрыгва» (Свислочский район Гродненской области) и «дрыжка» (Лельчицкий район Гомельской области), означающие холодец, студень (блюдо), «дрыгавіца» (Малоритский район Брестской области) — рыболовная сеть-тргебица, то есть все то, что «дрыжыць». тряское.

вание этнонима «дреговичи» вытекает и из указания летописи. Изложив древнее предание о расселении славян с Дуная, летописец далее связывает названия отдельных их групп с местами их нового обитания: «и от тех словен разиошася по земле и прозвавшая имены своими, где седше на котором месте»¹. Так произошло и название дреговичей — от их исконной территории.

Нет оснований не замечать совершенно правдоподобное рассуждение летописца и отрицать происхождение наименований полян, древлян, полочан, дреговичей от характера местности, как это делал П. Н. Третьяков, более склонный выводить наименование полян из споров Иордана, споров Прокопия Кесарийского и паралатов-спаралатов Геродота². Русский летописец, лучше других его современников знакомый с этногеографией средневековой Восточной Европы, является в данном случае большим научным авторитетом, чем иноземные авторы, большинство которых знали славян понаслышке и поэтому грубо искажали даже их имена (ультичи-уличи, дулабадулебы, велюнзани-волыняне, дреговичи и т. п.).

Правомерность происхождения племенных наименований от названий местностей подтверждается также этнографическим материалом. И сейчас даже в пределах одного и того же района население называется в зависимости от природно-географических условий местности. Так, в б. Туровском районе Гомельской области население северной, безлесной, но заболоченной части района носит название «замшукі» (живущие за мхом), а население южной, лесистой части — «палешукі»; в Солигорском районе Минской области — соответственно: «палянє» и

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 11.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 249.

«палешукі»; в Щучинском районе Гродненской области — «запольнікі» и «падлесцы».

Мы специально остановились на этонимах племенных образований, так как в таких наименованиях, как полочане, древляне и, в частности, дреговичи, уже содержится указание на основное ядро их этнической территории. Для дреговичей по всем данным таким основным ядром был бассейн Припяти — одно из наиболее низменных и болотистых частей восточно-европейской равнины — дрегва.

Летописец помещает дреговичей «межю Припятью и Двиною». По этому краткому показанию, естественно, невозможно определить пределы территории дреговичей: то ли они занимали все пространство между Припятью и Западной Двиной, то ли какую-то часть его.

Основываясь на упоминаниях городов и других населенных пунктов, лежавших в пределах дреговичской земли и входивших в состав Туровского княжества, можно приблизительно очертить первоначальное ядро дреговичской территории.

О том, что отдельные княжения имели поляне, древляне, новгородские словене, полочане, «а дреговичи свое» сообщает «Повесть временных лет». Возникновению государственного образования у дреговичей, существовавшего уже по крайней мере в X в., должен был предшествовать длительный период исторического развития, в который вокруг древнего племенного центра города Турова, сложилась относительно устойчивая территория. Когда в бассейне Припяти образовалось Туровское княжество, то оно, естественно, прежде всего охватило основное ядро бывшей племенной дреговичской территории, на которой в XI—XIII вв. мы видим уже кроме Турова ряд других городов.

Дреговичскими городами в летописи именуются только Случеск и Клеческ. Туров известен как племенной центр дреговичей. Однако на древней дреговичской земле возник и ряд других городов. Мы считает, что их размещение на Туровской земле может в той или иной степени вероятности определить исконную территорию дреговичей.

В летописях упоминаются такие города, находившиеся в пределах Туровского княжества: Туров, главный город, бывший племенной центр дреговичей, впервые называемый летописью в X в. (980)¹, Пинск (Пинск, 1097)², Случеск (Слуцк, 1116)³, Клеческ (Клическ, Кельчьск, Клецк, 1127)⁴, Несвиж (1224)⁵, Копыль (1274)⁶. Дреговичскими, вероятно, были и города Мозырь (1155)⁷, Брагин (Брагин, 1147)⁸, хотя они принадлежали в XII в. Киевскому княжеству, Речица (1214)⁹, принадлежавшая Черниговскому княжеству, и Рогачев (1142)¹⁰; дреговичи-

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 74. Ныне Туров — гор. пос. Житковичского района Гомельской области.

² Там же, стр. 249. Город, районный центр Брестской области.

³ Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871, стр. 203. Город, районный центр Минской области.

⁴ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 283. Город, районный центр Минской области.

⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 240. Город, районный центр Минской области.

⁶ Там же, стр. 241. Гор. пос., районный центр Минской области.

⁷ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 331. Город, районный центр Гомельской области.

⁸ Там же, стр. 253. Гор. пос., районный центр Гомельской области.

⁹ ПСРЛ, т. III, стр. 32. Город на правом берегу Днепра, южнее впадения в него Березины. Районный центр Гомельской области.

¹⁰ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 223. Город, районный центр Гомельской области.

ским, возможно, был и город Дубровица¹, расположенный в южной части Туровского княжества, обычно относимой к племенной территории древлян. На Туровской земле известен ряд древних городов, не названных летописью (Давид-Городок и др.).

Таким образом, по размещению городов, существовавших в пределах Туровского княжества и вблизи его, ядро племенной территории дреговичей можно очертить следующим образом: с юга оно определялось нижним и средним течением Припяти, включая полосу ее правобережья по нижним течениям притоков Стыри и Горыни, с востока — Днепром и нижним течением Березины, с севера — низовьем Свислочи (правого притока Березины) и верховьем Немана, с запада — позднейшей Берестейской землей.

Таково минимальное первоначальное ядро территории дреговичей — та «дрегва», от которой получило свое наименование это племенное образование, как она вырисовывается на основе скучных письменных источников.

Более детальное изучение территории дреговичей и ее развития, связанного с дальнейшим расселением дреговичей и колонизацией ими соседних земель, требует привлечения дополнительных исторических источников.

Недостаток письменных свидетельств о дреговичах давно заставил ученых обратиться к изучению археологических памятников Припятского бассейна. Уже в 40—50-х гг. XIX в. там вел раскопки Е. Тышкевич², а позднее,

¹ Город на р. Горыни, правом притоке Припяти. Районный центр Ровенской области УССР. См. также: Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках. Составил Б. А. Рыбаков. В кн.: «История культуры древней Руси». М.—Л., 1948, т. I, между 30 и 31 стр.

² E. Tyszkiewicz. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuki i rzemiosł i t. d. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej. Wilno, 1850.

в 80—90-х гг., много дреговичских курганов вскрыл В. З. Завитневич.

Основным признаком, по которому Завитневич определял принадлежность кургана дреговичам, была форма погребения, а именно положение покойника в основании кургана. Этот признак «вывел» Завитневича к следующим рубежам дреговичской территории: на юге к правому берегу Припяти, на востоке — к Днепру, на западе — к Нареву, правому притоку Западного Буга и водоразделу Припяти и Немана. Для определения северной границы дреговичей признак, взятый Завитневичем, оказался беспомощным, поэтому дреговичей от полочан он размежевал по границе Туровской и Полоцкой земель¹.

Пределы дреговичской территории, по Завитневичу, в значительной степени совпадают с пределами, вырисовывающимися размещением древних городов Туровской земли. Однако позднее археологами были предложены и другие признаки для определения этнической принадлежности курганов.

Особого развития археологические исследования в Белоруссии достигли в годы Советской власти. Еще до Великой Отечественной войны белорусские советские археологи только в восточных областях БССР выявили и частично исследовали 864 городища, 200 селищ и 3000 курганных могильников, насчитывающих до 30 000 отдельных курганных насыпей². Все же на территории дреговичей среди выявленных и изученных археологических памятников преобладали курганы. Более ранние

¹ В. З. Завитневич. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губ. М., 1895.

² К. М. Палікарповіч. Вывнікі археалагічных дасследаванняў на Беларусі пасля Каstryчніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі. «Весці АН БССР». Мінск, 1947, вып. 1, стр. 66, 71.

памятники (селища, городища) земли дреговичей стали предметом интенсивного изучения лишь в послевоенные годы.

С 1951 г. в БССР проводит свои исследования Верхнеднепровская археологическая экспедиция АН СССР (руков. П. Н. Третьяков), из которой позднее выделилась особая Полесская экспедиция (руков. Ю. В. Кухаренко). Благодаря работам этих экспедиций и белорусских археологов (Л. Д. Поболь, П. Ф. Лысенко и др.) на правобережье Днепра и на Припяти был выявлен и исследован ряд археологических памятников последних веков до н. э., первых веков н. э. и других периодов. К важнейшим результатам этих изысканий принадлежит обнаружение в Южной Белоруссии многих позднезарубинецких древностей, принадлежащих раннеславянскому населению¹.

Из этого можно заключить, что некоторые летописные «племена», заселявшие территорию нынешней Белоруссии, и в частности дреговичи, ведут свое происхождение от более древнего раннеславянского населения, которое жило в тех же местах и оставило следы своего обитания в виде селищ и могильников. Эти выводы важны и для уточнения границ расселения позднейших племенных образований — дреговичей, кривичей, радимичей и других. Все же основным этноопределяющим признаком восточнославянских племен, свидетельствующем о пределах их расселения, до сих пор остаются курганные инвентарии IX—XII вв.

Еще в конце XIX в. А. А. Спицын указал на совпаде-

¹ П. Н. Третьяков. Основные итоги работ Верхнеднепровской археологической экспедиции. В кн.: «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 121; Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. Там же, стр. 215—216.

ние курганных инвентарей с показаниями летописи о рас-
селении восточнославянских племен¹. Он установил тот
факт, что каждое летописное племя отличалось своими
культурными признаками, прежде всего набором жен-
ских украшений, в котором особое место занимали ви-
сочные кольца — металлические украшения, вплетавшие-
ся славянскими женщинами в волосы, а также бусы,
браслеты и перстни. Работа А. А. Спицына в этом направ-
лении была продолжена с учетом других признаков (по-
гребального обряда и др.) рядом советских археологов,
посвятивших отдельным летописным племенам по их
курганным памятникам специальные монографии: А. В.
Арциховским о вятичах², П. Н. Третьяковым о костром-
ских кривичах³, Б. А. Рыбаковым о радимичах⁴, полянах
и северянах⁵, уличах⁶ и др.

В отношении дреговичей подобную работу выполнили
А. В. Успенская⁷ и В. В. Седов⁸.

Основным этноопределяющим признаком дреговичей
А. В. Успенской были взяты характерные женские
украшения — полутораоборотные височные кольца из

¹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по архе-
ологическим данным. ЖМНП, 1899, август.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

³ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. М., 1931.

⁴ Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы археалагічнай камісіі
Беларускай акадэміі навук, т. III. Мінск, 1932.

⁵ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. (К вопросу о разме-
щении летописных племен на Среднем Днепре). «Советская этно-
графия». Сб. статей, VI—VII. М.—Л., 1947.

⁶ Б. А. Рыбаков. Уличи. Краткие сообщения ИИМК, № 35.
М., 1950.

⁷ См.: А. В. Успенская. Белорусское Полесье в X—XIII вв.
(К истории древнерусской деревни). Автореферат канд. дисс.
М., 1953.

⁸ В. В. Седов. Дреговичи. «Советская археология», 1963, № 3,
стр. 112—125.

серебряной или реже медной проволоки и крупно-зерненные медно-серебряные бусы¹. Эти украшения, характерные для дреговичей, остались у них почти неизмененными на протяжении конца X — начала XIII в. Вспомогательным материалом послужил погребальный обряд и частично форма жилища, восстанавливаемая по срубным домовинам, которые обнаружены во многих дреговичских курганных погребениях и, надо думать, копируют форму жилища.

Вещественный материал изученных курганов позволил А. В. Успенской примерно так определить территорию расселения дреговичей.

Основная область дреговичских поселений занимала территорию современной Южной и Центральной Белоруссии. На юге граница дреговичских поселений прослеживается по археологическим материалам несколько южнее Припяти, на востоке она шла в основном по Днепру, до г. Рогачева, а затем по правому берегу р. Друти (правого притока Днепра). Северная граница дреговичских поселений проходила от г. Борисова несколько севернее Минска, на Заславль и Новогрудок. Западная граница остается у А. В. Успенской почти невыясненной, так как материал из западных областей «недостаточен, чтобы сделать окончательные выводы». Имеется только указание о том, что памятники дреговичей, относящиеся к концу XII — началу XIII в., известны около Бельска и Белостока².

Очерченная А. В. Успенской граница распространения поселений дреговичей, восстанавливаемая по характерным чертам курганных инвентарей и особенностям погребальных обрядов, представляется нам в основном пра-

¹ А. В. Успенская. Белорусское Полесье X—XIII вв., стр. 10, 18.

² Там же, стр. 18, 19.

вильной, согласующейся с другими данными. Особенно ценным следует считать определение северной границы дреговичей, остававшейся невыясненной и вызывавшей противоречивые суждения в литературе. Правда, неясным остается у А. В. Успенской северо-восточный участок границы, от правобережья Друти до г. Борисова.

Почти совершенно открытым остался вопрос о западных пределах расселения дреговичей. Между тем, данные истории, особенно свидетельства о западных рубежах Киевской Руси, данные языкоznания, этнографии и другие материалы дают основание считать, что по крайней мере к XI—XII вв. поселения дреговичей далеко про-двинулись на запад, достигли западного Буга и рассея-лись по его левобережью, а на северо-западе достигли района Гродно.

Попытку определить территорию расселения дрегови-чей XI—XIII вв. делает и В. В. Седов в весьма ценной работе, посвященной этнической истории этого племени¹. В. В. Седов уточняет этноопределяющий признак дрего-вичей. Анализ и картографирование инвентаря и деталей курганного погребального обряда между речьями Припяти и Западной Двины привели его к выводу, что наиболее надежным из отмеченных Спицыным племенных призна-ков дреговичей XI—XII вв. могут служить крупные ме-тallические зерненные бусы, называемые в литературе бусами «минского типа». Они неизвестны другим восточ-нославянским племенам. Важным признаком дреговичей остаются также полутораоборотные височные кольца, ес-ли они сочетаются с указанным типом бус, и частично погребения в срубных домовинах или теремах.

Граница дреговичской территории XI—XII вв., восста-навливаемая В. В. Седовым по этим признакам, на юге,

¹ «Советская археология», 1963, № 3.

востоке и севере почти целиком совпадает с границей, очерченной А. В. Успенской. Северо-восточный участок дреговичской границы, оставшийся неясным для Успенской, определяется Седовым по водоразделу Березины и Друти. На западе граница дреговичей якобы упиралась в «большое болотистое пространство (так называемое Выгоновское болото)», которое «отделяло поселения дреговичей от Брестского Побужья и Бужско-Неманского междуречья»¹.

Подобное ограничение западных пределов расселения дреговичей не убедительно. Трудно представить, чтобы пинские болота оказались непреодолимым препятствием, вставшим на пути дреговичей, когда даже тихоокеанские воды не смогли стать преградой для заселения островов Полинезии и Океании. Более прав Ю.В. Кухаренко, когда говорит, что «представление о Полесье, как о каком-то непроходимом в древности барьере... не соответствует действительности»². В. В. Седов все же признает возможность проникновения в верхнее Понеманье дреговичского населения «в сравнительно позднее время»³.

Развитие производительных сил, рост населения, развитие земледелия вызывали необходимость освоения новых, пригодных для ведения сельского хозяйства земель. На западе и северо-западе от первоначальной территории дреговичей, бассейна Припяти, и лежали такие малозаселенные земли, заросшие огромными лесами и пущами, отделявшими дреговичей от литовских племен —

¹ В. В. Седов. Дреговичи, стр. 116.

² Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян. Тезисы докладов советской делегации на I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М., 1965, стр. 8.

³ В. В. Седов. Дреговичи, стр. 117.

ятвягов, жемайтов и собственно литвы (аукштайтов). Нет сомнения, что в этом направлении и устремился колони-зационный поток дреговичей, постепенно освоивших новые земли и очутившихся в непосредственном соседстве с ляшским и литовским этническими массивами.

На основе различных источников попытаемся очертить западные и северо-западные пределы дреговичских поселений, возникших в результате расселения дрего-вичей.

Уже М. В. Довнар-Запольский, много занимавшийся древней историей Белоруссии, считал, что южная граница дреговичей с древлянами и волынянами начиналась почти у устья Припяти и продолжалась по всему ее течению узкой полосой по южному берегу, приблизительно по границе б. Волынской губернии с Минской. Далее на запад, по Пине, граница переходила к Западному Бугу, доходила до Дрогичина и даже далее — до Нура, у устья р. Нура, направляясь затем на север. На севере дреговичские поселения достигали г. Гродно и располагались вокруг него. Из района Гродно граница дреговичей переходила на территорию позднейшей Виленской губернии, захватывая юго-восточную ее часть южнее г. Вильно со всем верховьем Вилии, и переходила в направление к Западной Двине¹.

Наличие уже в XI — XII вв. сплошного восточнославянского населения в районах Бреста и Гродно неопровергимо подтверждается памятниками старины, сохранившимися в этих древнерусских городах. Здесь прежде всего обращают на себя внимание остатки древних

¹ М. Запольский. Краткий географический очерк древней Белоруссии (IX—XI вв.). Календарь Северо-западного края на 1889 год, стр. 108; М. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель, стр. 2, 58.

христианских храмов XII в. — Нижней церкви и церкви Бориса и Глеба в Гродно в пригороде Коложе, у слияния р. Городничанки с Неманом. Исследователи давно отмечали, что Коложская церковь в Гродно построена по такому же плану и с такими же архитектурными особенностями, способом кладки стен и из материалов, какие мы находим в древних храмах Киева, Новгорода, Пскова, Чернигова¹.

Советский исследователь архитектурных памятников Гродно Н. Н. Воронин, выделяя гродненскую архитектурную самобытную школу, также отмечает ее исторические связи с архитектурой других древнерусских городов — Полоцка, Витебска, Овруча, Киева². Особенно заметны связи гродненской архитектуры XII в. и ее декоративной системы с южной киевско-волынской строительной культурой³.

Тесная и неотрывная связь гродненской архитектуры XII в. со строительным искусством других областей Руси позволяет говорить о близости и общности культуры при-гродненских славян с культурой других областей Руси. Это в свою очередь свидетельствует о несомненном восточнославянском населении района Гродно в XII в.

Раскопки археологов бужуазной Польши, искавших научного обоснования «польского характера» древней гродненской земли, дали еще целый ряд подтверждений тому, что район Гродно и среднего Понеманья в XI—XII вв. был заселен восточными славянами. В результате

¹ В. В. Грязнов. Коложская Борисоглебская церковь в г. Гродне. Вильна, 1893. (Отиск из Трудов Предварительного Комитета IX археологического съезда в Вильне).

² Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. III. М., 1954, стр. 140—141.

³ Там же, стр. 141—143.

археологических раскопок в Гродно, произведенных в 1932 г. и в последующие годы, стало известно, что уже в XII в. в Гродно существовал не один христианский храм, а два, а возможно и больше. Это подтвердило показание Ипатьевской летописи, сообщившей под 1183 г. о грандиозном пожаре в Гродно, во время которого «Городен горе весь, и церкы каменая от блистания молния и шибения грома»¹.

Естественно, что подобные храмы и другие здания Гродно XII в. могли возникнуть лишь в крупном центре, объединившем обширную территорию. Это был центр обширной области, в которой жило как балтийское, так и восточнославянское население, вероятнее всего дреговичи, причем жили издавна, что и могло создать необходимую почву для возникновения как самого города, так и величественных храмов в нем.

К этому единственно правильному выводу совершен-но неожиданно для себя вынуждены были прийти и архе-ологи буржуазной Польши. Ю. Йодковский писал: «Должно было существовать с каких-то более ранних времен, чем до сих пор полагают, славянское население на среднем Немане, иначе трудно было бы понять цель экспансии сперва Киевской Руси в отношении дреговичей, а позже Галицкой Руси. Трудно было бы также объяснить потребность воздвигать храмы, притом не одного, ибо уже в XI в. должно было существовать их по меньшей мере три...»²

К такому выводу пришли и другие польские археологи — Ярослав Войцеховский и Ян Якубовский, подтвердившие, что уже к XI в. в районе Гродно сидели

¹ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 428.

² J. Jodkowski. Świątynia warowna na Kołozy w Grodnie. Grodno, 1936, стр. 17.

«русины»¹. Ян Якубовский признавал, что уже в XI в. «Гродно становится главной русской твердыней на литовском пограничье» и что древний русский город «всегда выступает, как центр значительного административного округа»².

Из всего приведенного вытекает, что уже к XI в. район Гродно населяли русские славяне, вероятнее всего дреговичи, обосновавшие свой укрепленный центр на Немане.

К северу от славянских поселений, отделенная от них поясом непроходимых лесных массивов, остатком которых является нынешняя Гродненская пуща, лежала сплошная и исконная земля литовских племен.

Первые упоминания о Гродно мы находим в летописях. Под 1127 г. «Городно» упоминается в связи с походом городенского князя Всеволода на кривичей³.

Не менее древним был и другой крупный город дреговичской земли — Берестье (впоследствии Брест, или Брест-Литовск), на протяжении многих веков, вплоть до конца XVIII в., являвшийся центром обширной административной территории: при удельных русских и при литовских князьях главным городом Берестейской земли, а с 1520 г.— Брестского воеводства. Впервые Берестье упоминается в 1019 г. в связи с поражением Святополка I, нанесенным ему Ярославом⁴. Первоначально Берестье был турковским удельным городом, находившимся вместе с его областью во власти киевских князей.

¹ J. Wojciechowski. Stary zamek w Grodnie. Warszawa, 1938; J. Jakubowski. Gdzie leżało «Horodno», hipackiego latopisu? «Atheneum Wileńskie». Wilno, 1930, R. VII, zesz. 3—4.

² J. Jodkowski. Świątynia warowna na Kolozy, str. 124.

³ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 283.

⁴ Там же, стр. 141; Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 101.

Городно и Берестье были теми хозяйственно-политическими центрами, вокруг которых объединились дреговичские земли на крайнем западе восточного славянства. В половине X в. земли дреговичей, в том числе туровская с Берестем и гродненская, уже были подвластны киевским князьям.

В княжение Ярослава, отмеченное подъемом в западных русских землях (XI в.), на территории, заселенной дреговичами, помимо Гродно и Берестья, возникают города Дорогичин, Новгородок, Мельник, Бранск, Бельск. Это были пограничные пункты, укрепленные против нападений мазовецких князей, ятвягов и литвы.

В XII в. древние русские земли на западе обнимали нынешние западные области Украины и часть Забужья по Люблин. Русско-ляшский рубеж проходил в то время от Владавы по западному побережью Буга, через Воин, Морды, южнее Дорогичина, мимо Нура, перейдя здесь на южный берег Буга и далее на север за Нарев, мимо Визны, являвшейся крайним польским пограничным городом¹.

Берестейская земля с городами Берестье, Дорогичин, Мельник, Бельск, Высокий, Каменец и другими с конца XII в., то есть со времени Романа Мстиславовича, входит в Галицко-Волынское княжество. В составе его владений неоднократно оказывается и Гродно². В это время район

¹ С. Шолкович. О границах Польской короны и Великого княжества Литовско-Русского. Сб. статей, разъясняющих польское дело... Вып. II. Вильна, 1887, стр. 8; см. также карту Лелевеля (1139) в сб.: «Документы, объясняющие историю Северо-западного края», СПб, 1865.

² М. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства. Чтения в императ. Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1892, кн. III, стр. 3.

Гродно являлся окраиной и волынского, и полоцкого, и туровского княжеств. В 1241 г. там утверждается литовский князь Эрдвил Монтивиллович, и Гродно становится удельным городом Литовского княжества, хотя и после этого не прекращается борьба между литовскими и галицкими князьями за гродненскую землю.

Дальнейшее распространение власти литовских князей над западными землями Руси происходит при Гедимине (1316—1341), присоединившем к Литве Турово-Пинское Поприпятье и Берестейскую землю, незадолго до этого освободившуюся от влияния волынских князей.

При определении западных рубежей территории расселения дреговичей нельзя упускать из виду данные о западных пределах Великого княжества Литовского, так как они охватили в конце концов почти все исконные западно-русские земли. Если сравнить русско-ляшский рубеж, сложившийся к XI—XII вв., с западной границей Литовского государства, то мы обнаружим почти полное совпадение. К 1514 г. граница Литовского княжества с польскими владениями проходила к западу от следующих пунктов (с севера на юг): Волковышки, Райгород, Ганязь (Гониондз), Тыкоцин, Высокое, Цехановец, Венгров, Мукободы, Морды, Межиречье, Воин восточнее Парчева¹. Одновременно эта граница была западной границей Берестейской земли и Гродненского повета, включавшей крайние западные поселения древних дреговичей. Подавшие под власть Литвы крупные и цельные политические тер-

¹ Политическая карта Литовского государства к XV и нач. XVI в. (В кн.: М. Любавский. «Областное деление...»). Более подробное описание западной границы Литовского княжества с перечислением уроцищ и мелких населенных пунктов сохранилось в документах конца первой половины XVI в. (1546). Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, т. I. Вильна, 1867, стр. 46—126.

ритории Руси сохраняли обычно свои прежние границы, административно-экономические центры. Так как эти земли почти не колонизовались литовцами, то все это способствовало сохранению этнического единства восточнославянского населения и цементированию их этнических особенностей.

Великое княжество Литовское не смогло стать централизованным государством. Еще даже в начале XVI в. в Белоруссии и в других частях Литовского государства сохранялись элементы феодальной раздробленности¹. При образовании Литовского государства, указывает В. Т. Пашуто, «Аукштайтия не имела достаточных экономических и политических сил для прочного подчинения Жемайтии и Белоруссии... Если в России дело шло к возникновению централизованного государства..., то в Литве мы видим другое: синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненной ей Белоруссии»². Это положение сыграло существенную роль.

Сохранение относительной целостности древнерусских княжеств и земель, очутившихся под властью Литвы, усиление политических и экономических связей между ними содействовало процессу складывания белорусской народности, игравшей важную роль в экономической, политической и культурной жизни Литовского государства.

В выяснении западных пределов дреговичской территории имеют важное значение данные о западных границах древнерусских княжеств и земель, граничивших с нерусским населением и захваченных княжеством

¹ История БССР, т. I, стр. 66, 73.

² В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 6—7.

Литовским. Это прежде всего Берестейская земля и Гродненское княжество, позднее — Гродненский повет.

Берестейская земля на протяжении ряда веков состояла из городов Берестья, Бельска, Мельника, Дорогичина, Кобрина и Каменца с их поветами, раскинувшимися по обе стороны Западного Буга. И только когда на Виленском сейме 1565—1566 гг. были учреждены новые воеводства, Берестейская земля была разделена на два воеводства: Берестейское и Подляшское¹ (из поветов Дорогицкого, Бельского и Мельницкого).

На протяжении свыше полутысячелетия вся эта территория, в пределах ли Древнерусского государства, Галицко-Волынского княжества или Великого княжества Литовского, составляла политически единую область — Берестейскую землю, объединенную вокруг своего главного города Берестья.

В историческом, этническом и физико-географическом отношении Берестейская земля представляла собой единую и цельную территорию, являясь естественным продолжением турово-пинского дреговичского Полесья. На севере она сливалась в единый массив с Гродненщиной. Берестейская земля, таким образом, органически была связана с коренной территорией, на которой впоследствии сформировался белорусский народ, составляя ее неотъемлемую часть. Совершенно неверным следует считать включение Берестья с ее областью в состав древней Волыни². С последней у Берестейской земли на протяжении некоторого периода времени существовала лишь связь

¹ Из этнонима «лях», то есть область, примыкающая к Ляхии, польское пограничье.

² Это довольно устоявшееся в литературе неправильное утверждение повторил в одной из своих последних работ акад. Н. С. Державин, относя Берестье и Пинск к Украине. См.: Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 114.

политическая. М. К. Любавский подчеркивал, что Берестейская земля «мало имела территориальной связи с Волынью, отделяясь от нее болотами и лесами по верхней Припяти и Муховцу»¹.

В описании Речи Посполитой XVII в., принадлежащему известному польскому историку и географу Симону Старовольскому (1588—1656), Берестейщина относится непосредственно к Белоруссии (термин этот уже был в употреблении). Говоря о Червонной Руси, Старовольский так очерчивает ее пределы: «Червонная Русь... граничит с юга с Венгриею, Молдавией и Бессарабией, с востока — степями Скифии и могущественным царством Московии, с севера Белою Русью, лежащею при реках Стыре и Припети, с запада — Малою Польшею...»²

Западные рубежи территории дреговичей определились в процессе их исторического развития, были закреплены киевскими, галицко-волынскими, гродненскими князьями, а затем уже юридически оформлены в Великом княжестве Литовском.

Единство Берестейской земли было нарушено в 1569 г. Люблинской унией, в результате которой все белорусские земли подпали под власть шляхетской Польши. Подляшье, часть древней Брестской земли — Дорогичин, Бельск и Мельник с их поветами были присоединены непосредственно к Короне, т. е. к Польше. Эта часть Берестейской земли очутилась в сфере усиленной полонизации и стала частично заселяться выходцами из Мазовша —

¹ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, стр. 22.

² Polonia sive status regni Poloniae descriptio. Кельн, 1632. Цит. по Д. Зубрицкий. Границы между русинской и польской нациями в Галиции. «Вестник юго-западной и западной России». 1863, ноябрь, стр. 112. (Подчеркнуто нами.— М. Г.).

поляками-мазовшанами. Полонизация присоединенного к Короне Подляшья особенно усилилась после Брестской церковной унии 1596 г.

Что касается Гродно, то оно после Городельской унии, с 1413 г., перестает быть столицей городом удельного княжества и в составе Литовского государства превращается в поветовый город, входящий вместе со своим поветом в Трокское воеводство. Гродненский повет в то время обнимал значительную территорию, простиравшуюся на севере до границ Ковенского повета, на западе — до Пруссии, на северо-востоке до границ Лидского повета, а на востоке — до Новогрудского повета¹.

На протяжении всей своей истории Гродно и Брест служили центрами крупных административных округов, на территории которых в древние времена обитало восточнославянское население, преимущественно дреговичи.

Исторические данные о политических границах древнерусских земель позволяют судить о том, как простиралась территория дреговичей на западе, на границе с ляшскими племенами. Рубеж этот в основном совпадает с западной границей Литовского государства конца XV — начала XVI в. (Берестейской земли и Гродненского повета), исторически сложившейся к XI—XII вв. в процессе образования территориальных объединений дреговичей.

Этническая граница между русскими и литовскими племенами также определилась в древние времена, к IX—XI вв. Однако эта граница оказалась менее устойчивой, постепенно отодвигаясь к северо-западу в результате славянизации приграничного литовского населения.

Наиболее важным этноопределяющим средством при восстановлении пределов расселения дреговичей мог бы служить язык. К сожалению, мы не знаем письменных памятников, о которых с уверенностью можно было бы

¹ М. Любавский. Областное деление..., стр. 177.

сказать, что они донесли до нас следы племенного языка дреговичей или отразили отдельные его черты. Однако мы убеждены, что отсутствие таких памятников в известной мере могут восполнить местные диалектные особенности белорусского языка, данные лингвистической географии.

Многолетние этнографические и языковые наблюдения автора обнаружили немало удивительных совпадений в распространении отдельных диалектных черт белорусского языка, областных различий в материальной и духовной культуре белорусов с предполагаемыми границами древних территорий летописных племен. Нет оснований отвергать возможность сохранения в диалектных особенностях остатков племенных языков. Понятно, что те или иные черты племенных языков могли сохраниться в местных диалектах уже не в чистом виде, а дошли до нас, претерпев на своем историческом пути известные изменения. «Современный диалектный язык,— указывает Р. И. Аванесов,— современные границы диалектных явлений представляют собою не непосредственный продукт тех более древних эпох, когда они образовались — нередко после неоднократных перегруппировок в итоге процесса языковой дифференциации, но прежде всего продукт пережитых в позднейшую эпоху развития национального языка процессов нивелировки диалектов, частичной их интеграции, воздействия нормализованной формы национального языка — белорусского литературного языка, а в некоторых случаях также русского и польского языков. В результате этих позднейших процессов старые границы диалектных явлений весьма часто оказываются в той или иной степени «размытыми», «стертыми»¹.

¹ Р. И. Аванеса ў. Да тэарэтычных пытанняў лінгвістычнай геаграфіі. В кн.: «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступнія артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментары да карт». Мінск, 1963, стр. 17.

Нам представляется, что процесс изменений, происходивших в диалектах и границах распространения диалектных явлений, охарактеризован Р. И. Аванесовым в преувеличенному и усложненном виде. Видимо, недостаточно учитывались им крайняя медлительность этого процесса в условиях феодального общества, еле ощущимое воздействие на диалекты со стороны белорусского литературного языка, возможности которого в этой сфере были крайне ограничены вплоть до Великой Октябрьской революции, а также различия в социально-экономических и физико-географических условиях отдельных частей Белоруссии. В то же время Р. И. Аванесов допускает, что «один из членов диалектного отличия может восходить к глубокой древности», но это отличие обнаруживается тогда, когда рядом «на другой территории появляется другой член, являющийся новообразованием»¹.

Отрицание возможности сохранения черт племенных языков в диалектах общенародного или общенионального языка лингвисты иногда аргументируют тем, что уже в период феодальной раздробленности территориальные объединения, нарушившие племенные границы, перемешали также и племенные языковые особенности. Но это не согласуется с данными археологии. «Выяснилось, — сообщает акад. Б. А. Рыбаков, — что при распаде Руси на отдельные феодальные княжества в большинстве случаев границы новых, возникавших в XII в. феодальных образований прошли по старым рубежам племенных союзов VI—VIII вв.»²

¹ Р. И. Аванеса ў. Да тэарэтычных пытанняў лінгвістычнай геаграфіі. В кн.: Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы, даведачны матэрыялы і каментарыі да карт. Мінск, 1963, стр. 17.

² Б. А. Рыбаков. Проблемы истории древней Руси в свете новейших археологических исследований. «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 31.

Мы исходим из того положения, что некоторые специфические диалектные особенности, распространенные в пределах той или иной древней племенной территории, могут быть остатками языка данного племени. В частности, некоторые южные или полесские особенности белорусского языка (дифтонги *уо*, *іе*, *у* вм. *ы*, *о*, саканье и др.) можно предположительно признать остатками языка дреговичей. Эти особенности свойственны говорам населения тех местностей, включая бывшие Берестейскую землю и Гродненский повет, в которых в древности обитали дреговичи.

Наши наблюдения подтверждаются ныне материалами «Диалектологического атласа белорусского языка». Примерно на территории древней дреговичской земли распространены такие диалектные особенности: *уо* и *іе* на месте этимологических *о* и *е* в ударном слоге (вул, гуод вм. вол, год; ліес, хліб вм. лес, хлеб)¹; *у* вм. *ы* в разных случаях — путаць вм. пытать, бáбу вм. бабы, му вм. мы, ву вм. вы, бук вм. бык, буў вм. быў²; э и е вм. *ы* и *и* в ударных окончаниях звательного падежа множ. числа муж. рода с твердой, мягкой и затверделой основой — сталэ, кавале, нажэ вм. стали, кавалі, нажы³; твердость возвратной частицы *с* в разных глагольных формах, так называемое саканье: баюса, баюсо вм. баюся, купаўса, купаўсо, вм. купаўся⁴; образование будущего сложного времени со вспомогательным глаголом иметь: рабіцьму, рабіціму вм. буду рабіць, рабіцьмем вм. будзем рабіць⁵; и некоторые другие особенности.

¹ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карты 34, 35.

² Там же, карты 22, 23, 37, 38, 39, 40.

³ Там же, карты 95, 96.

⁴ Там же, карта 165.

⁵ Там же, карта 166.

Что касается отдельных черт украинского языка, наблюдающихся в южных и юго-западных белорусских говорах, особенно твердое произношение *i* и *e*, то их следует, по-видимому, приписать влиянию волынских и древлянских этнических элементов, с древнейших времен проникавших в эти места. На переплетение специфических черт белорусского и украинского языков в современных говорах околиц Беловежской пущи обращает внимание польский исследователь В. Курашкевич¹.

Неправильным следует признать метод, принятый Е. Ф. Карским при определении этнической границы между белорусами и украинцами. Фактически основным критерием у Карского, «кроме чисто антропологических (!) особенностей», служит не язык в целом, а лишь одна фонетическая особенность—мягкое или твердое произношение согласных перед *e* и *i* (ідэ, ходы, и т. д.)². Это привело к тому, что масса белорусов-полешуков, населяющих южную часть б. Гродненской губ., а также значительные части Пинского и Мозырского Полесья, была отнесена Карским к украинцам. При этом игнорировалось историческое прошлое населения, этническая природа которого составляет единое целое с основной массой белорусов.

Исследователь Полесья археолог Ю. В. Кухаренко также ошибочно считает, что Ясельда вместе с Припятью «стали границей между украинцами и белорусами»³.

¹ Wł. Kuraszkiewicz. Tendencje białoruskie i ukraińskie w gwarach okolic Puszczy Białowieskiej. *Acta Baltico-Slavica. Białystok*, 1964, стр. 247—257.

² Е. Карский. К вопросу об этнографической карте белорусского племени. Известия ОРЯС АН, 1902, т. VII, кн. 3, стр. 225; Белорусы. Введение, стр. 10.

³ Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье (По материалам археологических исследований). Автореферат докт. дисс. М., 1965, стр. 25.

Данные языка могут оказать нёоценимую помощь в восстановлении пределов расселения дреговичей на северо-западе, западе и юго-западе. Многое дают, например, наблюдения над говорами населения древнего Подляшья. После 1569 г. оно начало подвергаться интенсивному ополячиванию, но еще во второй половине XIX и в начале XX в. говор подляшан сохранял свой белорусский характер, испытав лишь сильное влияние мазурения. Об этом свидетельствует язык песен, записанных в крайних западных волостях Бельского уезда Гродненской губ., пограничных с Мазовищем¹.

Говор белорусов-подляшан Бельского и Белостокского уездов мало чем отличался от известного заблудовского говора, зафиксированного во второй половине XIX в. в Белостокском уезде Гродненской губернии и признанного специалистами говором белорусским подляшского типа².

Помимо языка, подляшан связывала с белорусами общность многих бытовых черт, обрядов, поверий и т. д. Об этом свидетельствует ряд этнографических описаний, например этнографический очерк населения Семятичского прихода Бельского уезда³.

Наиболее объективные исследователи и не пытались отождествлять подляшан с мазовищами, ибо связь материальной и духовной культуры подляшан и белорусов

¹ См.: Е. Романов. Материалы по этнографии Гродненской губ., вып. II. Вильна, 1912, стр. 241; Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния, ч. I. СПб, 1963, стр. 647.

² Заметки о западной части Гродненской губернии. «Вестник РГО», 1855, кн. I, стр. 158.

³ Ф. А. Гребков. Этнографический и исторический очерк м. Семятчи и Семятичской православной церкви. «Литовские епархиальные ведомости», 1877, №№ 4, 6, 8, 9, 11.

слишком бросается в глаза. Это засвидетельствовано польскими исследователями и в сравнительно недавнее время. В этом отношении интересной является работа польского этнографа Ст. Двораковского о семейных обычаях в Высоко-Мазовецком уезде (б. Ломжинской губ)¹, в состав которого, помимо части древней Ломжинской земли, вошли части Бельского и Дорогицкого поветов древней Берестейской земли, в частности район Тыкоцина. Население Тыкоцинщины, несмотря на то что оно оказалось в большей степени ополяченным в сравнении с белорусским населением крайних западных подляшских районов б. Гродненской губернии, своим бытовым укладом и языком до недавнего времени отличалось еще от основного населения уезда — мазовшан, сближаясь с занарвянскими белорусами. Двораковский находит много подтверждений этому, анализируя материал семейной обрядности.

Сохранилось много белорусских элементов и в говоре населения Тыкоцинщины — в словаре, фонетике, морфологии и синтаксисе. Это видно из многочисленных записей, приводимых Двораковским. Автор вынужден то и дело объяснять в примечаниях непонятные для польского читателя белорусские слова.

В 1964 г. вышла новая монография Ст. Двораковского², являющаяся продолжением его довоенной работы. В ней дан подробный обзор календарных и хозяйственных обрядов и обычаяев населения той же местности, т. е. мазовецко-подлянского пограничья и правобережья Нарвы.

¹ St. Dworakowski. Zwyczaje rodzinne w pow. Wysoko-Mazowieckim. Warszawa, 1936.

² St. Dworakowski. Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią, cz. I. Zwyczaje doroczne i gospodarskie. Białystok, 1964.

рева. В своей новой работе Двораковский вновь подчеркивает исторические и культурные связи Восточного Мазовша с соседним древнерусским населением, а позднее — с белорусами. Культурные связи Восточного Мазовша с соседней Белоруссией, отмечает он, особенно сильно выступают в принаревских деревнях, расположенных между Лапами и Тыкоцином¹.

Отличие населения Тыкоцинщины от мазовшан отмечает и представитель старшего поколения польских этнографов Зигмунт Глогер, уроженец этих мест. Собранный им огромный материал по языку и фольклору неопровергимо подтверждает исторические данные о том, что восточнославянское население на западе достигало района Тыкоцина.

Рано попав в сферу польского влияния после присоединения Подляшского воеводства непосредственно к Польше, а затем находясь в пределах Царства Польского, Тыкоцинщина оказалась почти целиком ополяченной. Однако древнерусская основа языка, народного творчества и важнейших черт быта сохранилась до недавнего времени².

Этнической границы между Подляшьем и остальной частью древней Берестейской земли не существовало. На всей этой территории обитало восточнославянское население. Поэтому после раздела Берестейской земли и присоединения в 1569 г. Подляшского воеводства к Короне Польской «граница Подляшья и Литвы,— как отмечает Глогер в другой своей работе,— не была... границей народного говора»³.

¹ St. Dworakowski. Zwyczaje rodzinne, стр. 15.

² Z. Głogier. Słownik gwary ludowej w okręgu Tykocińskim. Warszawa, 1894.

³ Z. Głogier. Dolinami rzek. Warszawa, 1903, стр. 174.

Части Берестейского, Мельницкого и Дорогицкого поветов Берестейской земли простирались и за Бугом. Там граница между Берестейской землей, входившей в состав Великого княжества Литовского, и Польшей проходила по линии Стердынь — Венгров — Мукободы — Морды — Межиречье — Воин восточнее Парчева.

До 1569 г. р. Буг не была здесь ни этнической, ни вероисповедной, ни языковой границей. По обеим сторонам Западного Буга в Подляшье жило этнически единое восточнославянское население, связанное не только общностью происхождения, но и единством языка, религии, обычаяев, устного творчества.

Здесь следует заметить, что по установившейся традиции восточнославянское население Забужья принято было считать украинским, а потому оно выпадало из поля зрения исследователей белорусского народного быта. Исследования языка этого населения Седлецкой губернии показали его большую близость к белорусским подляшским и полесским говорам Гродненской губернии, чем к говорам северо-украинским¹.

Неразрывную связь восточнославянского населения Седлецкого Забужья с белорусами соседней Гродненской губ., а населения Люблинского Забужья с населением соседних частей Волыни и Галиции обнаружила экспедиция П. Чубинского 1869—1870 гг.² Это же подтвердил и И. В. Бессараба, подробно обследовавший говор Ломазского прихода Бяльского уезда Седлецкой губернии³, и

¹ В. Шимановский. Звуковые и формальные особенности народных говоров Холмской Руси. Варшава, 1897, стр. 104—105.

² См.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, т. VII. СПб, 1872.

³ И. В. Бессараба. Материалы для этнографии Седлецкой губ. СПб, 1903, стр. 292.

Н. Янчук, изучивший корницкий говор Константиновского уезда¹.

Этническое родство, единство населения обеих частей Подляшья, Гродненской и Седлецкой, осознавало и само население Забужья. По этому поводу А. Соболевский писал: «В Седлецкой губернии мы видим малорусских полешуков, тех самых, которые живут рядом, на правой стороне Западного Буга, в Гродненской губ. и которые, в их собственном представлении, составляют вместе с ними одно целое — Подлесье»².

Нам представляется, что приведенные данные позволяют считать древнее население забужной части Подляшья в основном дреговичским. Это вполне согласуется с историческим прошлым края.

*

Таким образом, западные пределы дреговичской территории восстанавливаются на основе исторических, языковых и этнографических материалов. Они совпадают с исторически сложившимся русско-ляшским рубежом и позднейшей западной границей княжества Литовского. Лишь на крайнем юго-западе и юге дреговичское население перемешалось с населением волынянским и древлянским, что особенно отразилось в говорах позднейшего белорусского населения этих мест.

Северная и южная границы дреговичских поселений определяются пока в основном материалом курганных инвентарей, изученных А. В. Успенской и В. В. Седовым.

¹ Н. Янчук. Малорусская свадьба в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губ. Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, кн. VII. М., 1886.

² А. Соболевский. Холмская Русь в этнографическом отношении. Харьков, 1910, стр. 13.

Очерченная ими граница, однако, требует еще уточнения на материале этнографии.

Этнографической экспедиции Академии наук БССР 1954 г. удалось проследить на основе языковых и этнографических наблюдений стык дреговичей с кривичами-полочанами северо-восточнее Гродно. При этом учитывалось распространение южных или полесских особенностей белорусского языка, характерных для основной дреговичской территории. Диалектологи до недавнего времени считали, что эти особенности не доходят далее южной части Гродненской области¹. Экспедиция зафиксировала распространение этих черт на севере и далеко на северо-востоке от Гродно, вплоть до б. Радуньского района, достигая северо-восточных пределов б. Гродненской губернии и северо-западной части б. Лидского уезда Виленской губернии. Далее на северо-восток по линии Радунь — Вороново — Ошмяны — Островец следует полоса говора, переходная от юго-западной группы белорусских говоров к северо-восточной группе. В этой переходной полосе, однако, преобладают черты,ственные центральным белорусским говорам. Начиная с б. Свирского района, уже отчетливо слышатся диалектные особенности, характерные для северо-восточных говоров и распространенные на всей кривичской территории. На основе учета диалектных особенностей можно предположить, что стык дреговичей и кривичей-полочан на исследованной территории проходил в отмеченной полосе смешанных говоров (Радунь — Островец). Некоторым подтверждением ска-

¹ См., например, Н. Т. Войтович. О диалектной основе современного белорусского языка. «Вопросы языкоznания», 1954, № 4, стр. 30. Ю. Ф. Мацкевич, говоря о южных белорусских говорах, совершенно не упоминает Гродненскую область. См.: Працы Ін-tа мовазнаўства, вып II. Мінск, 1954, стр. 145.

занному может служить и местная топонимика (например, название деревни Полочаны западнее Молодечно).

Известным основанием для определения северной границы расселения дреговичей и юго-западной границы расселения кривичей-полочан послужили данные о распространении типов основного пахотного орудия прошлого — сохи. На исследованной в 1954 г. территории в прошлом были распространены два различных типа сохи — так называемая «полесская» двузубая соха с длинным дышлом для парной воловьей упряжки, неправильно именуемая в литературе «литовской», и более легкая соха для конской упряжки с перекладной палицей.

Распространение «полесской» сохи на север доходило вплоть до границ с Литовской ССР, а на северо-восток — приблизительно до середины нынешнего Островецкого района, охватывая, таким образом, всю Гродненскую область или всю б. Гродненскую губернию и части б. уездов Лидского, Ошмянского и Вилейского Виленской губернии.

Далее на северо-восток, начиная с северной части Островецкого района и в пределах нынешнего Мядельского района Минской области и Поставского района Витебской области (то есть б. Виленщины), встречается тип сохи, который, по-видимому, можно считать переходным.

Экспедиция 1954 г. установила примерную границу, разделяющую территории распространения этих двух типов сохи. Это Браславский район (б. Ново-Александровский уезд Ковенской губернии).

Восточная граница дреговичской территории достигает поселений радимичей, границы которых определены на археологическом материале Б. А. Рыбаковым. Косвенным доказательством, подтверждающим правильность определения границ области расселения дреговичей, может служить топонимия, вернее отсутствие известной ее категории на данной территории.

Обращает на себя внимание отсутствие географических названий из этнонима дреговичей на их этнической территории. Ведь нельзя согласиться с доводами Н. П. Барсова, находившего следы дреговичского населения в такой географической номенклатуре, как Старые Дороги, Дрогичин, Дричиново, Дорогва, Деречин, Дречаны, Дрига и т. п.¹ Подобные этимологические натяжки тем более неприемлемы, что все эти названия разбросаны в пределах самой территории расселения дреговичей.

Отсутствие явных следов дреговичей в белорусской топонимии, как, впрочем, и в украинской, может свидетельствовать лишь о том, что это племя не выходило за пределы области своего сплошного расселения².

РАССЕЛЕНИЕ КРИВИЧЕЙ И ПОЛОЧАН

К северу и северо-востоку от очерченной территории дреговичей, примыкая к ней, лежали земли западно-двинских и днепровских кривичей, составлявших вместе с верхневолжскими кривичами одно из наиболее северных (после новгородских словен) славянских летописных племен.

Летопись помещает кривичей сидящими «на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра»³. Кривичей знает и Константин Багрянородный (Х в.), упоминающий их наряду с другими славянскими племенами Поднепровья⁴.

¹ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 126, 127.

² См.: М. Я. Гринблат. Этнонимическая топонимия и антропонимия Белоруссии. В кн.: «Всесоюзная конференция по топонимике СССР». Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965, стр. 79—83.

³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 13.

⁴ Конст. Багрянородный. Об управлении государством, гл. 9. «Известия ГАИМК». Л., 1934, вып. 91.

Кривичи были одним из самых крупных племенных объединений восточных славян. Этноним «кривичи» понимается в смысле кровно родственных, близких по происхождению.

Ранними археологическими памятниками кривичей являются длинные курганы — валообразные или овальные погребальные насыпи, содержащие внутри несколько трупосожжений (5—10 и более). Длина таких насыпей возрастала с каждым новым захоронением и иногда достигала более 50 м. Длинные курганы в качестве погребальных сооружений кривичей в IX в. сменили круглые курганы с одиночными погребениями (трупосожжениями, а затем трупоположениями).

Принадлежность этих памятников кривичам была установлена уже А. А. Спицыным¹. Основанием послужило соответствие ареала длинных курганов данным летописи о расселении кривичей. Распространение длинных кривических курганов охватывает территории верхнего течения Днепра, верхнего и среднего течений Западной Двины, спускаясь на юг, к верховьям Березины, и поднимаясь на север, к верхней Ловати, бассейну р. Великой, к восточному побережью Псковского озера и бассейну верхневоложских озер². Они известны также в Верхнем Понеманье. Область кривичей последующим ходом истории оказалась в пределах этнических территорий двух родственных и соседних народностей — русской и белорусской. После обособления отдельных частей древнерусской народности потомки кривичей оказались

¹ А. А. Спицын. Удлиненные и длинные русские курганы. Зап. Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. V, 1903, вып. I, стр. 196—202.

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 234.

вовлеченными в два этногенетических процесса, явившихся общими предками русских и белорусов.

Поэтому для изучения этнической истории белорусов важно выяснение вопроса о локальных группах кривичей и о том, потомки каких кривичей вошли в состав белорусской народности. Здесь на помощь исследователю белорусского этногенеза приходят археология, данные этнографии и языкоznания.

Уже А. А. Спицын различал три группы кривичей — смоленских, полоцких и псковских¹. Н. Н. Чернягин в составленной им карте длинных курганов выделил среди них псковские и смоленские². Подробно останавливается на локальных группах кривичей С. А. Тараканова, выделяющая по способу сооружения насыпи, по разновидностям погребального обряда и частично по характеру инвентаря две основные территориальные группы кривичей: псковско-гдовскую и смоленскую, или смоленско-полоцкую³. Две группы длинных курганов — смоленско-полоцкую и псковскую — и соответственно им две крупные локальные группы кривичей выделил и В. В. Седов⁴. Такие же локальные группы выделяются им также по круглым курганам с трупосожжением, а затем и с трупоположением, появившимся на территории кривичей в связи с распространением христианства⁵.

Следует отметить, что уже круглые курганы с трупосожжением и трупоположением с ритуальными кострищами в основании курганной насыпи не являются этничес-

¹ А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен, стр. 311.

² П. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. Материалы и исследования по археологии СССР, т. 6. М.—Л., 1941, стр. 94—134.

³ «Советская археология», XIX, 1954, стр. 98.

⁴ В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореферат канд. дисс. М., 1954.

⁵ Там же, стр. 5—6.

ски определяющими исключительно для смоленско-полоцких кривичей. Они были характерны также для дреговичей и радимичей¹. Это свидетельствует о том, что в период формирования и существования единой древнерусской народности в погребальных обрядах восточнославянских племен постепенно стирались местные особенности и создавалась культурная общность. Еще более отчетливо о тесных культурных связях между племенами свидетельствуют курганы с погребением в основании без кострища и без зольно-угольной прослойки и пришедшие им на смену курганы с погребением в грунтовой яме под насыпью, распространенные на всей территории восточных славян и являющиеся, таким образом, общевосточнославянскими погребальными памятниками с единым древнерусским обрядом.

Что касается курганов, лишенных локальных черт погребального обряда — одного из важных этнических признаков, то для таких курганов существенным этнически определяющим фактором остается инвентарь, в первую очередь типы женских украшений, проявивших особую консервативность в сохранении племенных различий. Для кривичей в отличие от других летописных восточнославянских племен, как известно, характерны браслетообразные височные кольца с завязанными концами, представленные несколькими локальными типами.

Здесь следует зафиксировать лишь то, что, по археологическим данным, летописные кривичи составляли две крупные территориальные группы: смоленских и псковских кривичей. Расселенные на двух смежных территориях, группы эти различались между собой особенностями

¹ В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 8.

погребального обряда и инвентаря, которые прослеживаются по всему генетическому ряду типов курганов, последовательно сменявших друг друга, начиная от древнейших длинных курганов с трупосожжением и кончая более поздними круглыми курганами с трупоположением.

При дальнейшем археологическом изучении Белоруссии было обращено внимание на длинные и удлиненные курганы, известные также в Понеманье, в ряде пунктов по обоим берегам верхнего Немана, по его притокам Гавье, Дзитве, Лебеде, Молчади, Щаре и др. Памятники этого типа встречаются также в бассейне Западного Буга¹.

Было установлено, что длинные и удлиненные курганы Верхнего Понеманья аналогичны погребальным памятникам в бассейне Днепра, верхней Волги и Западной Двины, то есть основной территории их распространения, о которой говорилось выше.

Факт обнаружения длинных и удлиненных курганов в составе курганных групп, сосредоточенных в области Верхнего Понеманья и Побужья, дал повод В. В. Седову выдвинуть оригинальную гипотезу о путях движения кривичей.

В специальной работе, посвященной кривичам, В. В. Седов еще раз рассмотрел этническую принадлежность населения, оставившего длинные курганы, подтвердив, что оно бесспорно было кривичским². В этой же работе автором было высказано предположение, что племя кривичей переселилось на Псковщину — в бассейн р. Великой, на побережье Псковского озера и верховье Западной Двины — из района Принеманья и Бугско-Висленского междуречья³.

¹ Ф. Д. Гуревич. Длинные и удлиненные курганы Западной Белоруссии. Краткие сообщения ИИМК, вып. 72. М., 1958.

² «Советская археология», 1960, № 1, стр. 48, 49.

³ Там же, стр. 58, 59.

В. В. Седов решительно отрицает возможность продвижения кривичей на север через Верхнее Поднепровье, в котором вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. якобы не обнаружено движения населения¹. Так вслед за полузабытой и почти никем уже всерьез не принимаемой теорией «ляшского» происхождения радиичей и вятычей родилась новая теория того же происхождения кривичей.

В пользу своей гипотезы о движении с юго-запада древнейших псковских кривичей, впоследствии колонизовавших Смоленское Поднепровье и Полоцкое Подвилье, В. В. Седов, помимо основного довода о тождестве погребальных памятников Понеманья и Псковщины, приводит и некоторые другие соображения. И все же согласиться с его предположением о юго-западном происхождении кривичей трудно.

Неудивительно, что гипотеза В. В. Седова сразу встретила ряд серьезных возражений у археологов. Так, Ф. Д. Гуревич указала на то, что курганы, о которых идет речь, являются более поздними памятниками, чем древнейшие длинные курганы Псковщины, поэтому предположение о движении славянских племен, оставивших длинные курганы, с юго-запада — «не соответствует имеющемуся фактическому материалу»².

Предположение В. В. Седова подвергло обстоятельной критике польский археолог Кристина Мусянович³. Прежде всего она решительно отклонила версию о длинных и удлиненных курганах, обнаруженных якобы в междуречье Буга и Вислы. На эти курганы ссылалась в своей работе Ф. Д. Гуревич, их имел в виду и В. В. Седов,

¹ «Советская археология», 1960, № 1, стр. 54.

² Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 75.

³ См.: Rocznik Białostocki, III, 1962, стр. 462—466.

строя свои предположения о движении кривичей. По утверждению К. Мусянович, в междуречье Вислы и Буга длинные или удлиненные курганы «совершенно неизвестны» (*nie są zupełnie znane*)¹. В Западной Белоруссии длинные курганы действительно имеются, но они не могут служить основанием для того, чтобы считать ее исходным пунктом движения кривичей на север.

К. Мусянович считает гипотезу В. В. Седова искусственно сконструированной, не подкрепленной материалом. Она пишет: «Вслед за непризнанием существования длинных курганов в «междуречье» Вислы и Буга следует отклонить также гипотезу автора о передвижении псковских кривичей к бассейну р. Великой из польских территорий и из центров, расположенных над Верхним Неманом»². Мы согласны с критическими замечаниями польского археолога.

К этому следует добавить один существенный момент: если бы действительно имел место «исход» кривичей из Польши или Побужья, то неминуемо должны были обнаружиться хотя бы слабые следы «юго-западных» элементов в культуре кривичей и позднейших псковичей. А этого нет. Ссылка на сходные черты в древнепсковском диалекте и польских говорах прибавляет мало устойчивости довольно шаткой гипотезе. Тем более, что объяснения, данные этому явлению А. А. Шахматовым и А. К. Соболевским, являются в значительной мере спорными. Некоторые специфические черты древнепсковского говора, в том числе и цоканье, о котором В. В. Седов почему-то не упоминает, могли возникнуть под влиянием соседних финских племен.

Большинство советских историков признает, что кривичи и словене появились в местах их древнего обитания

¹ Rocznik Białostocki, III, 1962, стр. 465.

² Там же.

в результате постепенного движения славян на север из Среднего Поднепровья. К известным доводам в пользу положения о «днепровском» пути движения северных восточнославянских племен на север мы хотели бы добавить довод, до сих пор не использованный исторической наукой. На первый взгляд он может показаться не заслуживающим внимания, в действительности же довод этот является весьма показательным. Это — данные антропонимии. Мы имеем в виду распространение в Белоруссии фамилий, образованных с помощью суффикса *-енка* или *-энка*, *-анка* (Анціенка, Бандарэнка, Васіленка, Кананенка, Марчанка, Ларчанка, Цішчанка и т. п.).

Следует отметить, что, несмотря на сравнительно позднее появление официальных фамилий у основной массы крестьянства, они имеют глубокие корни в истории народа, в его быту и культуре. Особенно это относится к суффиксам, весьма древним элементам языка. Многие суффиксы, в частности суффикс *-енка*, до того как они стали антропонимичными, фамильными формантами, выполняли иные функции в языке, подчеркивая в слове оттенок уменьшительный, ласкательный. Украинский языковед О. Б. Ткаченко считает, что суффикс *-енк-о* существовал уже в общевосточнославянский период¹. Все это и позволяет говорить о важности использования материалов антропонимии в этногенетических исследованиях.

Считалось, что родовые имена-фамилии с суффиксом *-енко* свойственны украинской этнической среде. Между тем они довольно часто встречаются и у белорусов. Здесь важно обратить внимание на географическое распространение этого типа фамилий. На Украине фамилии этого

¹ См.: О. Б. Ткаченко. Українські прізвища з суфіксом *-енко* та споріднені утворення. (Питання походження). Слов'янське мовознавство, т. II. Київ, 1958.

типа характерны главным образом для среднеднепровских говоров и распространены особенно в Полтавской области, а также в Кировоградской, Киевской, Черниговской, Черкасской областях¹. Широкая полоса распространения фамилий с суффиксом *-енко* на Украине продолжается на значительной части Белоруссии, образуя сплошной единый массив. Область преимущественного распространения фамилий на *-енка*, *-энка*, *-анка* охватывает юго-восточный угол БССР по линии Ельск — Мозырь — Речица — Гомель, а также все левобережье Днепра (восточные районы Гомельщины и Могилевщины), северо-восточные районы Витебской области (наибольшая концентрация) и правобережье Западной Двины, оканчиваясь западнее Полоцка².

В крайних восточных и северных районах Белоруссии, распространяясь далее на широкой территории Смоленской и Псковской областей, известны производные от тех же фамилий с суффиксом *-енка* и флексией *-ў (-в)* — Андрэнкаў, Барысенкаў, Ермачэнкаў, Семчанкаў, Артеменков, Беленащенков, Рыленков и др.

Таким образом, область распространения фамилий с древним суффиксом *-енко* (*-енка*) тянется сплошной, не-прерываемой полосой из Среднего Поднепровья по верхнему течению Днепра и вниз по Западной Двине, включая район Полоцка. Фамилии с тем же суффиксом и флексией *-в (-ў)*, появившейся, вероятно, позднее под русским влиянием, широко распространены также в Смоленщине

¹ Ю. К. Редъко. Основні словотворчі типи сучасних українських прізвищ у порівнянні з іншими слов'янськими. Філологічний збірник. Київ, 1958, стр. 123.

² М. Я. Грыблат. Аナンастыка як крыніца вивчення гісторії і этнографії беларуськага народа, стр. 5, 6; М. В. Бірыла. Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў. Мінск, 1963, стр. 43, карта № 6.

и Псковщине. Можно ли все это считать случайностью? Ведь не увлекли и не принесли с собой кривичи, «двигаясь» с Побужья в Псковщину, суффикс *-ук* (-юк), столь распространенный на ляшском пограничье.

Как же появились длинные курганы кривичей в Верхнем Понеманье и Побужье? Предположение о том, что места обнаружения длинных курганов в Западной Белоруссии являются исходным районом, откуда кривичи начали свое движение на север, является необоснованным. Столь же недоказанным является предположение Ф. Д. Гуревич о том, что длинные курганы были погребальными памятниками, присущими не только кривичам, а могли принадлежать и дреговичам¹.

Нам представляется более вероятным предположить, что длинные курганы в Западной Белоруссии были оставлены на древней дреговичской земле населением отдельных колоний кривичей, выдвинувшихся из своей племенной территории на юго-запад. Известным основанием для такого предположения могут служить материалы топонимии, в частности топонимы, возникшие из этнонимов «кривичи» и «полочане».

Пользуясь этнической топонимией в историко-этнографических исследованиях следует неизменно исходить из того положения, что подобные топонимы обычно возникали на иноплеменной или инонациональной территории. Тем самым они практически подчеркивали отличия жителей данного селения от окружающего коренного населения. Топоним, содержащий название какого-либо племени или народности, не мог появиться в области сплошного расселения своей же этнической общности. Это противоречило бы простой логике вещей.

¹ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Полесья, стр. 75.

Известные в Белоруссии топонимы, сохранившие племенное название кривичей, могут свидетельствовать лишь о существовании в древности отдельных кривических колоний (поселений) на чужой племенной территории, но отнюдь не определяют границы собственной области расселения этого племенного объединения. В частности, географическое распространение поселений, носящих названия с этнографической основой «кривичи», говорит о возникновении отдельных кривических колоний на дреговичской земле и на территории расселения в прошлом литовских племен или чересполосно с ними. Топонимы эти следующие: К р ы в і ч ы — в Глубокском, Докшицком, Мядельском, Вилейском, Молодечненском, Ивьевском, Слонимском, Слуцком, Любанскои и Пинском районах; К р ы в і ч а н ы в Докшицком районе; К р э в а и З а к р э ў е — в Сморгонском районе; К р э й в а н ц ы — в Ошмянском районе; К р э в а л о с к — в Ошмянском повете (1657). Здесь кстати заметить, что латыши в своем языке сохранили имя своих ближайших древних соседей кривичей — крево, которым и поныне продолжают называть русских (*kriefs* — русский, *krievite* — русская).

Мы привели топонимы, наиболее бесспорные в отношении их происхождения от этнонима кривичей, отказавшись от таких географических названий, в которых имеется лишь внешняя, кажущаяся связь с кривичами.

Характерно, что географические названия с этнонимом кривичей совершенно отсутствуют на всем северо-востоке и севере Белоруссии, то есть на их основной племенной территории. И это вполне закономерно, как об этом уже говорилось.

Об отдельных поселениях полочан на северо-западной окраине дреговичской земли говорят названия деревень П а л а ч а н ы и П а л а ч а н к а в Молодечненском районе Минской области.

В состав белорусской народности вошли потомки смоленской, или смоленско-погоцкой группы кривичей, за исключением ее крайней северо-восточной части, примыкавшей к Верхней Волге. Вместе с верхневолжскими кривичами псковской группы, словенами и вятичами она была вовлечена в процесс образования великорусской народности.

Смоленско-погоцкие кривичи известны в литературе также под именем днепровских и западно-двинских кривичей, иногда их называют западной ветвью кривичей.

Участие потомков смоленско-погоцких кривичей в образовании белорусской народности в качестве одного из ее компонентов устанавливается не только областью их расселения, составившей часть позднейшей этнической территории белорусов. Это выясняется и по некоторым чертам говора и культуры, наиболее характерным для территории, которую в прошлом населяла эта группа древних кривичей.

По лингвистическим данным, участие потомков смоленской группы кривичей в этногенезе белорусов может быть подтверждено фактом распространения говоров белорусского языка как в настоящее время, так и в недалеком прошлом на всем пространстве их древнего обитания.

Поialectологической карте, составленной Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым по данным начала XX в., северная граница белорусских говоров, не считая говоров, переходных от белорусских к великорусским, очерчивалась следующим образом.

От Иллукста, западнее Двинска, линия северной границы белорусских говоров шла на северо-восток, оставляя к западу Люцин, а далее на восток, включая в область распространения белорусских говоров Себежский, Невельский и Велижский уезды Витебской губернии,

верхнее течение Западной Двины, кроме ее верховья, и все верхнее течение Днепра с Бельским, Поречским, Духовщинским и Дорогобужским уездами Смоленской губернии¹. Примерно так же очерчивал северные пределы белорусского языка и акад. Е. Ф. Карский на несколько ранее составленной им этнографической карте. На обеих картах северная граница белорусских говоров примерно совпадала с северными пределами распространения кривичских погребальных памятников смоленской группы.

Распространение на бывшей земле смоленско-погоцких кривичей говоров, не содержащих как основные черты белорусского языка, так и его северные диалектные особенности, подтвердили и позднейшие исследования. П. Бузук, изучавший в 20-х годах говоры б. Невельского и Велижского уездов, характеризовал их как белорусские в своей основе. На всем пространстве Невельшины он отметил дзеканье и цеканье, которые там «держатся очень крепко» и заходят далеко в Псковщину, сохранение ы перед йотированными гласными (мыеща, выещь), замена старых звукосочетаний ръ, лъ на ры, лы (крывавый, яблыкі), переход л в ў, фрикативное ғ и др².

Бессспорно принадлежащими к белорусскому языку. П. Бузук считал говоры южных и западных волостей Невельского уезда (Чернецовской, Ново-Хованской, Володарской)³. В говорах остальных волостей Невельшины при их белорусской основе уже заметны были черты русского языка, усиливающиеся в северных волостях. Характерны приведенные П. Бузуком слова крестьянки д. Три-

¹ Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5. М., 1915.

² П. Бузук. Да харктарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Мінск, 1926, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 4.

халево из северной части Невельщины относительно говора своей деревни: «Нас называють пылякамі, калі падзім за Вялікія Лукі, а за Неўлем смяюцца з нас ужо за тое, что мы больш выварачем пы-расійску»¹.

Отмеченные особенности в основном характеризуют и говоры б. Велижского уезда. В целом говоры б. Невельского и Велижского уездов лишь 3—4 признаками, главным образом морфологическими (на парогі, у руке, быў на вайны), отличаются от более южных говоров белорусского языка².

С невельско-велижскими говорами безошибочно можно объединить и говоры б. Себежского уезда, имеющие те же белорусские черты. Это хорошо видно, например, по произведениям устного народного творчества, тщательно записанным в Себежском уезде в конце XIX в.³

О границе распространения белорусских говоров на территории б. Смоленской губернии, помимо названных карт, свидетельствуют другие источники. В рукописном фонде акад. П. И. Кеппена имеются материалы о расселении белорусского и великорусского населения в губернии в начале второй половины XIX в. и среди них небольшая рукопись «Пределы белорусской народности в Смоленской губернии», присланная в 1851 г. губернским чиновником Я. А. Соловьевым, местным краеведом, изучавшим язык и этнический состав. На основе личных наблюдений он считал бесспорно великорусскими уезды

¹ П. Бузук. Да харектарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў. Мінск, 1926, стр. 13.

² Там же, стр. 11—13.

³ См.: П. Ф. Альхимович. Сборник белорусских народных легенд, былин, песен с описанием некоторых обрядов, обычаев, праздников и игрищ крестьян Себежского уезда Витебской губернии 1882—1890. Архив Географического общества СССР, разр. V, № 7, (АГО).

Сычевский, Вяземский, Юхновский, Гжатский, то есть северо-восточную часть Смоленщины; переходным, но с преобладанием «белорусского характера» — уезд Бельский; все же остальные уезды Смоленской губернии (Поречский, Духовщинский, Смоленский, Краснянский, Дорогобужский, Ельинский и Рославльский) он безоговорочно относил к белорусским¹. Совпадая в основном с показаниямиialectологической карты 1915 г., наблюдения Соловьева включали в область белорусских говоров также Ельинский уезд и северо-восточную часть Рославльского уезда.

Белорусскими по своей основе считал говоры Смоленщины также известный dialectолог П. А. Расторгуев². Изучая смоленские говоры в конце 20-х — начале 30-х годов, Расторгуев отметил, что «можно говорить о развитии говоров по пути утраты их исконных белорусских черт и замене их русскими»³.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на территории, в далеком прошлом занятой смоленско-погоцкой группой кривичей, господствуют или господствовали говоры, своими основными чертами принадлежащие белорусскому языку. Об участии потомков смоленско-погоцких кривичей в формировании белорусской народности можно говорить поэтому не только учитывая территорию их расселения, но и на основании данных языка, генетически связанных, как можно предположить, с кривичскими племенными dialectами.

Наиболее характерные черты dialectа смоленско-погоцких кривичей отметил акад. А. И. Соболевский. На ос-

¹ АГО, ф. 2, № 191, л. 2.

² П. А. Расторгуев. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

³ Там же, стр. 181.

нове изучения письменных памятников XIII — XV вв. (договоров смоленских князей с Ригой и Готским берегом, грамот) он выделил в качестве основных особенностей древнего «смоленско-пороцкого говора» взаимную мену *и* и *и* и переход *в* в *у* (при Романовиці, немечь, купъчъ; у Ризе, у Русе)¹. Первая черта сближает говор смоленско-пороцких кривичей с говорами новгородских словен и псковских кривичей, а вторая — с говором дреговичей. На этом основании Соболевский приходит к заключению, что «по своим главным чертам... древний смоленско-пороцкий говор был промежуточным звеном между говорами северных кривичей, с одной стороны, и дреговичей — с другой»². Далее мы увидим, что языковые и этнокультурные связи полоцких кривичей с дреговичами были значительно более разносторонними.

К особенностям смоленско-пороцкого говора более позднего происхождения, свойственным уже говорам белорусским и южновеликорусским, Соболевский относит также различные явления аканья. Они встречаются в письменных памятниках начиная с XIII в., но особого развития достигают в начале XV в.

Из других особенностей древнего смоленско-пороцкого диалекта, известных только белорусским говорам, Соболевский выделил: отвердение *р* (Дрысы, серебрыны); замену *с* в предлоге *съ* через *з*, *изъ* (з абою сторон); *и* в словах всих, всим³. Однако не все основные признаки им были отмечены. Перечень этот можно пополнить такими существенными чертами, как форма глаголов в третьем

¹ А. Соболевский. Смоленско-пороцкий говор в XIII—XV вв. «Русский филологический вестник», т. XV. Варшава, 1886, № 1, стр. 7.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 22.

лице единственного числа с окончанием *-цъ* (ідзець, бірэць, меліць), а также мягкое произношение *p*; смешение форм дательного и творительного падежей множественного числа существительных и некоторых определений (аралі сахам, з нам, з вам), полное окончание *-ый*, *-ий*, и особенно *-эй*, *-ей*, в прилагательных мужского рода единственного числа (зілёный, дарагій, маладэй, бальшэй, крівей). Наконец, следует еще добавить *г* фрикативный, пришедший, вероятно, с юга, через дреговичей, и заменивший первоначальный здесь *г* взрывной.

Все эти особенности, как общие языку белорусской народности, так и местные, присущи белорусским говорам, распространенным на землях древних смоленско-пороцких кривичей.

Особенности смоленско-пороцкого диалекта, отмечает Соболевский, «можно слышать в тех говорах, которые обыкновенно с полным основанием причисляются к белорусским и которые имеют, сверх главных особенностей белорусского наречия, также мену *ц* и *ч*»¹. Наиболее характерным в этом отношении он считал говор Себежского уезда и говоры, сходные с ним.

Можно привести и данные этнографии, которые говорят о культурной общности бывших земель смоленско-пороцких кривичей с остальной территорией Белоруссии и в то же время обнаруживают областные различия в культуре и быте, восходящие, возможно, к племенным особенностям. Из черт, характеризующих культурную общность древних земель смоленско-пороцких кривичей с остальной территорией Белоруссии, укажем лишь некоторые².

¹ А. Соболевский. Смоленско-пороцкий говор в XIII—XV вв., стр. 23.

² Преимущественно по материалам этнографических экспедиций АН БССР 1954—1955 гг.

В особенностях крестьянского жилища: общий для великорусов и белорусов тип срубного жилища из круглых неотесанных бревен, но с характерным белорусским вертикальным планом, в котором нижний венец укладывался прямо или на камни под углами, жилище не имело фундамента и подпольных венцов, а значит и подполья. Характерное для белорусов расположение печи в хате в правом или левом углу от входа в жилище, устремленное поверхностью к входу;

в традиционной одежде: распространение белорусского комплекса женской крестьянской одежды с домотканной, преимущественно полосатой юбкой-андараком и полотенчатого женского головного убора — наметки;

характерное для белорусов прямое коромысло для переноски ведер с водой. Лишь на северо-восточной окраине территории появляется полувыгнутое коромысло, приближающееся к коромыслу великорусского типа — дугобразному, лучковатому;

в древней обрядности, календарной и семейно-бытовой: распространение волочебного и купальского ритуалов, крестинного обряда с раздачей «бабінай кашы», ряда черт белорусской свадебной обрядности.

Общебелорусские черты обнаруживаются и в других сторонах материальной и духовной культуры — в пище, домашней утвари, хозяйственных постройках, транспортных средствах, промыслах и домашних производствах, в фольклоре, орнаменте, народной терминологии и т. п.

Из областных особенностей культуры и быта, наиболее характерных для территории, которую в прошлом занимали смоленско-пороцкие кривичи, можно отметить следующие:

сохи для конской упряжки с двумя симметрично поставленными «лемяшамі» и перекладным отвалом — «паліцай». Южная граница распространения этой сохи

проходила приблизительно по линии Поставы—Лепель—Холопеничи — Орша;

на севере область распространения этого типа пахотного орудия выходила далеко за пределы Белоруссии на этническую территорию русских;

особые приспособления и сооружения для воздушной сушки снопов, гороха, трав, картофельной ботвы. Это так называемые «друкі» — вертикально поставленные стволы с коротко обрубленными сучьями. Чаще такие «друкі», установленные через известные промежутки в ряд или составленные конусом, соединяются поперечными жердями и известны под названием «астроўкі», «астрыўкі», или «шаром». Этот тип сооружений для воздушной сушки снопов и трав отличается от сооружений для этой же цели, распространенных в центральной и южной Белоруссии и называемых «азяроды», «зароды», «пераплоты» или «пярэплаты». Граница между этими двумя типами сушильных сооружений проходит приблизительно по линии Островец — Вилейка — Толочин, которая в основном совпадает с южной границей распространения сохи с перекладывающимся отвалом;

особый тип застройки крестьянской усадьбы «замётам», замкнутый со всех сторон четырехугольник, в котором все промежутки между постройками высоко загорожены горизонтально заложенными в «шулы» бревнами. Этот способ огораживания и сама ограда собственно и называется «замётам»¹. Наиболее южные пункты распространения двора «замётам» в пределах Минской области зафиксированы в Мядельском районе (д. Сырмеж, Балаши), в пределах Витебской области — в Толочинском районе (д. Славени). Подобный тип двора известен также на

¹ От «заметывать», то есть забрасывать в «шулы».

востоке Белоруссии — в Могилевской и частично в Гомельской областях, на бывшей земле радимичей, где напрочь с названием «замёт» существует и другое название — «двор кругалём»;

характерная принадлежность одежды, распространенная до конца XIX—начала XX в. на Витебщине, Смоленщине и северной части Могилевщины. Это так называемая «насоў» — верхняя одежда из домотканного полотна простого покрова (с прямой спиной), одинакового для мужчин и женщин. Одевался насов поверх одежды, вместе свитки.

Некоторые черты специфичны для территории древних смоленско-пороцких кривичей и в области духовной культуры. Так, на севере Белоруссии не известен обычай щедрования и слабо развит обычай колядования вообще, широко распространенные в центральной части и особенно на юге Белоруссии. С другой стороны, на севере значительно полнее и ярче была представлена масленичная обрядность, сохранившая ряд общерусских черт — катание с гор, сжигание соломенного чучела масленицы и т. п.¹

Имеются некоторые различия и в песенных формах, например в напевах купальских песен, которые на севере Белоруссии отличаются от общих белорусских типов².

Отмеченные местные особенности в некоторых сторонах материальной и духовной культуры севера и северо-востока Белоруссии могут служить известным подтверждением наличия среди летописных кривичей локальной

¹ См.: Ал. Шлюбскі. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны, ч. I. Мінск, 1927, стр. 60—61.

² К. Квитка. Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен. В сб.: Белорусские народные песни. М.—Л., 1941, стр. 127.

смоленско-пороцкой группы, выделяемой прежде всего на основании данных археологии и языкоznания. Но и эта группа не была вполне однородной. Внутри обширной смоленско-пороцкой группы кривичей обнаруживаются следы территориально-этнических подразделений.

В специальной литературе смоленско-пороцкую группу кривичей обычно подразделяют на кривичей смоленских и кривичей пороцких, или полочан. Притом к полочанам причисляют также кривичей, населявших витебское течение Западной Двины, поэтому смоленских кривичей иногда называют днепровскими, а пороцких — западно-двинскими. Такое деление нельзя признать правильным, оно не совсем совпадает с действительным распространением локальных особенностей в языке и культуре, на основании которых, собственно, используя данные археологии, и могут быть выявлены среди смоленско-пороцких кривичей известные подразделения — ветви. Принятое деление нуждается в уточнении.

В связи с этим следует остановиться на вопросе о полочанах, упоминаемых летописью. Основываясь на этно-географическом обзоре, данном в «Повести временных лет», в которой летописец среди древнерусских племен назвал и полочан¹, некоторые ученые сочли возможным считать полочан отдельным восточнославянским племенем, таким же, как кривичи, дреговичи, поляне и др. Такого же мнения еще сравнительно недавно придерживались и некоторые белорусские историки². В настоящее время взгляд на полочан как на отдельное племя можно считать устаревшим. В той же летописи под 862 г. сообщается, что «первии насыльници в Новегороде сло-

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 11.

² А. П. Пьянков. Происхождение белорусского народа, стр. 9, 13; История БССР, вып. I. Минск, 1946, стр. 112, 113.

вене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома»¹. Князей полоцких летопись называет «кривическими»². Из этого следует, что жителями Полоцка и его пригородов были кривичи, а прозваны они были полочанами «речьки ради» Полоты, впадающей в Западную Двину. От Полоты получил свое имя и сам город Полоцк, расположенный у ее устья.

П. Н. Третьяков правильно полагает, что название полочан не было названием племенным, а относится к новому, территориальному делению населения древней Руси³. Однако нельзя согласиться с тем, что полочанами называли «жителей Полоцка и его земли»⁴. В состав Полоцкой земли входили также северные земли дреговичей, а на востоке, мы полагаем, ее пределы охватили часть территории смоленских кривичей (в междуречье Западной Двины и Днепра). Летопись дает ясное указание: полочанами назывались те, которые сидели на Двине в районе Полоты, давшей им имя. Это имя могло выйти за пределы первоначального обитания полочан и распространиться в направлении их дальнейшего движения и только. Таким образом, название полочан следует относить к населению более ограниченной территории, чем предполагает П. Н. Третьяков и некоторые другие исследователи.

Происхождение и расселение полочан в связи с интересующим нас вопросом о подразделениях внутри смоленско-полоцких кривичей выясняется прежде всего в свете данных археологии. Последние исследуются в трудах В. В. Седова. Вопрос о полочанах освещается также в

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 18. (Подчеркнуто нами.—М. Г.).

² Летопись по Ипатьевскому списку, под 1128, 1140 гг.

³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 222.

⁴ Там же.

специальном исследовании Л. В. Алексеева о древней Полоцкой земле¹.

Основной вывод, к которому приводит изучение археологических памятников,— это подтверждение летописного указания о кривичском происхождении полочан — населения района Полоты на среднем течении Западной Двины.

Во второй половине 1 тысячелетия н. э. кривичи значительно расширяют свою территорию. Это был период «бурного расселения кривичей по обширной территории»². Шло постепенное освоение новых соседних земель, на которых славянизовалось местное население, отдельные группы славян переселялись и на значительное расстояние³. Часть смоленских кривичей переселяется на среднее течение Западной Двины, в район Полоты. Эти кривичи, основавшие при впадении Полоты в Двину свой племенной город Полоцк, в дальнейшем именуются летописью полочанами. Таким образом, полочане появились в результате расселения кривичей.

В районе своего нового поселения на среднем течении Западной Двины и особенно при своем дальнейшем движении в западном и южном направлениях, то есть в бассейне реки Дисны и на Верхней Березине, полочане застали балтийское население. Об этом говорят городища штрихованной керамики, которые по установившемуся в археологии мнению принадлежали древним балтийским племенам. «На территории средней Белоруссии,— указывает археолог А. Г. Митрофанов,— жили племена — создатели и носители культуры штрихованной керамики. Эта культура несет на себе черты полного сходства с культу-

¹ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966.

² В. В. Седов. Кривичи и словене, стр. 5.

³ Там же, стр. 13.

рой восточно-литовских памятников, что дает возможность говорить о большом этническом родстве населения, обитавшего в эпоху раннего железного века на территории современной Литвы, и населения, жившего на территории средней Белоруссии»¹.

В. В. Седов и Л. В. Алексеев связывают образование полочан как особой группы смоленских кривичей с процессом ассимиляции ими местного балтийского населения. Это якобы определило особый путь развития западной части смоленских кривичей и привело к появлению у нее тех особенностей культуры, которые отличают полочан от остальных смоленских кривичей².

Подобный взгляд на полочан высказал и Л. В. Алексеев. Он приходит к выводу: «Ассимилировав некоторые племена балтов..., полочане, по-видимому, впитали некоторые черты их материальной культуры и языка, которые постепенно видоизменяясь и дали... особенности локальных вариантов белорусской этнографии и диалектологии...»³

Со взглядами на происхождение полочан, высказанными В. В. Седовым и Л. В. Алексеевым, полностью нельзя согласиться. Установленным можно считать факт кривичского происхождения полочан. Это известно из летописи и подтверждается данными археологии.

Обоснованным является также выделение полочан в отдельную ветвь смоленских кривичей. Об этом опять-таки свидетельствуют прежде всего данные археологии, позволяющие выявить у полоцких кривичей-полочан

¹ А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат канд. дисс. Л., 1955, стр. 10.

² В. В. Седов. Кривичи и словене, стр. 11, 15.

³ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 60—61.

некоторые черты, отличающие их, правда не весьма значительно, от кривичей смоленских¹.

Как особую группу смоленских кривичей-полочан выделяют и некоторые культурные особенности, а главным образом диалектные различия, о которых будет сказано ниже.

Правильным следует также признать положение о том, что славянские племена, расширяя свою территорию, ассимилировали местное население, носителей культуры штрихованной керамики. Славянизация балтийских племен, обитавших в древности на северо-западе и в средней полосе нынешней территории Белоруссии, является фактом, общепризнанным в исторической науке².

Нельзя лишь согласиться с выводами В. В. Седова и Л. В. Алексеева о том, что выделение полочан в особую группу смоленских кривичей связано лишь с ассимиляцией ими местного балтийского населения. Такое понимание причин, по которым произошло обособление полочан и выделение их в отдельную группу смоленских кривичей, представляется нам не совсем правильным.

Та или иная этническая общность (племя, народность), ассимилировавшая другую этническую группу, действительно вбирает в себя некоторые черты ее культуры. Естественно, что и полочане, ассимилировавшие древнейшее летто-литовское население на северо-западе Белоруссии, также могли впитать в себя отдельные черты его культуры и некоторые элементы его языка. Однако это не дает оснований говорить, что именно черты, воспринятые от ассимилированных летто-литовцев, придали

¹ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 55.

² Подробнее о славянизации части литовцев и об их месте в этнической истории белорусов см. в следующем разделе данной работы.

полочанам тот этнокультурный облик, который отличает их от остальных кривичей. Проблема полочан таким путем решается односторонне. Из поля зрения исследователей ускользнул фактор, сыгравший, на наш взгляд, более значительную роль в формировании культурных и языковых различий полочан, чем та роль, которая приписывается балтийским этническим элементам. Мы имеем в виду связи и взаимообщение полочан с дреговичами, одним из крупнейших племенных объединений восточных славян на территории Белоруссии.

Данные диалектологии, этнографии и частично антропологии обнаруживают на территории расселения полочан при их общей кривичской основе заметные черты дреговичского происхождения. Это заставляет усомниться в правильности утверждения о решающем значении леттоловских черт в возникновении культурных различий у полочан.

Непосредственное общение полочан с дреговичами обусловливалось прежде всего их территориальной близостью и соседством. Оно стало особенно тесным в последние века 1 тысячелетия н. э., когда в результате своего продвижения к югу полоцкие кривичи вплотную соприкоснулись с этническим массивом дреговичей. Крайние северные пункты, в которых пока выявлены археологические памятники дреговичей, очерчиваются примерно линией, идущей от Заславля через Логойск, Борисов и далее на восток до р. Друть. К югу от этой линии простиралась сплошная территория дреговичей, к северу от нее начинались поселения полоцких кривичей.

В. З. Завитневич, например, считал, что поселения дреговичей на севере достигали водораздела Вилии и Березины, с одной стороны, и Западной Двины — с другой, включая города Лукомль и Друцк. Е. Р. Романов в

вопросе о расселении дреговичей на севере пошел еще дальше, раздвинув их пределы вплоть до районов Полоцка, Дисны и Дриссы на Западной Двине. «Основываясь на данных языка, песенного творчества и бытовой обрядности, — говорит Е. Р. Романов, — можно с большей правдоподобностью думать, что дреговичи достигли Западной Двины..., заселили Дриссенский уезд... Продвинулись на запад, где заселили восточную часть Двинского уезда и южную Люцинского»¹.

Нарисованная Е. Р. Романовым картина расселения дреговичей на севере на первый взгляд кажется фантастической, она никак не согласуется с известными науке данными. Романов заблуждается, принимая те или иные черты дреговичей, распространенные на территории полочан, за доказательство обитания там в прошлом самих дреговичей. Но утверждения его интересны в том смысле, что отмечают далекое проникновение дреговических черт в глубь области полочан, а это обстоятельство, по нашему мнению, сыграло решающую роль в появлении у них различий, выделяющих полочан в особую группу кри-вичей.

Дреговические особенности на севере Белоруссии, обнаруживаемые в явлениях «языка, песенного творчества и бытовой обрядности», Романов конкретно не называет, но даже общий вывод, к которому пришел такой крупный знаток быта и языка белорусов, заслуживает внимания.

В другой своей работе Е. Р. Романов разделяет коренное белорусское население севера Белоруссии «по особенностям языка и костюма и по типу» на три груп-

¹ Е. Раманаў. Гаворкі Магілеўскае губерні. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 2. Працы клясы філагогіі, т. I. Мінск, 1928, стр. 124—125.

пы, хотя фактически в основу его деления положены почти только черты говора.

В связи с вопросом о полочанах представляет интерес первая группа белорусского населения, выделяемая согласно классификации Е. Р. Романова. В пределах Витебской губернии он отводит этой группе Лепельский и Дриссенский уезды, южную часть Полоцкого, крайнюю западную часть Витебского и восточные части Двинского, Режицкого и Люцинского уездов; в Могилевской губернии — соседний Сенненский уезд, западные части Оршанского, Горецкого и Могилевского и Чаусский уезд; в Минской губернии почти весь Борисовский и в б. Виленской губернии — Дисненский уезды.

На этой территории отмечаются аканье, твердое произношение *r*, флексия *ць* в глаголах 3-го лица единственного числа настоящего времени (пяецы, берэцы), сильное дзеканье и цеканье¹.

И территория, и важнейшие черты говора, отмеченные Е. Р. Романовым, в значительной мере совпадают с областью расселения древних полочан и распространенными на ней диалектными особенностями. Наблюдения белорусского этнографа в известной степени подтверждают существование у полочан различий в языке и культуре и содействуют уточнению их ареала. Они подкрепляют также наше предположение о том, что эти особенности возникли в результате взаимообщения родственных и соседних племенных групп — кривичей и дреговичей.

Уже акад. А. Соболевский признавал, что древний смоленско-полоцкий говор по своим главным чертам был

¹ Е. Р. Романов. Материалы по исторической топографии Витебской губернии. Уезд Велижский. Могилев, 1898, стр. 66—68.

«промежуточным звеном» между говорами северных кривичей и дреговичей¹.

В процессе взаимного общения кривичей с дреговичами могли возникнуть и стать отличительными особенностями говора полочан отвердение звука *r* и недиссимилятивное аканье, преимущественно умеренное. Эти две черты являются основными и определяют общий характер говора полочан, который можно назвать твердоэрым говором с недиссимилятивным умеренным аканьем в отличие от говора смоленских кривичей, характеризующегося мягкоэрым произношением и диссимилятивным аканьем.

Южное, дреговичское, происхождение твердого *r* в говоре полочан несомненно. Возникновение недиссимилятивного умеренного аканья у полочан также должно быть поставлено в связь с дреговичами. Аканье в своей древнейшей, диссимилятивной форме ранее всего появилось в говоре кривичей, который до того был окающим. Таким же окающим первоначально был, вероятно, и говор дреговичей, в котором эта черта сохранилась дольше, а на южной окраине бывшей дреговичской территории существует и поныне. Можно предположить, что в местах соприкосновения кривичского диссимилятивного аканья с дреговичским аканьем могло образоваться то промежуточное явление в вокализме, которое представляет собой недиссимилятивное умеренное аканье, характерное для говора полочан.

Из других языковых черт дреговичского происхождения в говоре полочан, но известных и смоленским кривичам, следует отметить фрикативный *g*, взрывной, и переход *v* в *y*. Относительно последнего А. Соболевский прямо указывал, что эта черта сближает говор смоленско-пороцких кривичей с говором дреговичей².

¹ А. Соболевский. Смоленско-пороцкий говор..., стр. 21.

² Там же.

Для говора полочан характерна также синтаксическая форма с деепричастием на *-ши* и глаголом *быть* прошедшего времени (я быш паюшы, яны былі ўзяшы, скасішы и т. п.). Черта эта, свойственная более говору псковских кривичей, получила распространение на значительной территории древних полочан и в настоящее время сохранилась еще в Полоцком, Россонском, Ушачском, Верхнедвинском, Миорском, Браславском, Поставском и других районах, достигая на юго-западе Островецкого и Ивьевского районов Гродненской области¹. Другую черту, характерную преимущественно для области древних полочан и обнаруживающую связь с говором псковских кривичей, представляет собой суффикс *-ёнак* в существительных, которые обозначают молодые живые существа (дзіцёнак, ягнёнак, куранёнак).

Из специфических общекривических черт говору полочан свойственно окончание *-ць* в формах третьего лица единственного числа глаголов (прыдзець, едзець, пускаць) и диссимиллятивное яканье (зімля, сістра, сігоння).

Краткий обзор наиболее характерных черт говора полочан позволяет с большей уверенностью утверждать, что полочане как особая ветвь кривичей выделяются прежде всего некоторыми, своими языкковыми особенностями. Существование диалектных различий у полоцких и смоленских кривичей отмечали также норвежский исследователь языка полоцких грамот XIII в. Хр. Станг² и советский диалектолог П. А. Растворгувев³.

¹ Наблюдения автора. Материалы этнографической экспедиции АН БССР 1954 г.

² Chr. S. Stang. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939, стр. 31.

³ П. А. Растворгувев. Говоры на территории Смоленщины, стр. 182, 183.

Среди всех отличительных черт говора западнодвинских кривичей — полочан основными являются те, которые возникли у них из общения с дреговичами. Это — вытеснение из говора полочан мягкого *r* и диссимилятивного аканья твердоэрым произношением и аканьем недиссимилятивным.

Связи полочан с дреговичами усилились после образования в X в. Полоцкого княжества, включившего в свои пределы и северные земли дреговичей. Южная граница Полоцкого княжества в начале XII в. охватывала все течение р. Свислочи и проходила южнее Минска и севернее Слуцка.

Одновременно, вероятно, происходило и взаимное прорачивание при встречных колонизационных движениях полочан и дреговичей в области с балтийским населением, впоследствии ославленным. Этнографические и языковые данные позволяют предположить продвижение части дреговичей с верховьев Немана на север, в направлении к Западной Двине, в районы, находившиеся к западу от основной территории полоцких кривичей. Здесь дреговичи встретились с полочанами, шедшими с северо-востока. Об этом говорит, например, распространение полесской дреговичской сохи. В б. Свирском и Поставском районах известны сохи переходного типа, сохранившие явные признаки полесской сохи¹. Еще далее на север проникли дреговичские черты в языке², а фольклорно-этнографические материалы, собранные С. П. Сахаровым среди белорусов юго-восточной Латвии, также отчетливо

¹ М. Я. Гринблат. О некоторых итогах этнографической экспедиции Института истории 1954 г., стр. 125.

² П. Раства гуе ў. Да харектарыстыкі беларускіх гаворак. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, ІБК, кн. 2. Працы клясы філагії, т. I, Мінск, 1928, стр. 190—191.

обнаруживают в их языке и культуре сочетание кривических и дреговических элементов¹.

В свете всех приведенных данных большую правдоподобность приобретает известное указание летописи о дреговичах, которых она поместила «межю Припетью и Двиною».

Для полочан характерен каравайный ритуал свадебной обрядности, распространенный на всей дреговической территории и принадлежащий к общебелорусским чертам, в то время как свадебный обряд смоленских кривичей отличается так называемым столбовым ритуалом.

В пределах б. Витебской губернии Е. Р. Романовым были отмечены некоторые различия в одежде у «твердоэрцев» — потомков полочан и «мягкоэрцев» — потомков смоленских кривичей².

Важнейшие особенности говора и культуры полочан, далеко еще не все выявленные, обнаруживают их несомненную связь с южной, дреговической этнической средой. Общение с дреговичами и создало то этническое своеобразие полочан, которое отличало их от близко родственных смоленских кривичей.

Отличительными чертами характеризуется и другая, восточная часть кривичей смоленско-полоцкой группы, или собственно смоленские кривичи.

Однако прежде всего о некоторых особенностях, присущих смоленско-полоцкой группе кривичей в целом. Если полоцкие кривичи-полочане утратили часть первоначальных кривических свойств и приобрели отдельные новые черты, обнаруживающие связь с дреговичами, то

¹ См.: С. П. Сахараш. Народная творчесць латгальскіх і ілукстэнскіх беларусаў, вып. I. Riga, 1940.

² Е. Р. Романов. Материалы по исторической топографии Витебской губернии, стр. 68, 108.

смоленские кривичи свои первоначальные особенности сохранили в большей степени, а вновь приобретенное ими пришло главным образом от общения с псковскими кривичами и частично от радимичей, с которыми они вплотную соприкасались. Образование внутри смоленско-пороцкой группы кривичей двух ветвей-подразделений и их обособление усилилось и закрепилось в связи с политическим обособлением — созданием отдельных Полоцкого и Смоленского княжеств (X и XII вв.). До того эти земли составляли часть Древнерусского государства.

Важнейшие различия между смоленскими кривичами и полочанами, безусловно, находятся в области диалектов. При наличии в их говоре **общекривических черт** — флексии -цъ в глаголах третьего лица единственного числа и диссимиллятивного яканья — диалект смоленских кривичей отличается от твердоэрого диалекта полочан с недиссимиллятивным аканьем такими отчетливыми чертами, как мягкое произношение (гаворіць, треба, стріха, иногда даже — ряма) и диссимиллятивное аканье (гылыва, сыха, ныга).

К характерным чертам говора смоленских кривичей принадлежит также цоканье, распространенное на значительной части их территории. Это фонетическое явление было известно им преимущественно в форме замены ч звуком ц (изредка наоборот), например цаго, авецка, цорт, цыгун, цацвер. А. И. Соболевский нашел цоканье в языке древних смоленских грамот XIII—XV вв. и считал, что говор смоленско-пороцких кривичей знал эту черту «издревле» и что это роднит его с говорами новгородских словен и псковских кривичей¹.

Цоканье сохранилось до наших дней в говорах северо-западных районов Смоленской области (Велижского,

¹ А. Соболевский. Смоленско-пороцкий говор..., стр. 20.

б. Понизовского, Демидовского), южных районов Псковской области (Себежского, Невельского, б. Усвятского) и северо-восточных районов Витебской области. По мнению Ю. Ф. Мацкевич, цоканье в современных северо-восточных белорусских говорах, принадлежавших к цокающим, почти полностью исчезло и «отмечено только в нескольких пунктах Суражского района Витебской области»¹. В действительности же в пределах Витебской области оно сохранилось более широко. В 1955 г. цоканье было зафиксировано нами не только в б. Суражском районе, но также в соседнем Городокском и в ряде деревень б. Езерищенского района. Но почему-то эта черта не нашла своего отражения в Диалектологическом атласе белорусского языка, изданном в 1963 г.

Слабые следы цоканья можно обнаружить в Могилевской области, главным образом в произношении цугун, цыгуны. Они зафиксированы нами в ряде деревень Круглянского, Мстиславского, Кричевского, Климовичского и Чаусского районов². Это говорит о том, что цоканье от смоленских кривичей частично проникло в северные радиомические земли. Вообще можно предположить, что эта фонетическая черта в прошлом была распространена на более обширной территории, чем та, на которой она сохранилась в живых говорах. Об этом свидетельствуют многие песни старого слоя (обрядовые), сохранившие цоканье там, где оно уже исчезло из разговорной речи.

Во всяком случае, в области северо-восточных белорусских говоров, на древних кривичских землях, цоканье

¹ Ю. Ф. Мацкевич. Важнейшие пытанні беларускай дыялекталогіі. Працы Ін-та мовазнаўства АН БССР, вып. II. Мінск, 1954, стр. 134.

² Материалы Витебско-Могилевской этнографической экспедиции АН БССР 1955 г.

было распространено в пределах Себежского, Невельского, Велижского, Городокского и Витебского уездов Витебской губернии, Поречского, Духовщинского и Бельского уездов Смоленской губернии. Это позволяет говорить о цоканье как о характерной черте говора смоленских кривичей, что засвидетельствовано и данными древних актов.

К характерным чертам говора смоленских кривичей можно отнести еще ударяемое окончание прилагательных мужского рода в именительном падеже единственного числа на *-эй*, *-ей*: мыладэй, зілянэй, нібальшэй, якей. На территории полочан подобные прилагательные также имеют полное окончание, но преимущественно типа *-ый*, *-ий*: маладый, таўстый, сіній, ніялікій. Окончание прилагательных на *-эй*, *-ей* известно также на значительной, главным образом северной, части области радиличей¹.

На территории смоленских кривичей обнаруживались некоторые местные особенности в материальной и духовной культуре.

Этнографы XIX в. отмечали, например, преобладание в этих местах очень малых деревень, состоящих всего из нескольких дворов. Такие малые деревеньки в Смоленщине С. М. Максимов считал одной «из самых характерных особенностей белорусского племени»². Малые размеры белорусских деревень отмечал также П. В. Шейн на северо-востоке Витебщины, соседней со Смоленщиной³. Это явление нельзя объяснить только социально-экономическими и географическими факторами. Можно допустить здесь и известную роль давней традиции.

¹ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта 110. См. также карты 119, 121, 125, 127.

² Живописная Россия, т. III. М., 1882, стр. 442.

³ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, т. III. СПб, 1902, стр. 3, 4.

Среди специфических черт жилища на бывшей земле смоленских кривичей обращает на себя внимание хата с сенями в виде небольшой пристройки к торцовой или фасадной стороне хаты под отдельной, чаще односкатной крышей. Подобный тип хаты с небольшими сенями-пристройкой распространен на северо-востоке Витебщины и в соседних районах Смоленщины и Псковской области. По нашему мнению, указанное явление не связано с позднейшей линией развития крестьянского жилища, проявляющейся в стремлении уменьшить размеры сеней за счет увеличения жилой части хаты. В указанных районах однокамерный тип жилища с небольшими сенями-пристройкой, по-видимому, древнего происхождения и является местной особенностью — своеобразным развитием жилища без сеней не в сторону двух- или трехкамерной постройки, как в других местностях Белоруссии, а в сохранении первоначального однокамерного жилища с пристройкой небольших сеней под отдельной крышей.

Однокамерная постройка, известная еще среди памятников позднезарубинецкой культуры, была древнейшей и основной формой восточнославянского жилища VIII—XII вв., хотя уже в конце этого периода были известны также двух- и даже трехкамерные жилые постройки¹. В Белоруссии однокамерные хаты без сеней встречались еще в XVIII и XIX вв. Вероятно, хата с сенями-пристройкой под отдельной крышей является переходной ступенью в развитии жилища от однокамерного к двухкамерному жилищу под общей крышей.

На территории смоленских кривичей можно отметить некоторые областные различия и в женской одежде,

¹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 135—136.

обладающей особой устойчивостью в сохранении традиционных черт. Для этой территории было характерно распространение комплекса женской одежды с поневой, наиболее древнего у восточных славян¹. Он сочетался здесь с общебелорусским комплексом женской одежды с полосатой юбкой-андараком (рубаха, андарак, безрукавка, фартук). Однако андарак, распространенный в северо-восточных районах Витебщины (Городокском, Витебском, Лиозненском), в соседних районах Смоленской и Псковской областей, а также в северных и восточных районах Могилевщины, имел одну существенную особенность. Он сочетался здесь с пришитым глухим или застегивающимся на груди лифом. Таким образом, эта одежда, сохранившая название андарака, приближалась по своему характеру к великорусскому сарафану. В некоторых местах (например, в б. Суражском районе) андарак с лифом так и назывался «сарахван»².

К специфическим особенностям в области духовной культуры на древней территории смоленских кривичей можно отнести так называемый столбовой ритуал в свадебной обрядности, подробно исследованный Н. М. Никольским³.

Территория распространения в прошлом этого ритуала почти целиком совпадает с областью распространения основных особенностей говора смоленских кривичей (мягкоэного произношения, диссимилиятивного аканья и цоканья, особенно последнего), сохранившихся в северо-

¹ Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова. Русская крестьянская одежда XIX—начала XX века как материал к этнической истории народа. «Советская этнография», 1956, № 4, стр. 23, карта 1.

² Материалы Витебско-Могилевской этнографической экспедиции АН БССР 1955 г.

³ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956, стр. 143—174.

восточных белорусских говорах. Столбовой обряд бытовал исключительно в северных уездах Смоленской губернии, в северных и восточных уездах Витебской губернии, в примыкавшей к ней южной полосе Псковской губернии, а также в юго-западной части Ржевского уезда Тверской губернии. Это показывает, насколько порой поразительно совпадение тех или иных черт культуры с распространением местных особенностей говора, в данном случае — столбового обряда с отличительными чертами говора смоленских кривичей.

На всей остальной этнической территории белорусов, несмотря на существование в прошлом околопечного «стаўба», свадебный столбовой ритуал неизвестен, хотя в некоторых районах сохранялось значение столба в качестве ритуального места в хате в других случаях¹.

Рассмотренные в этой главе материалы показывают, что выделяемые среди смоленско-погоцкой группы кривичей две особые ветви — погоцкие кривичи, или полочане и смоленские кривичи имели свои отличительные черты. Особенности полочан сближают их с дреговичами, отличительные черты смоленских кривичей сохранили заметную связь с северными, псковскими кривичами, а в ряде языковых и культурных явлений обнаруживают общность с радимичами.

Обзор основных особенностей полочан и смоленских кривичей в связи с географическим распространением этих особенностей позволяет подойти к более отчетливому определению территории расселения этих обеих

¹ В д. Берштах б. Скидельского района Гродненской области во время печения каравая по столбу ударяли хлебной лопатой; в д. Любавичах б. Туровского района Гомельской области на столб клади голову заколотой свиньи; в д. Полонице Кричевского района Могилевской области во время крестин на столбе в «начоўках» клади новорожденного.

ветвей древних кривичей. Границы их территории восстанавливаются в значительной степени ретроспективно. Свидетельства археологии мы пытались сопоставлять с распространением явлений языка и культуры, восходящих в основном, как мы считаем, к древним племенным различиям.

Выводы, к которым мы пришли в вопросе о границах расселения полочан и смоленских кривичей в результате нашего исследования, сводятся к следующему:

Территория полочан.

Само собой разумеется, что полочанами мы называем не все население Полоцкой земли, включившей в свои пределы разные племенные элементы, а лишь ту обособившуюся ветвь смоленских кривичей, о которой шла речь выше. Эта оговорка необходима потому, что нередко область полочан и Полоцкая земля отождествляются.

По древнейшим курганам с сожжением Л. В. Алексеев очерчивает первоначальную территорию полочан, ограниченную естественными границами,—на севере Западной Двиной, на северо-западе — Дисной и Уллой, на юге—верховьями Березины и Сервича, на юго-востоке—Уллой. К X—XI вв. территория полочан на юге достигла линии Логойск—Борисов—Орша¹. Очерченные пределы, кроме южного, отражают лишь раннюю область полочан до освоения ими более значительной территории, особенно на западе. Поэтому пределы территории полочан требуют уточнения.

Прежде всего следует отметить, что расселение полочан на востоке не достигало линии Витебск — Езерище. Район Витебска, как и территории к северу от него и все

¹ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля, стр. 55.

междуречье Западной Двины и Днепра, принадлежал к области смоленских кривичей, а не полочан. Правда, в этом направлении шло расширение Полоцкого княжества в начале XI в., когда Усвят и Витебск «стали предметом вожделений полоцких властителей»¹, присоединивших к своим владениям часть территории смоленских кривичей. Однако последние от этого не превратились в полочан.

По совокупности признаков, которые были нами рассмотрены, территория полочан восстанавливается в таком виде. Полочане занимали главным образом левобережье Западной Двины примерно от д. Зaborья Бешенковичского района (к западу от Витебска) вниз до селения Друи Браславского района Витебской области, простираясь широкой полосой к югу, до стыка с дреговичами. В правобережье Западной Двины поселения полочан располагались в районах, близко примыкающих к Полоцку с северо-востока (на Полоте) и с северо-запада (в сторону Россон и Освеи). В XI—XII вв., продвигаясь далее на запад и юго-запад в земли летто-литовцев, поселения полочан достигли юго-востока Латгалии, Мядельских озер и р. Вилии. На востоке территория полочан доходила примерно до линии Сенно — Голочин.

Вся территория древних полочан, за исключением ее северо-западной окраины, лежит в современных границах БССР, в ее северной части.

По современному административному делению к древней земле полочан принадлежали следующие районы:

Витебской области — Полоцкий, Россонский, Верхнедвинский, Миорский, восточные половины Браславского и Поставского, Глубокский, Докшицкий, Лепельский,

¹ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 150, 151.

Чашникский, Бешенковичский (без восточной окраины), юго-западная половина Сенненского и большая западная часть Толочинского районов;

Минской области — Мядельский, Вилейский, северо-восточная часть Молодечненского, северо-западный угол Минского, северные части Логойского, Борисовского и Крупского районов.

Кроме того, поселения полочан были на территории современных Даугавпилсского и Дагденского районов Латвийской ССР.

Территория смоленских кривичей.

Само название смоленских кривичей требует уточнения. В отличие от западной, полоцкой ветви смоленско-полоцкой группы кривичей ее восточную ветвь правильнее называть не смоленской, а смоленско-витебской. Как мы уже отмечали, район Витебска, несмотря на то что он входил в состав Полоцкого княжества, территория к северу от Витебска и междуречье Западной Двины и Днепра принадлежали не полочанам, а кривичам, которых летопись поместила «на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра». Верхнее, витебское течение Западной Двины, как и смоленское течение Днепра, следует относить поэтому к более древней области кривичей. И по совокупности признаков древнего населения вся эта территория составляла единое целое. Поэтому эту ветвь смоленско-полоцкой группы кривичей правильнее будет называть смоленско-витебской, а не смоленской. Такое название более соответствует территории их расселения.

Земля смоленско-витебских кривичей лежала к востоку и северо-востоку от территории полочан. Она охватывала западную часть позднейшей Смоленской и се-

веро-восточную часть Витебской губернии — верхнее течение Днепра, приблизительно от Орши, междуречье верхних течений Днепра и Западной Двины, правобережье Западной Двины с Городком, Усвятами, Езерищем и далее на северо-западе — районы Невеля и Себежа. На западе, таким образом, непосредственными соседями смоленско-витебских кривичей были полочане, на севере — псковские кривичи, на юге — радиличи, на востоке — вятичи.

В границах БССР к древней земле смоленско-витебских кривичей принадлежит восточная часть Витебской области и северо-восточная окраина Могилевской области. Преобладающая часть территории смоленско-витебских кривичей лежит в пределах нынешней Смоленской и частично Псковской областей РСФСР. По современному административному делению смоленско-витебские кривичи населяли примерно следующие районы:

Витебской области — Городокский, Лиозненский, Витебский, Бешенковичский (восточную часть), Сенненский (северо-восточную половину)¹, Толочинский (восточную часть), Оршанский и Дубровенский районы; Могилевской области — Горецкий район, северную часть Мстиславского района с г. Мстиславлем, Шкловский, северные части Чаусского и Могилевского районов; Калининской области — Бельский и Жарковский районы; Псковской области — Невельский, Пореченский и Себежский районы; Смоленской области — Велижский, Демидовский, Духовщинский, Руднянский, Смоленский, Ярцевский

¹ Е. Р. Романов отмечает к северу от Сенно «резкую этнографическую границу», направляющуюся на восток, в Смоленщину. За этой границей «сплошной массой идут селения потомков кривичей» (См. Курганы Могилевской губернии. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, т. 29, вып. 5. М., 1866, стр. 605).

районы, западную часть Холм-Жирковского района, Дорогобужский, Ельинский, Краснинский, Починковский, Монастырщинский, Хиславичский районы и северные части Шумячского и Рославльского районов.

На всей очерченной нами территории расселения древних смоленско-погоцких кривичей распространены говоры, принадлежащие или принадлежавшие белорусскому языку, или говоры, переходные от белорусских к великорусским (на северной и восточной окраинах территории). Белорусская основа говоров сочетается с распространенными на этой же территории белорусскими чертами в материальной и духовной культуре при наличии ряда выразительных локальных особенностей. Последние создают то этническое своеобразие, которым отличаются обе ветви смоленско-погоцких кривичей.

Все это позволяет прийти к выводу, что в состав белорусской народности кривичи вошли потомками своих двух крупных ветвей — погоцкой и смоленско-витебской и что область погоцких и смоленско-витебских кривичей явилась частью той общей территории, на которой совершился процесс складывания и развития белорусской народности. Вывод этот тем более правомерен, что, помимо языкового и культурного родства населения этой области с остальной территорией белорусской народности, между ними существовали и известное постоянство экономических связей через посредство таких городов, как Погоцк, Смоленск, Витебск, и общность политической жизни в пределах единого Древнерусского государства, а позднее — Великого княжества Литовского¹.

¹ В составе Литовского княжества с 1404 до 1514 г. находился и Смоленск.

ТЕРРИТОРИЯ РАДИМИЧЕЙ

К югу от поселений смоленско-витебских кривичей и к востоку от территории дреговичей простирались земли племенного союза радимичей.

В «Повести временных лет» о радимичах только в общих чертах сказано, что они обитали «на Съжю»¹, левом притоке Днепра. Радимичам принадлежали город Гомель (Гомий), впервые упомянутый в летописи под 1142 г.², и город Чечерск на Соже (под 1159 г.)³. Еще ранее (под 984 г.) летопись повествует о походе на радимичей князя Владимира с воеводой Волчим Хвостом и о битве с радимичами на реке Песчанке (Пищане)⁴, правом притоке Сожа.

Первое монографическое исследование о радимичах, в котором были обобщены археологические и письменные источники об этом племени, принадлежит акад. Б. А. Рыбакову. Основой работы послужили курганы радимичей X—XII вв. На материале курганныго инвентаря Б. А. Рыбаков характеризует хозяйство, социальный строй, религию и искусство радимичей и, что особенно важно, восстанавливает территорию их расселения.

Отправляясь от общего указания летописи о месте обитания радимичей на Соже, Рыбаков выясняет наиболее характерные для этой территории предметы курганныго инвентаря. Такими предметами оказались некоторые виды женских украшений и в первую очередь семилучевые височные кольца в отличие от браслетообразных височных колец у кривичей, полутораоборотных у дреговичей, спиральных у северян и семилопастных у вятичей.

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 14.

² Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 223.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Повесть временных лет, ч. I, стр. 59.

Среди других женских украшений, содержащих радиальные племенные признаки, Рыбаков выделяет двухскатно-плосковатые шейные гривны и некоторые типы подвесок¹.

Картографирование находок семилучевых височных колец и других сопутствующих женских украшений и послужило основой для определения границ расселения радимичей. Лишь вспомогательная роль отводилась особенностям погребального обряда.

Вот как очерчивается территория радимичей по Рыбакову² (приводим по современному административному делению):

Начинаясь севернее устья Сожа, линия границы огибает с юга и запада д. Новые Дятловичи Гомельского района и поднимается вверх по левому берегу Днепра до устья Березины. Отсюда линия границы переходит на правый берег Днепра и следует вдоль него, вверх, до устья Друти. На этом отрезке радимические поселения встречаются вперемежку с дреговичскими. К радимическим отнесены на крайнем западе территории населенные пункты Чеботовичи б. Уваровичского района, Каменка, Проскурни и Старая Рудня Жлобинского района, Рогачев и Гадиловичи Рогачевского района.

От устья Друти линия границы идет далее на север, по междуречью Друти и Днепра и южнее Старого Быхова вновь переходит на левый берег Днепра, направляясь резко на восток. На этом отрезке на радимической территории остаются Вишенки Рогачевского района, Новый Быхов и Лудчица Быховского района. Уходя на восток, граница пересекает р. Проню, правый приток Сожа (между Чаусами и Славгородом), и направляется к Мсти-

¹ Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 99.

² Там же, стр. 99—100 и карта.

славлю, проходя несколько южнее его. На радиической территории остаются Славгород (б. Пропойск) и Кричев. Верхнее течение Сожа от устья Вихры принадлежало уже смоленско-витебским кривичам.

От устья Вихры граница радиической из БССР переходит в Смоленскую область, севернее Рославля пересекает Остер, Десну у впадения в нее Снопати и доходит до Колчина на Болве, левого притока Десны, уже в пределах Калужской области (Людиновский район). Здесь поселения радиической вплотную примыкали к территории вятичей. К радиической территории отнесены Рославль Смоленской области и Колчино Калужской области — крайний северо-восточный пункт радиической земли.

От Колчина линия границы вновь резко поворачивает на запад юго-восточнее Пеклино Жуковского района Брянской области и в пределах этой области направляется на юго-запад вдоль правого берега Судости, правого притока Десны, до пунктов восточнее Стародуба. В пределах радиической территории оказываются Мглин и Стародуб, районные центры Брянской области (в прошлом уездные города Черниговской губернии). Линия проходит южнее Стародуба в западном направлении до изгиба Снови, правого притока Десны, поворачивает на юг и следует вдоль левого берега Снови, вниз, до д. Медведовка Семеновского района Черниговской области.

Южнее Медведовки линия пересекает Снов и направляется на запад, проходя по границе Черниговской области с Брянской и Гомельской областями, а затем поворачивает на северо-запад к д. Новые Дятловичи Гомельского района, откуда был начат обзор. Южную границу радиической территории, таким образом, составляют Чуровичский район Брянской области и Добрушский район Гомельской области. Дальше к юго-востоку, по Б. А. Рыбакову, простирались земли северян. Использование

ограниченных источников не может гарантировать абсолютную точность в определении палеоэтнических границ. Можно допустить наличие известных несоответствий и в карте Б. А. Рыбакова 1932 г. Нам представляется, например, что западный рубеж территории радимичей неоправданно выдвинут на правобережье Днепра. В частности, Рогачев и даже Гадиловичи на левом берегу Днепра по совокупности признаков (говор, черты культуры) выясняются как дреговичские. Требует, видимо, пересмотра вопрос о палеоэтническом характере района Лоева и междуречья Днепра и Снови (к югу от Добрушского района), отнесенных Рыбаковым к территории северян. Белорусские черты в говорах этих районов и многие особенности культуры говорят о присутствии здесь в прошлом радимичей и дреговичей. Впрочем, здесь акад. Б. А. Рыбаков сам внес изменения в карту 1932 г. исследованием о полянах и северянах, выяснив, что ни район Лоева, ни междуречье Днепра и Снови в сторону Чернигова не принадлежали земле северян¹. Б. А. Рыбаков правильно определил основное ядро территории радимичей, находящееся в междуречье Днепра и Ипути и на ее левобережье, на Соже и на Беседи, на нижнем течении Прони и на верхнем течении Снови.

Изучение археологических памятников радимичей, продолженное Г. Ф. Соловьевой, подтвердило основные выводы Б. А. Рыбакова². Помимо курганного инвентаря, Соловьева широко использовала данные погребального обряда вятичей, радимичей и северян, который, как отмечала летопись, отличался у них единством. Однако тщательное изучение погребального обряда позволило Со-

¹ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 88, 94—95.

² Г. Ф. Соловьева. Славянские племенные союзы по археологическим данным (Вятичи, радимичи, северяне). Канд. дисс. М., 1953. Рукопись.

лόвьевой не только выявить его особенности у того или иного племенного объединения, но и выделить на территории радимичей и вятичей ряд локальных групп, соответствующих небольшим первичным племенам, о которых в летописи не сохранилось известий. Это наиболее ценное в работе Г. Ф. Соловьевой.

Всего на радимической территории Г. Ф. Соловьева выделяет 8 местных групп, отличающихся между собой теми или иными деталями погребального обряда — погребением в насыпи, на горизонте, в яме или всеми тремя видами, ориентировкой умерших, наличием угля в курганах, посуды и т. п.

Одна группа занимала территорию между Днепром и Сожем; другая — бассейн Сожа; третья — бассейн Ипути, левый приток Сожа; четвертая — бассейны Ипути и Снови, правого притока Десны; пятая жила в бассейне Снови; шестая — в междуречье Ипути и Снови; седьмая — в среднем течении Днепра от Рогачева до устья Сожа; восьмая — в междуречье Сожа и Беседи, левого притока Сожа¹.

Все эти районы в основном совпадают с коренной территорией радимичей, ранее определенной Б. А. Рыбаковым по женским украшениям.

Вряд ли верно только выделение радимической локальной группы в среднем течении Днепра от Рогачева до устья Сожа. На карте Рыбакова большинство курганных групп на этом участке расположено на правом берегу Днепра. Мы уже говорили, что данный участок правобережья по совокупности признаков вернее считать принадлежащим дреговичам. Черты, которые отмечает Г. Ф. Соловьева, характеризуя эту локальную группу, лишь подтверждают наши предположения. К особенностям группы

¹ Г. Ф. Соловьева. Славянские племенные союзы по археологическим данным (Вятичи, радимичи, северяне), стр. 10—11.

Соловьева относит погребение в дубовой или березовой колоде (преимущественно мужчин) или в дубовой раме (женщин)¹. А известно, что подобный вид погребения более характерен для дреговичей, чем для радимичей.

В целом же выделение локальных групп среди летописных радимичей, по археологическим данным, имеет реальные основы. Оно согласуется и с данными диалектологии и этнографии. На древней земле радимичей мы найдем больше локальных различий в говорах и явлениях культуры, чем, например, на племенной территории смоленско-погоцких кривичей. На радимичской территории при белорусской языково-культурной основе (во всяком случае до линии Рославль, Мглин, Стародуб на востоке) обнаруживается заметное разнообразие в особенностях говора, материальной и духовной культуры.

Здесь следует еще отметить следующее. По уставившейся традиции, основанной на указании летописи о том, что «и радимичи, и вятичи, и север один обычай имя-ху»², имея в виду брачные обычаи и погребальный обряд, радимичей сближали с вятичами и северянами³. Однако по данным языкоznания и этнографии выясняется гораздо более заметная связь радимичей со смоленско-витебскими кривичами (на северо-востоке) и с дреговичами (на юго-западе). В значительной мере язык и культура радимичей представляют собой промежуточное звено между кривичами и дреговичами.

Состояние диалектологической и этнографической изученности древней радимичской земли не позволяет еще делать сопоставления в границах локальных групп,

¹ Г. Ф. Соловьев. Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореферат канд. дисс. М., 1953, стр. 10—11.

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 15.

³ См.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 244.

выделяемых на археологическом материале. Однако о существовании их говорят известные материалы.

Еще Е. Р. Романов в своем обзоре говоров Могилевской губернии на территории радиличей, которые, по его мнению, населяли центральную и южную части губернии, выделял несколько говоров и прежде всего говор мягкоэ́рый в восточной части губернии и говор твердоэ́рый на юге и западе губернии¹.

П. А. Растро́гув выделил на юго-востоке радиличской территории (Новозыбковский, Суражский, Мглинский и Стародубский уезды Черниговской губернии) особый говор, неоправданно названный им северско-белорусским, так как он ошибочно считал эти районы, принадлежавшими территории северян. В этом говоре П. А. Растро́гув находил черты, сближающие его с северо-восточными белорусскими говорами, черты южнобелорусские, а также черты, свойственные только этому говору².

Заметно различаются говоры радиличской земли по характеру аканья (диссимилятивному, недиссимилятивному, сильному, умеренному).

В области материальной культуры обнаруживаются различия в типах сохи. В центре радиличской территории (север и восток Могилевской области) господствовала соха с симметрично поставленными сошниками и непрекладной палицей. На западе территории была распространена соха с асимметрично поставленными сошниками, как в полесской сохе³. На юге территории встречалась разновидность полесской сохи с дышлом или

¹ Е. Раманаў. Гаворкі Магілеўскай губерні, стр. 126.

² П. А. Растро́гув. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

³ Л. А. Молчанова. К истории земледельческих орудий белорусов. Краткие сообщения Ин-та этнографии, XXVIII, 1957, стр. 18.

обжами на двух колесах. Локальные различия заметны и в народной терминологии. П. И. Якушкин, наблюдавший быт потомков радимичей в северных уездах бывшей Черниговской губернии, вынужден был отметить: «Как ни просто устройство нашей деревенской избы, но в разных местах — разные и избы»¹.

По карте Рыбакова территория радимичей, составившая часть общей территории, на которой совершился процесс образования и развития белорусской народности, простиралась от Днепра на западе до линии Рославль — Мглин — Стародуб на востоке. К этому следует еще добавить часть междуречья Днепра и Снови в сторону Чернигова, где также обнаруживаются явные следы радимичей и, вероятно, дреговичей.

В отношении радимичей можно отметить, что они были расселены относительно компактно и не выходили за пределы области своего исконного обитания. Об этом опять-таки свидетельствует отсутствие явных следов радимичей в топонимии соседних племенных территорий. Даже Н. П. Барсов не нашел в белорусской топонимии ничего сближающегося с этнонимом радимичей².

В результате исследования расселения восточнославянских племен на территории Белоруссии и смежных районов общую территорию, на которой формировалась и развивалась белорусская народность, можно очертить примерно следующим образом.

Если для большей наглядности сопоставить территорию белорусской народности XIV—XVI вв. с современны-

¹ П. Якушкин. Путевые письма. «Основа», 1862, № 1, стр. 17.

² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 126, 127.

ми границами БССР, охватывающими территорию белорусской нации, то мы увидим, что первая несколько отличается от второй: на севере она включала в себя юго-восточный угол нынешней Латвийской ССР (часть Двинщины и Краславщины) и южную полосу нынешней Псковской области РСФСР (Себежский и Невельский районы); на востоке — западную часть Смоленской области (Велижский, Демидовский, Руднянский, Краснинский, Монастырщинский, Рославльский, Хиславичский, Шумячский районы) и северо-западную часть Брянской области (бывшие северные уезды Черниговской губернии, включая Мглин, Стародуб, Сураж, Клинцы, Новозыбков); на юге белорусская территория осталась почти неизменной; на западе она включала в себя забужнюю часть Берестейского повета, Подляшье с Дорогициным, Мельником и Бельском и район Соколки; на северо-западе пределы территории белорусской народности несколько не достигали современной границы БССР — к этнической территории литовцев тогда еще принадлежали селения к северу от Гродно, районы Радуни, Ошмян, Островца, Видзы и других, хотя процесс славянизации там уже проходил интенсивно.

Место литовцев и других народностей в этнической истории белорусов

В решении сложной проблемы происхождения и формирования белорусской народности немаловажное значение имеет вопрос о вовлечении в белорусский этногенез иноязычных этнических элементов. Различные данные свидетельствуют, в частности, о том, что в процессе складывания и развития белорусской народности белорусами была ассимилирована и обелорущена часть соседних литовцев.

Процесс славянизации литовских племен на территории современной Белоруссии начался еще в древние времена. Исследования советских археологов В. В. Седова, А. Г. Митрофанова, А. Таутавичюса¹, польских археологов В. и Е. Голубовичей² и других убедительно доказали, что не только в северо-западных районах нынешней Белоруссии, но частично и в ее средней полосе (в бассейне Немана, Вилии, Березины и на левобережье Западной Двины) до VI—IX вв. жило население, характеризующееся культурой штрихованной керамики. Поселения со штрихованной керамикой названные археологи этнически свя-

¹ А. Таутавичюс. Восточная Литва в первом тысячелетии нашей эры. Автореферат канд. дисс. Вильнюс, 1954.

² Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вileйском округе БССР. Краткие сообщения ИИМК, вып. 9, 1945.

зывают с древними балтийскими племенами. Подобного мнения придерживается и П. Н. Третьяков¹.

Мы не говорим уже о гораздо более древних временах, когда почти все Верхнее Поднепровье было занято балтийским населением, оставившем о себе память в гидронимии. «Начиная с самой отдаленной древности, доступной лингвистическому контролю», — свидетельствуют исследователи гидронимии В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев, — балты были основным этническим компонентом Верхнего Поднепровья².

Новейшими исследованиями (Е. А. Шмидта, П. Н. Третьякова, В. В. Седова) отмечено присутствие балтских элементов (в украшениях, погребальном обряде) и в длинных курганах VI—VIII вв., согласно признаваемых археологами древнейшими памятниками кривичей.

Все это, однако, не дает повода для выпячивания роли балтского субстрата в формировании белорусской народности. Мысль эту настойчиво отстаивает в своем новом исследовании В. В. Седов³. Если в какой-то степени можно говорить о влиянии балтского субстрата на этнокультурный облик восточнославянских племен, то в вопросе образования белорусской народности речь может идти о ее связях уже с литовской народностью в более позднюю эпоху и в иных исторических условиях.

Появление рядом с летто-литовским керамическим материалом славянской керамики убеждает в том, что в тех местах не было прямой смены населения — продвижение славян не вытесняло местного населения.

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 92.

² В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 232; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

Процесс славянизации части литовского населения был медленным и весьма длительным. Начавшись в зависимости от места и интенсивности колонизационного движения славян в различное время, в VI—IX, XI вв., процесс славянизации, а позднее, с XIV—XVI вв., процесс белорусизации литовских этнических элементов длился в течение многих веков, а в некоторых местах завершился лишь в XIX — начале XX в.

О том, что балты составляли древнейшее население части современной территории Белоруссии, свидетельствует и топонимия. На северо-западе Белоруссии сохранились в большом количестве не только названия рек, но и названия деревень, местечек несомненно литовского происхождения.

Наиболее характерными литовскими являются названия населенных мест с окончанием на *-шки* (Равбишки, Солопятишки, Гальментишки, Конвелишки). Они соответствуют белорусским и украинским названиям населенных мест с окончанием на *-ichi* и польским названиям, оканчивающимся на *-ice*, *-owice*.

Восточная и южная границы распространения названий, оканчивающихся на *-шки*, проходят от Браславских озер, восточнее Миор, западнее Постав, на оз. Свири, вдоль его западного побережья, восточнее Ошмян, к северу и на запад от Воложина, на Трабы Ивьевского района, севернее Лиды, далее на юго-запад, южнее Щучина, на Озера, затем к востоку и на север от Гродно и потом по направлению к г. Сейны и г. Сувалки (Польша) ¹.

Следы древнего летто-литовского населения в топо-

¹ J. Safarewicz. Rozmieszczenie nazw na *-iszki* na Pograniczu słowiańsko-litewskim. Sprawozdania z czynności i posiedzeń PAU, t. XLVIII. Kraków, 1947, стр. 45—46, карта.

нимии, встречаемой в северо-западных районах БССР, не ограничиваются только названиями деревень с окончанием на *-шки*. Многочисленные названия населенных мест имеют и другие окончания литовского происхождения.

Перечислим наиболее бесспорные: *-яны*, *-аны*, *-ани* (Ошмяны, Жупраны, Далани); *-шты* (Бершты, Норшты); *-ненты*, *-нента*, *-няты*, *-нята* (Супраненты, Беленента, Ксяцяняты, Сенкенята); *-яты*, *-аты*, *-еты* (Гервяты, Лаполаты, Пляушкеты); *-янты*, *-анты* (Плянты, Сурканты); *-юнцы*, *-унцы* (Белюнцы, Вайкунцы); *-юны*, *-уны* (Видзюны, Гадзилуны); *-ини*, *-ины* (Шалцини, Яцины); *-они*, *-ойни* (Бенякони, Лукойни); *-айцы*, *-ойцы*, *-ейцы* (Лайцы, Валойцы, Килейцы); *-одзи*, *-удзи* (Кодзи, Рудзи); *-уты*, *-уци*, *-уцы* (Микуты, Драгуци, Подзегуцы); *-ели*, *-елы*, *-али* (Юрели, Варнакелы, Мяшкяли); *-али*, *-алы* (Ажубали, Гребалы); *-еши*, *-айши*, *-ойши* (Кемайши, Клайши, Войшни); *-ейги*, *-айги*, *-аги* (Бейги, Трайги, Ашкараги); *-икли*, *-укли* (Микли, Кукли); *-или*, *-илы* (Били, Ясвилы); *-ули*, *-юли* (Вежули, Радзюли); *-бли* (Жвирбли); *-ульги*, *-ильги* (Стульги, Шмильги); *-бши* (Трабши); *-арты*, *-орты* (Любарты, Вершторты); *-кеники* (Друскеники); *-иды*, *-ирды* (Буйвиды, Визгирды); *-са* (Опса, Войса).

К литовским принадлежат также названия населенных мест, оканчивающиеся на *-мша* (Кумша), *-си* (Вольси), *-ольни* (Ажукульни), *-уи* (Скуи), *-ейты* (Вилейты) и некоторые др.

Названиями с литовскими окончаниями насыщены смежные с Литвой или расположенные вблизи ее районы Гродненской, Минской и Витебской областей.

Следует отметить, что литовские окончания названий населенных мест во многих случаях приобрели ославя-

ненные формы, например *-ишки* вместо *-ишкес* в литовском звучании; *-яны* вместо *-ёны*; *-анцы* вместо *-он*, *-ион*; *-яты* вместо *-ёчай* и т. д. Это, конечно, не стерло их литовского происхождения. Последнее определяется не только окончаниями, но и корнями, в большинстве случаев также литовскими.

Археологический материал и данные топонимии мы привлекли лишь как одно из доказательств того, что древнейшее население известной части Белоруссии в далеком прошлом составляли литовцы.

Изучение этнической истории населения крайних северо-западных районов БССР, соседних с Литовской ССР, выявило не менее убедительные факты, свидетельствующие о том, что большинство населения этих районов является потомками обелорушенных литовцев.

Прежде всего было установлено такое важное для изучаемой нами проблемы обстоятельство, что в отдельных районах население обследованных деревень, состоящее из белорусов-католиков, в прошлом не знало унии.

Как известно, христианская религия стала распространяться среди восточных славян в период существования древнерусской народности в форме византийского православия. С образованием белорусской народности православие у нее сохранялось в качестве единственной господствующей религии почти до XVII в. Поэтому несомненно, что имеющиеся среди белорусов католики в прошлом (по крайней мере до XVII—XVIII вв.) также исповедовали православие и восприняли впоследствии католичество в результате насильственно навязанной унии.

Таким образом, предки современных белорусов-католиков неминуемо должны были знать унию, а до принятия ее быть православными. Поэтому обнаруженный

йами во время экспедиции 1954 г. факт отсутствия в прошлом унии в некоторых пунктах северо-западных районов Белоруссии¹ с католическим населением, говорящем на белорусском языке, позволяет предположить, что здесь произошел процесс обелоружения части соседнего литовского населения, среди которого, как известно, христианство было внедрено в форме католицизма.

Привлечение дополнительных источников подтвердило правильность предположения о том, что в северо-западной части нынешней Белоруссии было ославлено древнейшее в этих местах литовское население.

В некоторых деревнях Гродненского района (к северу и северо-востоку от Гродно) — в Гоже, Барбарицах, Цидовичах, Привалках, Дуброве, Свентоянске, Поречье, Салаце, Лихачах и других, население которых ныне говорит на белорусском языке, еще в конце первой половины XIX в. был распространен литовский язык. Свидетельство этому можно найти, например, в рукописи 1847 г. «Народные сказки, байки, песни и пословицы, собранные в Гродненском уезде»².

Обелоружение литовцев во многих деревнях устанавливается на основе данных переписей и официальных отчетов, позволяющих часто довольно точно датировать завершение процесса.

Так, в рукописном фонде акад. П. И. Кеппена, хранящемся в Архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде, среди статистических данных о национальном составе населения России имеются сведе-

¹ В Гродненском, Щучинском, Вороновском, Ошмянском, Поставском, Braslavском и других пограничных с Литвой районах Гродненской, Минской и Витебской областей.

² Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. I. Пг., 1914, стр. 442—443.

ний и о литовцах. Это списки литовских деревень некоторых уездов Гродненской и Виленской губерний на 1848 г., составленные местными властями на основе «8-й народной переписи душ». Согласно этим данным, в Гродненской губернии литовский язык употреблялся еще в 1848 г. в 2 селениях (местечках), 13 деревнях и 8 урочищах (застенках) Гродненского уезда и в 3 деревнях Слонимского уезда¹. В примечании к этим сведениям указано: «Все жители поименованных селений... говорят настоящим литовским наречием, исповедуют римско-католическую веру и принадлежат сословию крестьян»².

По Виленской губернии имеется длинный список деревень Лидского уезда, население которых еще в 1848 г. говорило между собой на литовском языке. Всего в Лидском уезде в 1848 г. жили 12 527 литовцев³. Однако уже в то время это население было дву- и трехъязычным.

В тех же материалах П. И. Кеппена имеются сведения за 1849 г. о шести деревнях Ошмянского уезда, в которых «употребляется не польско-русский, но настоящий литовский язык»⁴.

В отдельных пунктах этнографическая экспедиция 1954 г. обнаружила еще свежие следы сравнительно недавно завершенного процесса обелоружения местного литовского населения. Так, в южной части Браславского района Витебской области в деревнях Домашах, Римашах и Медынке-Домашевской старшее поколение сохранило память о своем литовском происхождении. Мужчины и женщины среднего возраста (40—50 лет)

¹ АГО, ф. 2, № 153, лл. 3, 9, 16; № 225, карточки.

² Там же, № 153, л. 16.

³ Там же, № 159, лл. 39—43.

⁴ Там же, ф. 2, № 34, л. 19.

рассказывали, что их родители говорили по-литовски, сами же они литовского языка уже не знают и целиком пользуются белорусским. Колхозник Рыгор Савицкий, 60 лет, из д. Домашей рассказывал: «Бацькі мае яшчэ па-літоўску гаварылі. Даўней усё па-літоўску; у Дамашах і асабліва ў Рымашах»¹.

Некоторая часть литовского населения до сих пор не утратила своего языка. Небольшие островки литовского населения среди сплошной массы белорусов сохранились в Вороновском районе Гродненской области, в его юго-восточной части, в деревнях Старые и Новые Друскеники, Пеляса, Дубинцы и Пелюнцы, в д. Белюнцы, на крайнем западе района, в Осовском сельсовете, на северо-востоке района. Небольшие группы литовцев живут в некоторых деревнях Островецкого района Гродненской области и в Браславском районе Витебской области.

Однако все это литовское население является преимущественно двуязычным: если оно и сохраняет в домашнем быту литовский язык, то для общения с соседями-белорусами пользуется белорусским.

Литовское население, обитавшее в северо-западных районах нынешней Белоруссии, помимо топонимии, остало свои следы также в антропонимии, в фамилиях. Среди преобладающих белорусских фамилий у белорусского католического населения северо-западных районов Белоруссии встречаются и несомненно литовские фамилии: Парулис, Бортис, Кодзис, Юрканис, Тэртэль, Юралайтис, Ясюкайтис, Жемла, Лукша, Повилойць, Андзюль, Мачель, Кирмель, Тиунель, Микшта и много других. Они зафиксированы в Гродненском, Вороновском, Ошмянском, Островецком, Поставском, Браслав-

¹ Полевые записи автора. Материалы этнографической экспедиции АН БССР 1954 г.

ском, Лидском, а также в Свислочском, Щучинском, Мостовском, Дятловском, Барановичском, Ляховичском, Докшицком, Слонимском, Новогрудском, Кореличском, Ивьевском, Столбцовском, Несвижском, Воложинском, Молодечненском, Вилейском, Сморгонском, Мядельском, Глубокском и других районах¹, достигая на юге Ружан и Ивацевич, на востоке Узды, Дзержинска, Логойска, на севере и северо-востоке Верхнедвинска, Освеи, Россон.

Литовские элементы обнаруживаются и в языке белорусского населения северо-западных районов БССР. Близость и сходство значительной части лексики балтийских и славянских языков общеизвестны. Это сходство распространяется так далеко, что во многих случаях трудно судить о том, имеем ли мы дело с заимствованием, взаимовлиянием или с древним родством этих двух ветвей большой индоевропейской семьи языков. В данном случае речь идет о некоторых литовских словах в белорусском языке населения смежных с Литвой районов, неизвестных или малоизвестных на остальной территории Белоруссии. К таким словам можно отнести такие, как прымен, прымень или прывен — сени (лит. priemė), пошар — корм для скота (лит. pašaras), склют — тесло (лит. skliutas), дойлід — строитель (лит. dailidė), гіль — овод (лит. gylys, arklinis gylys — конский овод) и др. Возможно, литовского происхождения и такие белорусские слова, как кубел (лит. kubilinkas — кадка); рупіцца (літ. rupestis, групесčiai — заботы); сёрбаць (лит. srebtī, sriuobtī, sriubčiotī); лупы (лит. ūpos); дзірван (лит. dirvonas); дрозга (лучина), свиран (клеть), аруд (закром), кумпяк (окорок), торп (скирда),

¹ В ономастической коллекции автора более 1700 литовских фамилий белорусов.

жлукта (кадка) и др. Слова эти могли сохраниться от языка ославяненных литовцев, но могли появиться в белорусском языке и в результате культурного общения двух соседних народов.

Мы не касаемся материальной и духовной культуры населения обелорушенных районов, где можно обнаружить литовские черты. Эти данные, как и материалы топонимии, антропонимии, литовской лексики и другие, могут служить лишь дополнительными, косвенными свидетельствами обелоружения литовского населения крайнего северо-запада Белоруссии. Исходными доказательствами литовского происхождения известной части современного белорусского населения мы считаем приводившиеся выше данные о распространении литовского языка в первой половине XIX в. в пределах отдельных уездов Гродненской и Виленской губерний и факт отсутствия в прошлом унии среди части белорусского католического населения.

Последнее означает, что предки данного населения восприняли христианскую религию уже с самого начала в форме католицизма. В таком случае предками белорусского католического населения на нынешней территории его наиболее компактного расселения могли быть только литовцы, которые в 1387 г. при Ягайле (1377—1392) были обращены в католическую веру. В своей грамоте 1387 г. Ягайло объявил о принудительном обращении в католичество «всех природных литовцев обоего пола»¹.

Рассматриваемый вопрос имеет непосредственное отношение к проблеме этногенеза белорусов, в частности к формированию и развитию территории белорусской

¹ Цит. по сб. «Христианское чтение», ч. II. СПб, 1851, стр. 177.

народности, выяснению роли иноязычных этнических элементов в белорусском этногенезе и т. п.

Однако точно определить область расселения белорусского католического населения, не знавшего в прошлом унии, дело весьма сложное. В обследованных экспедицией 1954 г. районах фиксировались деревни с белорусским католическим населением, у которого отсутствуют предания об унии, а устная традиция, наоборот, говорит о католичестве как исконной вере предков местных жителей. Эти данные хотя и должны быть учтены, однако они не могут служить вполне надежным основанием для выяснения, знало ли население данного пункта в прошлом унию, так как в отдельных местах память об унии могла уже стереться. Здесь могут помочь сведения о размещении униатских приходов. Такие, данные, к сожалению, не по всем северо-западным районам нынешней Белоруссии обнаружены в документах Архива униатских митрополитов, частично опубликованных. Документы, относящиеся к управлению униатской церковью, содержат данные о размещении униатских парafий (приходов) по деканатам или по уездам, которые дают возможность определить, во-первых, районы с исконным православным, то есть белорусским, населением, поскольку к принятию унии принуждались, разумеется, только православные; во-вторых, районы с исконным католическим, то есть литовским, населением. Последние выявляются на основании того, что в этих районах униатских приходов не было, а католические костелы появились в них задолго до Брестской унии 1596 г.

По интересующей нас территории северо-запада Белоруссии мы располагаем сведениями о размещении униатских парafий в Гродненском, Лидском, Ошмянском, Вилейском и Дзисненском уездах. Эти данные

содержатся в опубликованных копиях метрических книг Брестской и Луцкой униатских ёпархий за 1697—1801 гг. «о родившихся, бракосочетавшихся и умерших»¹.

Если данные о размещении униатских приходов на нести на карту современного административно-территориального деления БССР, то окажется, что униатских приходов не существовало в северной половине Гродненского (к северу от г. Гродно) и северной части Щучинского районов, в Вороновском районе, в западной и северо-западной части Лидского, северной половине Ивьевского районов и в Ошмянском районе (за исключением его крайней юго-восточной части) Гродненской области.

Отсутствие в прошлом униатских приходов в названных районах подтверждает также устная традиция. По словам белорусов-католиков этих же мест, их предки не знали уния, а исповедовали католическую веру «спрад-веку».

Следуя дальше на север, вдоль границы с Литовской ССР, в пределах б. Виленского, Вилейского, Свенцянского и Дзисненского уездов Виленской губернии и б. Ново-Александровского уезда Ковенской губернии, униатские приходы в ряде мест ближе примыкали к нынешней границе Литовской ССР, существовали в городах Поставы, Браславе и в самой Вильне.

В Вилейском и Дзисненском уездах, по данным архива западно-русских униатских митрополитов конца XVII—XVIII в. и по утверждению местного населения, унии не знали во всем Островецком районе (на территории района не было ни одной православной церкви) и в западных половинах нынешних Поставского и Браслав-

¹ Описание документов Архива западно-русских униатских митрополитов, т. II. СПб, 1907, стр. 1213—1214, 1230, 1240—1241, 1206—1210, 1214—1220.

ского районов. Однако и во многих местах, в которых существовали униатские приходы, вместе с белорусами-православными жили также литовцы-католики, впоследствии обелорушенные.

Районы, население которых не знало в прошлом унии, а было католическим с момента насаждения христианства и поэтому литовским по своей этнической принадлежности, выясняются также по данным о времени появления на этой территории католических костелов.

Там, где не было униатских приходов, костелы появились задолго до Брестской унии. Первые сведения о костелах и кляшторах (католических монастырях) в княжестве Литовском относятся ко времени Миндовга (30-е годы XIII в.— 1263 г.). В 1366 г. при Ольгерде (1345—1377) францисканскими монахами был основан кляштор в г. Лиде¹. Это были пока лишь единичные очаги католицизма среди сплошной массы литовцев-язычников.

Интенсивное строительство костелов в княжестве Литовском начинается с конца XIV в. после насильственного обращения литовцев в католичество преемником Ольгерда, его сыном Ягайло. В 1387 г. он насильно крестил до 30 тысяч литовцев и построил костел св. Станислава в Вильне, а позднее несколько костелов в других селениях княжества: в Мяркине (Меречи), Креве, Майшягale, в Таурагинах и др.² Еще больше костелов и кляшторов для упрочения католической веры среди новообращенных литовцев было построено при Витовте (1392—1430): в Браславе, Вижуонах, Шальчинниках,

¹ П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб, 1890, стр. 92.

² Там же, стр. 89—92.

Даугах, Гедрайчях, Липнишках, Мяркине, Вишневе, Ошмянах и т. д.¹

В населенных пунктах, обследованных экспедицией 1954 г., костелы в большинстве случаев также были построены задолго до Брестской унии. Это свидетельствует о том, что население там еще до унии было католическое. Например, в д. Гожа (ныне Гродненского района) первый костел был построен около 1490 г.², в д. Новый двор (ныне Шучинского района) — в 1503 г.³, в Жирмунах (Вороновский район) костел впервые упоминается с 1522 г.⁴

Феодалы, ранее других принявшие католичество, строили в своих поместьях костелы, насаждая новую веру. В 1452 г. был построен костел в Свири, в 1463 г.— в Кобыльнике (ныне Мядельского района Минской области)⁵. Автор краткого исторического очерка Свири отмечает, что жители Свири и ее околиц были обращены в католичество в конце XIV в.; до этого православных в Свири и в близких селениях не было⁶. Население Свири и ее окрестностей — «исключительно католическое, польское, употребляющее в ежедневном обиходе белорусское наречие»⁷.

¹ П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб, стр. 108.

² J. Łukaszewicz. Matka boska pocieszenia w Hozy. Wilno, 1931, стр. 5; см. также П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Примеч., стр. 12.

³ П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Примеч., стр. 12.

⁴ X. Fl. Niewiera. Historia kościoła parafialnego w Żugminach. Lida, 1939, стр. 5.

⁵ Ks. J. Żamejć. Świr i kościół świrski. Krótka historia. 1930, стр. 7—12.

⁶ Там же, стр. 11—12.

⁷ Там же, стр. 6.

Задолго до Брестской унии местными панами были построены костелы и во многих других местах: в Мяделе, Лынтупах, Быстрице, Ворнянах, Медниках, в гг. Видзы, Браславе, Поставах, Гальшанах в конце XVI в.¹, Островце² и других местах.

После Брестской унии 1596 г. началось усиленное строительство костелов не только в местах с католическим населением, но и в полосе сплошного православного населения. Это было развернутое наступление шляхетско-католической реакции на жизненные интересы белорусского народа. Путем окатоличения и денационализации белорусов польские магнаты стремились усилить феодальную эксплуатацию крестьян и угнетение городских ремесленников.

Материалы о размещении униатских приходов и о местах появления первых костелов в XV — первой половине XVI в. позволяют приблизительно очертить область расселения белорусов-католиков, по всем признакам являющихся потомками ославленных литовцев. В виде полосы различной ширины она включает районы, примыкающие к Литовской ССР почти на всем протяжении ее границы с БССР (в направлении с запада на северо-восток): от д. Марковцы на западе Гродненского района к г. Гродно, севернее его и д. Верцелишки, севернее д. Озера и западнее д. Бершты Щучинского района. Далее эта линия идет по границе с Литовской ССР до Вороновского района, направляясь на юг и юго-восток по границе Вороновского и Щучинского районов, затем поворачивает на восток и проходит севернее д. Ваверки

¹ П. Н. Батюшков. Белоруссия и Литва. Примеч., стр. 11—12.

² Catalogus ecclesiarum et cleri archidiocesic Vilnensis. Vilnae, 1933, стр. 119.

Лидского района, севернее г. Лиды и следует вдоль железной дороги Лида — Молодечно до ст. Юратишки, поворачивает на север, проходя западнее д. Трабы Ивьевского района. От д. Трабы линия направляется на северо-восток, проходя западнее г. Сморгони, и далее на север, восточнее городского поселка Свири, здесь линия поворачивает на восток, проходя южнее д. Шеметово Мицельского района, направляясь вновь на север вдоль западного берега оз. Нарочь, западнее г. Поставы, восточнее д. Милашки Браславского района, восточнее г. Браслава, доходя до Западной Двины восточнее гор. пос. Друи Браславского района.

Таким образом, полоса наиболее компактного расселения белорусского старокатолического населения, являющегося потомками обелорушенных литовцев, включает в себя следующие районы БССР или их части: северную половину Гродненского, северо-западную окраину Щучинского, всю территорию Вороновского районов¹, северо-западную часть Лидского, северную половину Ивьевского районов, почти весь Ошмянский район, за исключением его юго-восточного угла, всю территорию Островецкого, северо-западную часть Сморгонского, западную половину Поставского и западную половину Браславского районов.

Однако очерченной полосой территория обелорушенных литовцев не ограничивается. Она продолжается на

¹ Между Гродненским и Вороновским районами вклинивается полоса, по-видимому, более древней восточнославянской колонизации. Это подтверждается наличием здесь (в деревнях Бершты, Матыли, Скарбы, Собакенцы и др.) белорусского православного населения, знавшего в прошлом унию (Собакенский униатский приход), и топонимией. К д. Матыли с запада и северо-запада примыкает заболоченный массив Горячий Бор, который через р. Котру на литовской стороне переходит в Русскую Пущу.

нынешней территории Литовской ССР, узкой полосой простираясь почти вдоль всей ее границы с Белорусской ССР, значительно расширяясь со стороны Ошмянского и Островецкого районов, и исчезает по соседству с частью Поставского района. Далее на север зона расселения обелорущенных литовцев продолжается узкой полосой вдоль границы с Браславским районом БССР и переходит в юго-восточную часть Даугавпилсского и южную часть Краславского районов Латвийской ССР.

Очерченная нами восточная граница расселения ста-рокатолического белорусского населения, являющегося потомками обелорущенных литовцев, в значительной части совпадает с границей компактного литовского населения, устанавливаемой Г. Ловмяньским для XIII в. (по линии Браславские озера — оз. Свирь — Трабы — Меречь — Эйшишки). В то же время определяемая нами полоса расселения обелорущенных литовцев на некоторых ее участках значительно уже территории распространения названий населенных мест на *-шки* и названий с другими литовскими окончаниями.

Совпадение границы современного расселения белорусов-католиков с границей компактного литовского населения, устанавливаемой для XIII в., свидетельствует о том, что на этой территории процесс славянизации начался значительно позднее, чем на остальной территории распространения литовской топонимии. В более восточные районы, где встречаются названия населенных мест, оканчивающиеся на *-шки*, и другие названия литовского происхождения в сторону Миор, Шарковщины, Щучина восточнославянская колонизация проникла намного ранее. Тот факт, что католическое население этих мест в прошлом знало унию, может свидетельствовать о том, что после крещения Руси и распространения христиан-

ства древнее литовское население могло быть здесь ославлено и принять православие вместе с остальной массой древнерусской народности.

Колонизационное движение восточных славян в земли литовских племен, а вместе с ним и славянизация литовцев шли в двух направлениях — с северо-востока, со стороны полоцких кривичей, и с юга и юго-востока, со стороны дреговичей при участии южноволынских элементов.

Какие же этнические подразделения литовцев или их племенные группы оказались в сфере непосредственного влияния восточных славян и были ими ассимилированы.

Северная половина очерченной зоны белорусского старокатолического населения (по линии Ошмяны—Браслав) в древности, несомненно, входила в состав земель собственно литвы или аукштайтов. Сюда было направлено колонизационное движение западнодвинских полочан. Со стороны полочан, таким образом, славянизации подверглась часть соседних аукштайтов.

Более сложным представляется вопрос о племенной принадлежности предков обелорущенных литовцев южной части занимаемой ими территории (по линии Ошмяны — Гродно). Имеются некоторые основания предположить, что в полосе Гродно—Ошмяны и южнее, в бассейне верхнего Немана и его правых притоков, жила часть древнего балтского племени ятвягов, его восточная ветвь, известная там в прошлом также под названиями дайнавы и гудов. На эту мысль наводит прежде всего анализ некоторых этнонимов.

Известно, что литовцы называют соседей-белорусов гудами, гудасами (*gudas*), гудай (*gudai*). Однако эти названия больше употребительны в отношении белорусов, живущих на литовской границе в Гродненском,

Щучинском, Вороновском, Лидском, Ошмянском и других районах.

В районе Друскининкай «заняманскія ліцьвінэ», то есть литовцы, живущие по левому берегу Немана, называют гудами также своих соплеменников литовцев с правобережья Немана. В то же время белорусы Поставского района называют соседнюю территорию, населенную литовцами (клип к северо-востоку от Швенчёниса), — Гадуцеўшчына. Литовцы б. Восточной Пруссии называли жителей территории, расположенной к юго-востоку, то есть древней Жудвы, независимо от того, литовцы ли они, поляки или белорусы, — гудами¹. Из этого следует, что этноним «гуды» относится не только к белорусам пограничных районов, являющимся преимущественно обелорушенными литовцами, но и к известной части собственно литовцев. Естественно, возникает вопрос: не принадлежал ли этноним *gudai* какой-то местной группе древних балтов. Некоторые данные позволяют предполагать, что этноним *gudai* был одним из древних названий ятвягов. Некоторые из этих названий сближаются с *gudai*, *gudas*. Так, если русская летопись называет ятвягов — ятвеze, польские письменные источники — *jačwezi*, *jačwing*, а немецкие — *Jetwesen*, то в других польских и немецких памятниках ятвяги упоминаются под названием *sudwy* или *sudziny* (польск.), *Sudovita*, *Sudus*, *Sudiny* (нем.). Землю, которую занимали ятвяги к северо-западу от Гродно, поляки называли Судавией или Жудвой, а папы в своих буллах называли ятвягов *gotveziai*. Нельзя не видеть близости между наименованиями «судавы» — «зудус» — «жудва» — «готвези» и «гудай» — «гудас».

¹ J. Sembrzycki. Ziemie północne i zachodnie kraju żudwińskiego i ich granice. «Wisła». Warszawa, 1891, t. V, № 4, стр. 852.

Древние гуды-ятвяги оставили следы в названиях населенных мест, встречающихся главным образом в бассейне верхнего Немана и его правых притоков. Здесь до сих пор сохранились названия деревень с корнем «гуд»: Гуды в Лидском и Воложинском районах, Гудзели в Столбцовском и Вороновском районах, Гудовщина в Браславском, Вилейском и Ошмянском районах, Гудевичи в Волковысском районе, Гудагай и Годзилуны в Островецком районе, Гудзеняты в Ивьевском районе, Гудзино в Слуцком районе, Гудзи около Медников (в Литве, на границе с Ошмянским районом) и др. В этих же местах встречаются и фамилии Гуд, Гудач, Гудович, Гудинович, Гудзель, Гудзень, Гудзения, Гудаль, Гудзис, Гудовский и др.

Все эти названия могут свидетельствовать лишь о том, что ряд ятвяжских селений возник на территории современной Белоруссии значительно восточнее основной области ятвягов — Судавии или Жудвы, находившейся к северо-западу от Гродно.

Древняя область верхненеманских ятвягов совпадает с литовской областью, позднее известной под названием Деновы или Дайновы, которая, как видно из грамоты Миндовга 1259 г., еще в то время иногда называлась Яцвезин: «*Denova tota, quam etiam quidem jacvesin vocant*». («Всей Деновы, которую все еще называют ятвяжской»)¹. В русской летописи упоминается область Дойнова Ятвеж, которой управлял литовский князь Тройден², а историк и этнограф Литвы Э. А. Вольтер говорит о «судаводейновских литовцах, обитающих уезды: Трокский, Лидский и Ошмянский Виленской губер-

¹ Preussisches Urkundenbuch, II, 1909, стр. 70.

² ПСРЛ, т. XVII, стр. 237.

нии, Кальварийский, Сейнский и Мариампольский Сувалкской губернии»¹.

Литовская область Дайнова находилась между Неманом и Вилией, по правым притокам Немана — Гавье (с рекой Жижма), Дитве и Меречанке (Меркис), в пределах позднейших уездов Лидского, Ошмянского и южной части Виленского и, возможно, Вилейского².

На этой территории или вблизи нее имеются населенные пункты, сохранившие как областное название Дайновы, так и древние племенные этнонимы — ятвяги, гуды. Такие названия населенных мест встречаются в области древней Деновы и вблизи нее: Ятвек — на западе Лидского района, Ятвэзь — в Дятловском районе, Ядзьвины и Ятвиль — к северо-востоку и к западу от Несвижа, Ятвиль — к югу от Новогрудка и др. Эти топонимические данные показывают, как далеко на северо-восток простирались поселения ятвягов.

Областное название Дайновы, именовавшейся в древности Ятвезин, также сохранили многие населенные пункты: Дайнова — на северо-западе Ивьевского района, Дайновка — на юго-востоке Вороновского района, Дайнуква — на западе Лидского района, Дайнавка — на западе Ошмянского района и рядом с ней Дайново — в Литве, Дайново — к западу от Ивенца, Дайнишки — на р. Сольче, в б. Вилейском уезде, Большое Дайново и Малая Дайновка — к северу от Воложина, Дойне — в Швенчёнском районе (Литва) и др.

¹ Э. А. Вольтер. Предварительный отчет о поездках по Литве и Жмуди в 1884, 1885, 1886 и 1887 гг. АГО, разр. 49, оп. 1, № 26, л. 1.

² Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 237.

Не менее 15 деревень с названиями на *-дайнава* выявлено в соседних с Белоруссией районах Литвы — в б. уездах Лаздияй, Варена, Вильнюс, Тракай, а также Каунас и Укмергे¹.

Важно отметить, что именно в местах распространения населенных пунктов, сохранивших областное название Деновы, в нынешних Лидском, Вороновском, Ошмянском, Столбцовском, Воложинском районах БССР и соседних районах Литвы, находится и большинство населенных мест, сохранивших одно из древних племенных названий ятвягов — *gudai*. Это служит подтверждением тому, что историческую область Денову (Яцвэзин) населяла восточная ветвь ятвягов, часть которой впоследствии была ославянена, а другая часть слилась с собственно литвой — аукштайтами.

Ян Отрембский считает Дайнаву названием одного из ятвяжских племен, связанным с одноименной ятвяжской областью XIII в., и резонно предполагает, что известные Литве и Белоруссии населенные пункты с подобными же названиями «были основаны по крайней мере отчасти выходцами из этой именно области»².

Кроме данных этно- и топонимии о ятвяжском населении древней Деновы (Яцвэзин) свидетельствуют и некоторые археологические памятники, в частности, так называемые каменные могилы. Такие могилы в значительном количестве были выявлены по Неману и особенно по Западному Бугу.

Ф. Д. Гуревич в свое время считала, что все эти древние могильные памятники первого тысячелетия н. э.

¹ Ян Отрембский. *Dainavá* — название одного из ятвяжских племен. «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963, стр. 3.

² Там же, стр. 3.

«могут оказаться ятвяжскими и помочь определению коренной ятвяжской территории»¹. Однако позднее Ф. Д. Гуревич согласилась с мнением польского историка Каминьского, локализующего земли ятвягов только на северо-востоке Польши и юго-западе Литвы и считающего, что Верхнее Понеманье не входило в состав ятвяжской территории².

Мы все же полагаем, что после обзора этно- и топонимического материала, относящегося к области Деновы (Дайнавы), о принадлежности каменных могил в районе Нача — Эйшишкес ятвягам можно говорить с большей уверенностью.

Принадлежность каменных курганов Понеманья ятвягам признает археолог В. В. Седов, посвятивший ятвяжским могилам специальное исследование³. Это мнение разделяет и Ю. В. Кухаренко⁴.

Локализация основных территорий ятвяжского племенного союза в пределах северо-востока нынешней Польши и юго-запада Литвы, доказанная многими историко-археологическими исследованиями, не исключает возможности появления ятвяжских поселений и в других местах, в частности в Верхнем Понеманье. Походы русских и польских князей на ятвягов, а затем нависшая опасность со стороны Тевтонского ордена заставляли ятвягов в разное время переселяться в Литву и Русь.

Имеются все основания полагать, что в южной полови-

¹ Ф. Д. Гуревич. К вопросу об археологических памятниках летописных ятвягов. Краткие сообщения ИИМК, XXXIII, 1950, стр. 120.

² A. Kamiński. Jaćwież. Territorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne. Łódź, 1963, карта 2; Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья, стр. 71.

³ «Советская археология», 1964, № 4, стр. 36—51.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Древнее Полесье, стр. 21.

не зоны белорусского старокатолического населения (по линии Ошмяны — Гродно) в XII—XIII вв. существовали селения восточной ветви ятвягов-дайнавы или гудов. В основном дреговичи сыграли большую роль в славянизации как ятвягов в целом, так и восточной их ветви.

Следовательно, в процесс белорусского этногенеза была вовлечена часть соседнего литовского населения: литовские племенные элементы, подвергшиеся славянизации еще до образования древнерусской народности и в период ее существования, и литовцы, обелорушенные в период формирования и развития белорусской народности.

Таким образом, установленный факт, что среди белорусов имеется значительная группа старокатолического населения, не знавшего в прошлом унии и ведущего происхождение от обелорушенных литовцев, вызывает необходимость пересмотра вопроса о происхождении белорусов-католиков. Число белорусов, принявших католичество в результате насильственно навязанной унии, оказывается не столь большим, как предполагалось до сих пор. Это свидетельствует об огромной силе сопротивления белорусского народа, проявленной им в борьбе с шляхетско-католической агрессией за национальную независимость.

Помимо литовцев, в этнической истории белорусов известную роль играли и другие племена и народности, в первую очередь народности — русская, украинская, а также польская и проч. Место каждой из этих народностей в этническом развитии белорусов представляет собой предмет особого исследования. Здесь же мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями.

С братским русским народом, как и с украинским, белорусов роднит общность происхождения от единого

этнического корня — древнерусской народности, сходство исторических судеб, культурная, языковая и территориальная близость. Непрерываемые связи с русским народом оказали заметное влияние на быт, культуру, язык белорусской народности. В Белоруссии существовало немало поселений русских (великоруссов), возникших в разное время, особенно после войны России с Речью Посполитой 1654—1667 гг., и в конце XVII—XVIII вв. в связи с преследованием в Русском государстве старообрядцев, разных ересей и вольнодумцев.

То же можно сказать об украинцах. Не говоря уже о продвижениях южнорусских племенных элементов, особенно волынян, а также древлян на юг Белоруссии, возникали поселения и позднейших выходцев из Волыни XVII—XVIII вв. и других мест Украины. Оседали здесь и казаки-черкасы.

Весьма тесные связи на протяжении всей истории белорусской народности были с поляками. Рано начала возникать польская колонизация в Белоруссии. Уже в XII в. ляшское население стало проникать в так называемое Подляшье и оседать там¹. Несколько усилилась польская колонизация после Люблинской унии 1569 г. Переселения из Польши нашли некоторое отражение в группе топонимов (около 60), известных в разных местах Белоруссии и сохранивших обобщенный этноним ляхов, а также этнонимы мазуров, слензаков и других этнографических подразделений поляков (Ляхавічы, Ляхава, Мазуры, Слянзакі, Қашубінцы и др.).

В исконном добрососедстве и постоянных экономических и культурных взаимосвязях белорусы находились с латышами. Известны контакты восточных славян как

¹ K. Musiałowicz. Przyczynki do osadnictwa Mazowieckiego na Podlasiu w XII—XIII wieku. «Światowit», XXI. Warszawa, 1955.

с древними латышскими племенами (летьгола, зимигола и др.), так и факты позднейших переселений латышей в Белоруссию в XIX—XX вв.¹

На протяжении многих веков происходило взаимообщение белорусов с пришлыми народностями — евреями, татарами, цыганами,— также проявившееся в известном взаимовлиянии в области хозяйственной деятельности, культуры и языка. В некоторых случаях пришлые этнические группы в процессе их исторического развития на белорусской земле были постепенно ассимилированы коренной белорусской народностью.

Одним из таких примеров могут служить взаимоотношения белорусов со сравнительно небольшой группой тюркского населения Белоруссии — татарами. Исторически сложившиеся связи населения Белоруссии с тюрками своими корнями уходят в глубокую древность. Уже в первой половине XIII в. татары появились на юге Белоруссии. Опустошительные набеги татар и битвы с ними продолжались в Белоруссии и в течение XIV—XVI вв. Однако в истории Белоруссии и белорусской народности татары известны не только своими разбойными набегами. В составе литовско-русских войск Витовта татары участвовали в разгроме немецких рыцарей во время Грюнвальдской битвы 1410 г. В середине XVII в. крымские татары неоднократно выступали на стороне казачества против польских магнатов². Татар можно было видеть и в противостоящем лагере. Вооруженные отряды татар использовались польскими магнатами для борьбы с казачеством.

¹ О латышах-переселенцах см.: К. Шкільтэр. Латышскія колоніі на Беларусі. Гістарычнае развіццё латышскіх сялянскіх гаспадарак. Мінск, 1931.

² Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III. СПб, 1862, стр. 283, 240.

вом, для подавления антифеодальных выступлений белорусского крестьянства.

Однако для нас представляет интерес та часть татар, которая осела на жительство в Белоруссии и на протяжении столетий находилась в постоянном контакте и взаимообщении с коренным белорусским населением.

Первые достоверные сведения о татарских поселениях на территории Белоруссии относятся к XV в.¹ Ряд татарских колоний, главным образом в центральной и западной частях Белоруссии, возник при Витовте (1392—1430). Поселение татар шло как за счет военнопленных, так и за счет нанятых на военную службу. От них идет происхождение белорусских татар и устное предание, сохранившееся среди современного татарского и белорусского населения.

Житель пос. Мир Кореличского района татарин Ибрагим Мустафович Карицкий, 1895 г. рождения, рассказал нам: «Гавораць, што была вайна, кароль польскі аставіў пленных татар... Дазволіў ім жаніща на кім хоцеў... Вот жана і дзеци гавораць па-польску, а ён па-татарску, і пацяралі язык свой. А ўжо багумалённе асталося на арабскім»².

Относительно компактные группы татар поселились главным образом в белорусских городах и местечках — Минске, Новогрудке, Мире, Клецке, Кореличах, Ивье, Ляховичах, Узде, Копыле, Койданове, Ошмянах, Вишнёве, Видзах, Острине, Скиделе, Смиловичах, а также в некоторых деревнях — Кимейши Лидского района, Некра-

¹ А. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Одесса, 1902. См. также В. Вольский. Татарь на Беларуси. «Наш край», 1927, № 4, стр. 25—29; S. Skryczyński. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etynograficznej. «Rocznik Tatarski», III. Wilno, 1938.

² Запись автора. Январь 1965 г.

шунцы и Пожижма Вороновского района, Сандиковіцькá Щучинского района, Долбучки Сморгонского района, Жердели Поставского района, Орда Клецкого района и в некоторых других местах.

В окружении коренного белорусского населения, живя в мирном и добром соседстве с ним, белорусские татары постепенно восприняли язык и многие черты материального быта и культуры белорусского народа.

Уже от XVI—XVII вв. дошли оригинальные литературные памятники белорусских татар, так называемые Альkitабы или Ай-китабы (священные книги), писаные на белорусском языке арабской вязью.

Во внешнем быту белорусских татар много черт, присущих быту коренного населения Белоруссии. Это заметно и в жилище, и в домашней утвари, и в одежде, и в пище, и в названиях предметов материальной культуры.

От белорусов татары переняли и ряд обрядов, произведения устного народного творчества. Свадебная церемония татар мало чем отличалась от свадебной обрядности белорусов, за исключением обряда венчания, который совершался по мусульманскому ритуалу. На свадьбе пели исключительно белорусские «вясельныя» песни, совершили традиционный белорусский обряд посада невесты на квашню, при этом пели:

Паляцелі гусанькі цераз сад,
Пасадзілі (Зулімú) на пасад...

Свадьба татар не обходилась без белорусского кара-
вайного обряда, обычная посыпания молодых зерном
и т. п.¹

¹ Из записей автора 1965 г. в гор. пос. Мир Гродненской области. См. также В. Вольский. Беларускія элементы ў бытавой абраднасці літоўскіх татар. «Наш край», 1929, № 8—9.

Почти у всех белорусских татар белорусские фамилии (Александрович, Багданович, Канапацкі, Крыніцкі, Тамашэвіч, Якубовіч и т. п.). Изредка встречаются фамилии на тюркской основе, но в том же белорусском антропонимическом оформлении: Мількамановіч, Байрашэвіч, Мухлінскі и др.¹

Почти целиком ассимилированные белорусами татары Белоруссии сохранили до недавнего времени лишь религию своих предков — ислам (суннитского направления), связанные с мусульманским культом праздники и обряды (погребальный), арабский язык богослужения, некоторые особенности в хозяйственной деятельности и материальной культуре.

Многовековые связи белорусов с татарами привели естественно и к некоторым обратным культурно-языковым влияниям. В белорусском языке известны небольшие тюркские лексические заимствования². Они пришли не только из непосредственного общения с татарами, но и через русский, украинский, польский языки. Некоторые тюркские слова могли прийти вместе с отдельными культурными заимствованиями, например саман, халва, возможно, арба, бурнос. В топонимии Белоруссии татары оставили свой след в названиях ряда селений, городских улиц и слобод, а также уроцищ, мест древних побоищ, водоемов: Татарка, Татаршчына, Татар'я, Татарскія, Татарская Слабада, Туркаўшчына, Туркі, Турчына, Койданава, Мамаі, Арда, Ардашы, Аскерына и др. В большей степени тюркские элементы оказались на части белорус-

¹ Из ономастической коллекции автора. См. также. S. Dziediewicz. Herbarz rodzin Tatarskich w Polsce. Wilno, 1929.

² См.: Е. Ф. Карский. Белорусы. Введение, стр. 174—178; В. Вольский. Цюрка-татарскія элементы ў беларускай мове. «Узвышша», 1929, № 6.

ской антропонимии — на некоторых фамилиях, возникших главным образом из бывших кличек-прозваний: Татарын, Татар, Татарчук, Татаронак, Татарчык, Татарынаў, Татарэнка; Турак, Турчын, Турчыновіч; Аскерка, Басалай, Батый, Бахмат, Курбан, Махамет, Кардаш, Арда, Мамай, Мамаеў и др.¹

Все это свидетельствует о давних контактах и взаимосвязях белорусов с татарами.

¹ М. Я. Гринблат. Тюркские элементы в белорусской антропо- и топонимии. В кн.: «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР». (Тезисы докладов). Баку, 1965, стр. 197.

Некоторые черты общности в культуре восточных славян

Культура каждого из трех восточнославянских народов отличается своим самобытным характером, национальным своеобразием, но в то же время ей свойственны многие черты общности. Эта культурная общность имеет глубокие исторические корни. Она родилась еще среди близкородственных восточнославянских племен, сложилась и укрепилась в недрах единой древнерусской народности, поддерживалась, развивалась и закалялась в последующие века истории благодаря непрекращавшимся взаимосвязям и дружбе уже отдельных братских народов.

Древнерусская народность сумела создать относительную общность языка, территории, экономической жизни и культуры восточных славян. Русские, белорусы и украинцы «сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание близости своей судьбы»¹. Исторический путь восточнославянских народов способствовал сближению их культур.

¹ Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией. Одобрены ЦК КПСС. М., 1954, стр. 5.

К образованию культурной общности в период формирования и существования древнерусской народности приводило постепенное стирание местных племенных особенностей. Это можно видеть, например, в погребальных обрядах восточнославянских племен. Уже приблизительно к X в. некоторые группы погребальных памятников восточных славян теряют свои местные племенные признаки и приобретают черты, общие для нескольких областей или для всей территории восточных славян. Общность проявилась тогда и в других отраслях культуры.

Уже у древних восточнославянских племен русская летопись отмечает заметную языковую общность: «Се ботокмо словенеск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородцы, полочане, дреговичи, север, бужане...»¹

В результате консолидации славянских племен и образования единой древнерусской народности ее языковая общность, естественно, значительно расширилась и укрепилась. В Киевской Руси уже существовал общий древнерусский язык. Об этом свидетельствуют памятники древнерусской письменности, которые были, по-видимому, одинаково понятны на всем большом пространстве Киевской Руси.

Известная общность культуры древнерусской народности, сложившаяся на основе относительной экономической, территориальной и языковой общности, проявилась также в разных областях искусства, например, в архитектуре храмов Киева, Чернигова, Гродно, Полоцка, Новгорода и других древних русских городов. При наличии отдельных черт местных «стилей» архитектура Древней Руси выделялась явным единством, общими

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 13.

характерными особенностями. Это единство сложилось в итоге усиления культурных связей, происходившего в Киевской Руси прежде всего с ростом и развитием городов, ремесла и торговли. В то время «опыт смоленских и полоцких зодчих используют новгородские и псковские строители, галичские мастера работают во Владимире на Клязьме, смольяне — в Киеве и Чернигове»¹.

В период Киевской Руси сложилась также значительная общность в области устной поэзии, обрядов и обычаяв восточных славян. Именно в то время уже утвердились жанры и многие черты фольклора, которые в качестве общего культурного наследия перешли в поэтическое творчество сформировавшихся отдельных восточнославянских народов.

Многие жанры фольклора Киевской Руси генетически были связаны с более ранней устной поэзией древних восточнославянских племен. Эта связь через столетия еще в известной мере проявлялась в таких традиционных фольклорных жанрах, как обрядовая поэзия и заговоры, во многих своих чертах, общих для белорусского, русского и украинского фольклора.

Можно представить, какого единства достигла устная поэзия Киевской Руси, если еще в XIX в., пронеся через столетия обособленной жизни и суровые испытания истории, фольклорные произведения удержали многие древние черты общности трех великих народов восточного славянства.

Общность проявилась в отчетливом единстве или сходстве многих других явлений материальной и духовной культуры древнерусской народности и сказывалась позд-

¹ Н. Н. Воронин и М. А. Тиханова. Пути развития русской культуры X—XIII вв. В кн.: «История культуры древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 518.

нее в культуре самостоятельных восточнославянских народностей.

В образовании культурной общности у родственных или соседних народов определяющими, безусловно, являются социально-экономические факторы, общие для этих народов. Прежде всего общность культуры вытекает из одинаковых условий материального производства. Известно, что среди факторов, обусловивших переход восточнославянских племенных групп от первобытнообщинного строя к феодализму и способствовавших образованию единой древнерусской народности, важнейшую роль сыграл уровень развития производительных сил, который был достигнут восточными славянами к IX в., в первую очередь уровень развития земледелия и землеобрабатывющей техники, а также добычи и обработки металлов.

Восточнославянские народы — исконные земледельцы. Земледелие с самых ранних этапов истории восточных славян служило основой их хозяйственной деятельности, важнейшим источником их существования и благополучия. Это положение, которое выдвинули еще Н. М. Карамзин¹, а позднее С. М. Соловьев² и некоторые другие видные дворянские и буржуазные историки России, а также известные чешские историки-слависты П. Шафарик³, Л. Нидерле⁴, нашло свое подтверждение и глубокое обоснование в трудах советских исследователей истории Древней Руси. Советские ученые решительно отвергли

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб, 1892, стр. 43—44.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, I—V. СПб, (без г.), стр. 244.

³ П. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. I. М., 1848, стр. 413—420.

⁴ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 308—321.

утверждения В. О. Ключевского¹, М. В. Довнар-Запольского², Н. А. Рожкова³ и других историков, которые считали основными отраслями хозяйства древних восточных славян охоту и рыболовство, а земледелию отводили второстепенную, вспомогательную роль.

Земледелие — одно из наиболее древних хозяйственных занятий человека на преобладающей части Восточной Европы. На территории расселения восточных славян оно существовало задолго до того, как население этих областей можно назвать славянским. Археологические данные свидетельствуют, что, например, на лесовых почвах Днепровского Правобережья земледелие как основа хозяйства существовало уже за 3 тысячи лет до Киевской Руси. Уже во II—IV вв. н. э., за несколько столетий до образования Древнерусского государства, во всей лесостепи был хорошо известен плуг с резаком⁴.

Значительный вклад в исследование вопроса о земледелии у древних славян внес акад. Б. Д. Греков. Уже в монографии «Киевская Русь», в которой сельскому хозяйству и сельскохозяйственной технике посвящены специальные разделы, он пришел к выводу, что «земледелие есть основное занятие наших предков, во всяком случае, в период, непосредственно предшествующий образованию Киевского государства»⁵, и что уже в те времена на землях восточных славян «перед нами общество, производст-

¹ В. О. Ключевский. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919, стр. 11.

² М. В. Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства. Киев, 1911, стр. 223.

³ Н. А. Рожков. Город и деревня в русской истории. Пг., 1918, стр. 8.

⁴ Б. А. Рыбаков. Проблемы истории Древней Руси в свете новейших археологических исследований, стр. 28.

⁵ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 51.

венная база которого основана прежде всего на земледелии¹. Земледелие восточных славян, доказывал Греков, достигло высокого для того времени уровня, и именно развитие земледелия послужило экономической предпосылкой возникновения в IX в. феодального государства Киевской Руси².

Это положение распространяется и на те восточнославянские племенные объединения, которые населяли территорию Белоруссии. Археологические материалы, исследованные Б. А. Рыбаковым, доказали, что земледелие было основным занятием радимичей и дреговичей³. Не менее было развито земледелие у полоцких и смоленских кривичей⁴.

К убедительным выводам относительно земледелия как важнейшей отрасли хозяйства восточных славян пришел также украинский советский археолог В. И. Довженок. В своей монографии, посвященной земледелию Древней Руси⁵, автор исследует значение сельского хозяйства в экономике Древней Руси, детально рассматривает типы земледельческих орудий и агротехнику в их историческом развитии, освещает такие вопросы, как смена систем земледелия, сельскохозяйственные культуры, характеризует хозяйства крестьянина и феодала.

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 31.

² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. I. М., 1952, стр. 22—58.

³ Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 81—151.

⁴ В. Р. Тарасенка. Сельскагаспадарчая вытворчасць старажытнага Полацка. «Весці АН БССР». Серыя сельскагаспадарчых науک, 1963, № 3, стр. 128—137; А. Н. Ляданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского гос. ун-та, т. III, вып. 3. Смоленск, 1928, стр. 247 и др.

⁵ В. И. Довженок. Землеробство древней Руси до середины XIII ст. Київ, 1961.

Сельское хозяйство, и в частности земледелие, с древнейших времен играло настолько важную роль в производственной деятельности и во всей жизни восточных славян, что в значительной мере определило характер их культуры, трудовых навыков, общественного и материального быта, обычаяев и обрядов, календарной поэзии, всего духовного облика.

С древнейших времен земледелие являлось также основой культурной общности восточных славян. Во многих чертах общность культуры распространялась и на другие земледельческие народы, особенно близкие географически,— поляков, литовцев, латышей, чехов, немцев, финские народности Поволжья.

Земледелие, очень сходное в своих основных фомах, технике и приемах на всей территории восточноевропейской равнины, сблизило многие явления культуры народов совершенно разных языковых групп и этнического облика, придало культуре этих народов много общих черт, относительную общность.

Являясь основой хозяйства восточных славян, земледелие пронизало собой все стороны их жизни, обусловило производственное направление их общественного и семейного быта, аграрный характер их верований и празднеств, дало содержание народному творчеству. Все как бы подчинилось земледелию, его нуждам, заботам крестьянина о плодородии матери-земли. Дохристианская религия восточных славян, как и других земледельческих народностей, представляла собой по существу аграрный культ, в котором важнейшее место занимало почитание солнца, земли, стихий природы, от которых зависели плоды труда крестьянина. Все обряды восточных славян, их годовые празднества были подчинены чередованию производственных сезонов в сельском хозяйстве.

В процессе развития земледелия в лесной полосе и лесостепи племена, а затем народности восточнославянской группы выработали применительно к местным климатическим и почвенным условиям необходимые орудия и способы сельского хозяйства, во многом общие или сходные.

Это касается прежде всего землеобрабатывающих орудий, последовательно—деревянного однозубого рала, однозубой сошки и затем двузубой сохи, принадлежавшей в свое время к важнейшим приобретениям земледельческой техники. В Белоруссии, например, более совершенной почвообрабатывающей техники не знали почти до середины XIX в. даже феодальные поместья. У многих из них вообще не было рабочего инвентаря, так как господские поля обрабатывались держателями тяглых волов¹. Трудовой народ, создающий материальную основу жизни общества, развивающий его производительные силы, был создателем и землеобрабатывающих орудий.

Общим для всех восточных славян типом пашущего орудия была двузубая или двухлемешная соха, явившаяся дальнейшим усовершенствованием однозубой сошки, которая в свою очередь произошла от рала.

Широкое распространение одного и того же типа пашущих орудий на всем пространстве восточного славянства Д. К. Зеленин объяснял свойствами лесной почвы, нуждавшейся прежде всего во взрыхлении, а не в переворачивании пласта, а также нехваткой рабочего скота и его слабостью весной после продолжительной зимней бескормицы². Это объяснение можно принять лишь в той

¹ В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, стр. 119.

² Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народов. (Некоторые этнографические параллели). Сб. «Советская этнография», III. Л., 1940, стр. 31.

части, которая говорит о тяговой силе. Что же касается потребностей почвы, то известно, что по мере развития пашенного земледелия и освоения все больших пахотных площадей обработка земли не могла ограничиться одним рыхлением. Отсюда непрекращающиеся поиски улучшения сохи, введение системы отвалов (паліцы, прыполка), что постепенно приближало соху по ее функции к плугу, который, как известно, не только подрезает пласт, но и переворачивает его.

При наличии многих разновидностей сохи, возникших, по-видимому, в зависимости от местных условий, все они имели заметную общность и единство в основных своих рабочих частях, в принципе действия и особенно в названии.

Соха — слово чисто славянское, русское. В. И. Даль, кажется, правильно подсказывает решение его этимологии. Он предполагает, правда, не вполне уверенно, что слово соха следует выводить из сохнуть, сухое дерево¹. Видимо соображение это верно. А если это так, то соха, рассоха в восточнославянских языках — это ~~рассох~~ — разлохшаяся, раздвоенное на конце дерево, жердь, палка. Действительно, в восточнославянской лексике соха, сошка, рассоха означают нечто раздвоенное, развилистое, на два рога². Исходное значение названия земледельческого орудия «соха», таким образом, это развилка, рога.

¹ В. Даль. Толковый словарь, т. IV. М., 1955, стр. 283.

² Ср. белор. саха — подпора в виде столба с развилкой на верху; крыша на сахах; саха — столб-подпора для журавля у колодца; сошка — подпорка в разных случаях, с такой же функцией деталь в ткацком стане-краснах; сахор — двурогие вилы для навоза; рус. сохатый — животное с развилистыми рогами, олень, лось; посох и др. В чешском и словацком языках socha — это столб с развилкой для подпоры; лит. šakės и лат. sakes (славянские заимствования) означают вилы, сук.

Из беглого, краткого анализа названия сохи вытекают по меньшей мере два заключения. Первое — что как название, так и само орудие славянского, русского происхождения, и второе — что это пахотное орудие с древних времен известно как орудие двурогое, двухлемешное.

Двухлемешная деревянная соха на большом пространстве известна как «русская соха». А. Брюкнер призывал: «Польское хозяйство сохи не знало; это замечательное орудие (особенно на каменистой и лесной почве) Русь изобрела; из Руси в Мазовище перешла..., а из Руси в Мазовище на Литву»¹. То же заметил и чешский ученый В. Махек. «У русских и украинцев,— подчеркивает он,— известна соха... с двузубым (развилистым) ралом»².

По форме двурогой доски, развилики, рассохи — основного пашущего инструмента, на рога которого стали насаживать сошники, или наральники, лемехи, и получила свое название все земледельческое орудие, в том числе соха.

О том, что восточнославянская соха с древних времен была двузубым или двуральным орудием, свидетельствуют и памятники народного творчества. Русские поговорки упоминают о сошниках в сохе всегда во множественном числе: «У матушки сошки золотые рожки», «Сошка-сошенька, золотые ноженьки»³. Более определенно на двузубость сохи, на наличие в ней пары сошников указывают загадки. Так, русские загадки на соху загадывают: «Баба Яга, в и л а м и нога, кормит весь свет, а сама себя — нет», «Стоит сноха, ноги развел, мир кормит, сама

¹ A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 506.

² V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 463.

³ В. Даль. Толковый словарь, т. IV, стр. 284.

не ест»¹; белорусские: «Два галубкі па падзямеллю лятаюць», «Сіненькія грыбкі пад зямлёю скачуць»².

О единстве древней сохи восточных славян, остававшейся господствующим землеобрабатывающим орудием у русских, белорусов и украинцев почти до конца XIX в., говорит не только ее общее название и одинаковые названия некоторых отдельных ее частей. Общность различных местных вариантов восточнославянской сохи проявляется также в ряде конструктивных деталей орудия.

Д. К. Зеленин³ и С. А. Токарев⁴ считают специфической чертой восточнославянской сохи отсутствие в ее корпусе опорной подошвы или полоза, ее, так сказать, бесполозность, неустойчивость. Но в аналогичных орудиях соседних литовцев (*arklas*), латышей (*arkls*) и эстонцев (*sahk*), в которых, правда, заметно влияние восточнославянской сохи, также нет полозьев. Это вызвано особенностями ландшафта и почвы. Исследователь истории почвообрабатывающей техники Ю. Ф. Новиков, например, устанавливает, что «необходимость обработки часто влажных, липких почв и работа на лесных участках, засоренных корнями деревьев, не позволяла применять подошвенные орудия»⁵.

¹ Д. Н. Садовников. Загадки русского народа. М., 1959, стр. 140 (Подчеркнуто нами.—М. Г.).

² Беларуская прыказкі, прымайкі і загадкі. Складу Я. Рапанович. Мінск, 1958, стр. 331, 338.

³ Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры..., стр. 31.

⁴ С. А. Токарев. О культурной общности восточнославянских народов. «Советская этнография», 1954, № 2, стр. 22.

⁵ Ю. Ф. Новиков. К вопросу о районировании восточноевропейской почвообрабатывающей техники в XIX в. Тезисы докладов и сообщений на пятой сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1962, стр. 185.

Специфические черты, свойственные многочисленным разновидностям восточнославянской сохи, находятся, по-видимому, в устройстве и форме ее основной рабочей части — рассохи, в постановке и форме сошников и отвалов, в некоторых других конструктивных деталях и приспособлениях.

Наиболее типичной, вероятно, будет двузубая соха с симметрично поставленными сошниками, с перекладной или неперекладной полицей, распространенная в прошлом вместе с местными видами почти на всей этнической территории великорусов и северной половине Белоруссии. В степях Украины на черноземных почвах сложились другие типы орудий.

Черты общности отчетливо выступают также в распространенных среди восточных славян типах борон — из обрубленных сучьев (рус. «суковатка», белор. «смык»), плетеной и планковой, орудий уборки — косы и серпа, специфической чертой которого является зазубренное его лезвие, орудий обмолота — цепа, а также веялки и другие орудия производства.

Единство хозяйственной основы восточных славян — земледелие — отчетливо проявилось в сельскохозяйственной лексике, сохранившей удивительное сходство в белорусском, русском и украинском языках.

Близкие, сходные явления обнаруживаются в таких ранних отраслях хозяйственной деятельности восточнославянских народов, как охота, рыболовство, пчеловодство (бортничество), в ряде древних промыслов, ремесел и домашних производств. Общие явления, наблюдавшиеся в тех или иных промыслах и ремеслах на больших пространствах расселения восточных славян еще в XIX в., объясняются не только физико-географическими условиями и культурными связями между этими народами, но

также общими этническими традициями, имеющими глубокие корни.

Вот почему у русских, украинцев и белорусов встречались весьма близкие, почти одинаковые орудия и приемы охоты, рыболовства и других древних промыслов и ремесел. Так, пожалуй, везде у русских, белорусов и по крайней мере у северных и закарпатских украинцев знали рогатину, с которой шли на медведя, лося, дикого кабана. Об этом орудии охоты упоминает под 1255 г. летопись: князь Данило Галицкий, охотясь на «вепрев...», сам же уби их рогатиною три¹. Общими для восточных славян способами охоты были гоны с собаками, облавы, засады, копание волчьих ям. Орудиями охоты служили топор, западни, силки и разные другие самоловы, а также тенета. Почти все эти орудия и способы охоты были широко известны уже во времена Древней Руси и среди восточнославянских племен².

То же наблюдается и в рыболовстве, имея в виду, естественно, ловлю рыбы на больших и малых реках, а не морской промысел. Потребительское рыболовство как дополнительное к земледелию занятие (а в некоторых местах и рыболовство промысловое) было везде распространено еще среди восточнославянских племен и более раннего населения территории Белоруссии.

Благодаря давней традиции и совместному историческому развитию у восточнославянских народов выработался ряд одинаковых или очень похожих орудий и приемов рыболовства. К ним принадлежит прежде всего запруда («яз» или «ез») — перегораживание реки, озера, затона кольями, переплетенными лозой. В запруде остав-

¹ ПСРЛ, т. II. СПб, 1908, стр. 830.

² В. А. М альм. Промысел древнерусской деревни. Труды гос. исторического музея, вып. 32. М., 1956, стр. 106—116.

лялось отверстие с западней, в которую попадала рыба. Однаково были распространены у русских, украинцев и белорусов крючковые рыболовные снасти: удочка, блесна или дорожка, перемет — натянутая поперек реки вевревка, к которой тонкими шнурками на определенном расстоянии один от другого привязывались крючки с приманкой, и др. Близкими были и типы самих крючков, гладких и с зубцом, и способы пользования ими. Общим был также способ лучения или битья рыбы колющим орудием — острогой (белор. восці, укр. остень) на 5—7—9 зубьев с зазубринами. Острогою рыбу били преимущественно весной, ночью, с лодки, освещая воду огнем (отсюда и название — лучение, лучыць рыбу).

Из сетяных рыболовных снастей общими у восточных славян были разного рода неводы, бредень, ставные и обкидные сетки, мережи — сетяные орудия-западни (белор. мярэжа, укр. ятір), орудия, плетеные из лозы, коши и др. Все эти орудия и способы рыболовства были уже хорошо известны в Древней Руси¹. В XVI в. некоторые из этих орудий называет «Устава на волоки», которая одновременно с проведением земельной реформы в Белоруссии определила порядок пользования панскими водами для рыбной ловли. В статье 23 сказано, что «... в спустных ставех врад и нихто ины ниякою сетью ловити не мають под карностью строкгою»². «Устава» позволяла крепостным пользоваться на реках и озерах только мелкими снастями. Статья 33 дает «вольность поданным до рек и озер наших рыб ловити крыгою, удою, броднем, трягубицею, обором и иншыми малыми сетками», совершенно запретив «езов забивати»³.

¹ В. А. М альм. Промысел древнерусской деревни, стр. 116—129.

² Белоруссия в эпоху феодализма, т. I. Минск, 1959, стр. 221.

³ Там же, стр. 226.

Если мы обратимся к другим «патриархальным» крестьянским промыслам и ремеслам, которые имели значительное распространение среди восточнославянских народов, то опять-таки выявим немало общего как в орудиях труда и характере производства, так и в видах продукции. И здесь корни культурной общности также ведут к древнерусскому единству, или к позднейшим разносторонним контактам между этими народами. Взять хотя бы лесные промыслы, особенно такие древние производства, как выжигание угля, смолокурение и сидка дегтя, которые сохранили свои архаические формы почти до конца XIX — начала XX в. Этими промыслами искони занимались восточные славяне, жители лесных краев, имея потребность в древесном угле для варки железа и кузничного дела, в смоле, которая шла на просмолку судов, канатов, неводов и являлась важным предметом вывоза; в березовом дегте, который употреблялся для смазывания кож, сбруи и особенно колес.

Во всей лесной полосе у русских, белорусов и северных украинцев до XVII — XVIII вв. существовал один и тот же древний способ выжигания древесного угля, добывания смолы и гонки дегтя в ямах. С расширением производства на смену ямному способу добычи угля и смолы пришел так называемый костровой способ, когда древесина сжигалась в кучах — кострах¹.

Из домашних ремесел, в которых особенно проявились черты общности у восточных славян, выделяются прежде всего ткачество и процессы, ему предшествующие. Обработка растительного волокна и шерсти, прядение и ткаче-

¹ М. Я. Грынблат. Сялянскія промыслы і рамёствы ў Беларусі ў XIX—пачатку XX ст. (Гісторыка-этнаграфічны агліяд). «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх науку. Мінск, 1957, № 2, стр. 49—51.

ство, необходимые для изготовления одежды и предметов домашнего обихода, были одним из самых распространенных домашних производств в русской, белорусской и украинской деревне. Изготовление пряжи и тканей вместе с другими домашними занятиями женщины являлось неотъемлемым признаком натурального крестьянского хозяйства.

Основными материалами для домашнего прядения и ткачества у всех восточных славян издавна были лен, конопля и шерсть. Многие орудия, приспособления и приемы домашнего прядения и ткачества, а также их основная терминология почти одинаковы у белорусов, русских и украинцев.

В ткачестве восточнославянских народов, быть может, больше, чем в других областях материальной культуры, имеется много локальных особенностей в орудиях, технике, рисунке ткани, их колорите — специфических черт, свойственных той или иной народности. В то же время в прядении и ткачестве выделяются элементы, которые являются общими для всех восточных славян, а в известной степени и для соседних народов. Н. И. Лебедева, знаток русского народного ткачества, выделяет в этой отрасли такие общие восточнославянские элементы: общие типы и способы мятя и трепания, прядения на веретене, тип которого также весьма близки на всей территории восточных славян, тип мотовила, снования по стене, горизонтальный ткацкий стан-кросны с бердом и педалями (панажами) с местными вариациями только во второстепенных своих деталях, бранное закладное и многонитное ткачество и др.¹

¹ Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. В кн.: «Восточнославянский этнографический сборник», М., 1956, стр. 536.

Большинство отмеченных орудий и приемов прядения и ткачества в развитом виде уже было широко известно в Киевской Руси и даже ранее. Так, орудие для трепания льна (трапала, трапло) известно уже с VI в., горизонтальный ткацкий стан — с IX—Х вв., бранные, т. е. узорные ткани, которые так часто фигурируют в фольклоре восточных славян («скатерти браные»), — с XI в. и т. д. Известны также многие археологические находки глиняных прядильщиков, которые надевались на веретена для ускорения их движения в пальцах¹.

Общевосточнославянские черты видны в типах поселений и жилища белорусов, русских, украинцев, в формах их традиционной одежды, в народной кулинарии, в предметах домашнего обихода и т. д.

Специфические черты строительной культуры и техники восточных славян обращали на себя внимание ряда исследователей. Они отмечались в работах немецкого историка К. Рамма², в исследованиях советских этнографов Д. К. Зеленина³, С. А. Токарева⁴, Е. Э. Бломквист⁵, польского этнографа К. Мошиньского⁶ и др.

Единство белорусского народного жилища с русским и украинским жилищами проявляется прежде всего в основном строительном материале и важнейших приемах строительной техники. На всем этнографическом прост-

¹ М. Н. Левинсон-Нечаева. Ткачество. Труды гос. исторического музея, вып. 33. М., 1959, стр. 9—37.

² K. Ramm. Die altslavische Wohnung. Braunschweig, 1910.

³ Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры...; Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1929.

⁴ С. А. Токарев. О культурной общности восточнославянских народов; Этнография народов СССР, стр. 51—70.

⁵ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки...

⁶ K. Moszyński. Kultura ludowa Słowian, t. I. Kultura materialna. Kraków, 1929.

ранстве белорусов и русских, а также северных и закарпатских украинцев строительным материалом служило дерево, круглое неотесанное бревно и господствовала срубная техника, весьма древняя в Восточной Европе.

Срубная техника восточных славян характеризуется некоторыми особенностями, прежде всего — способами соединения бревен в венцы. Наиболее распространенным способом скрепления бревен в венец была рубка «в пристой угол», «в чашку», укр. «у зруб», рус. «в обло»¹. При этом способе одно бревно укладывалось поперек в полу-круглое углубление — выёмку, которое вырубалось недалеко от конца другого нижнего бревна. В таком случае угол сруба получался с выступающими концами бревен. Другой способ, хотя и менее распространенный в традиционном крестьянском строительстве восточных славян, но также древний, был способ рубки угла без выступающих концов — «у чисты вугал», «у лапу», «у замок». В данном случае бревна скреплялись самими концами, которые соответственно затесывались и накладывались одно на другое.

Большинство исследователей отмечают как типичное явление в восточнославянском жилище обычай ставить сруб непосредственно на земле, без фундамента, допуская, что только в отдельных случаях под углы нижнего венца подкладывались камни или колоды. С подобным утверждением нельзя целиком согласиться. Отсутствие полноценного фундамента в традиционном крестьянском жилище еще не значит, что сруб ставился прямо на землю. В действительности под нижний венец сруба и не только под углы, но и под середину его бревен почти

¹ От *оболокать* — огибать вокруг; *облий*, *обельной* — круглый, кругловатый. См.: В. Даляр. Толковый словарь, т. II. М., 1955, стр. 598.

всегда подкладывались вкопанные в землю, часто вровень с ней, камни или толстые колоды, брусья. У русских это называлось ставить сруб «на стулья», у украинцев — «на стояни», у белорусов — «на штандары». Такая постановка сруба была известна в древней Руси еще в XI в.¹ Это был фундамент в зародышевом виде. При этом низ сруба для утепления постройки заваливался землей, образовав завалинку (бел. «прызба», укр. «призьба»), — также общая характерная черта старого деревенского жилища белорусов, украинцев и русских.

Существенным признаком, объединяющим восточнославянское жилище, является его план, внутреннее членение. Господствующим типом жилища восточных славян в период складывания и существования народностей следует признать двухкамерный или двухраздельный дом (хата+сени), который постепенно уступил свое место трехкамерному жилищу (хата+сени+клеть или комора). Трехраздельный дом становится впоследствии наиболее распространенным типом жилища на всей восточнославянской территории. Господствующий тип восточнославянского жилища возник в результате органического развития однокамерной, нераздельной жилой постройки в двух-, а затем в трехкамерную.

Однокамерная в плане постройка является наиболее древней и основной формой восточнославянского жилища VIII—XII вв., хотя приблизительно уже с X в. были известны также двухкамерные и даже трехкамерные живые постройки². В Белоруссии однокамерные хаты без

¹ См.: Б. А. Рыбаков. Столповый город Чернигов и удельный город Вещиж. В кн.: «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 118.

² Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки..., стр. 135—136; Н. Н. Воронин. Жилище. В кн.: «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 213—214, 219—220.

сеней встречались еще в конце XVIII в., о чём можно узнать из описания бывшего Кричевского графства, составленного А. Мейером в 1786 г.¹ Встречались такие хаты и в XIX в.

Есть и ряд других признаков сближающих жилище и строительную культуру белорусов с той же отраслью материального быта и культуры русских и украинцев. Общие восточнославянские черты имеются в конструкции и формах крыши и потолка, во внутреннем убранстве жилища и прежде всего в наличии так называемой русской печи, неподвижных лав, стоящих вдоль стен и соединяющихся в красном углу (у покуці), в архитектурных украшениях жилища, в предметах домашнего обихода, в типах хозяйственных построек, строительной терминологии и т. д. Все это достаточно подтверждает историческую общность в развитии народной архитектуры восточных славян.

Ряд элементов восточнославянского жилища и строительной техники можно заметить также в Восточной Литве, в Латгалии, Эстонии, в польском Мазовьше, у народов финской группы Поволжья и др. В этом проявились культурные воздействия восточных славян на своих соседей. В одном из исследований жилища Восточной Литвы, например, подчеркнуто: «Более ранний переход на востоке Литвы к срубным постройкам, а также наличие там в жилых помещениях духовых печей, несомненно, свидетельствует о благотворном прогрессивном влиянии соседних восточных славян»².

¹ А. М ей ер. Описание бывшего графства или бывшего ста-ростства Кричевского. «Могилевская старина», II, 1901.

² И. Г оз и н а. Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы XIX — начала XX в. Балтийский этнографический сборник. М., 1958, стр. 125.

Внутреннее единство мы находим в традиционной мужской и женской одежде русских, белорусов и украинцев, несмотря на то что она отличается значительным разнообразием и отражает национальные особенности отдельных народов.

Отличительной чертой народной одежды восточных славян, устойчиво сохранявшейся на протяжении всего их исторического пути вплоть до конца XIX — начала XX в., был ее материал — домотканина. Эта особенность вытекала из природно-географических и социально-экономических хозяйственных условий, а потому являлась общей и для многих других народов.

В традиционной одежде восточных славян есть ряд других близких черт — в типах костюма, в покроев, способах ношения, манере украшения,—которые идут от единой этнической основы, культурного наследия и позднейших взаимосвязей. Заметны общие черты в полотняной рубахе — важнейшей части традиционной одежды восточнославянского крестьянства (древний туникообразный покрой, прямой грудной разрез и др.). В женской крестьянской рубахе, помимо того, общность проявилась в наличии украшенных орнаментом поликов или вставок на плечах. Общие восточнославянские черты сохранились также в женской не целиком сшитой поясной одежде (понева, плахта). В одежде белорусов, русских и украинцев имеется еще ряд других черт общности. Они проявляются в таких элементах костюма, как тканый или плетеный пояс, женские головные уборы, верхняя белорусская и украинская свита, обувь, украшения и т. д.¹

Мы кратко отметили черты общности только в неко-

¹ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 750—752.

торых областях хозяйственной деятельности и материальной культуры белорусов, русских и украинцев.

Отдельной необъятной темой могут явиться черты общности в духовной культуре восточных славян, в их народном искусстве, устной поэзии и т. д. Остановливаться на всем этом в одном кратком очерке нет возможности. Ограничимся некоторыми сторонами фольклора. В этой области особенно ярко выступает культурная общность.

Черты общности, идущие от времен единой древнерусской народности, можно легко заметить в ряде жанров русского, украинского, белорусского фольклора. К ним принадлежат, в частности, многие предания и легенды о воинских подвигах героев-богатырей (например, о богатыре-кожемяке). Общность в народном творчестве проявилась также в живучести былинной традиции. В Белоруссии былины жили еще в XVI в. Отрывки былин или исторические песни былинного склада встречались в Белоруссии даже в конце XIX в. Следы былинного эпоса сохранились в обрядовой поэзии и сказках белорусов¹.

Много общего имеется в историческом эпосе восточнославянских народов. Но эта общность уже иного происхождения. Она основывается не на едином культурном наследии Киевской Руси, а возникла в условиях совместной борьбы против общих врагов и в итоге многовековых культурных взаимосвязей.

Отражение набегов татар, совместная борьба против литовских князей и польских феодалов, против нашествий шведов. Наполеона породили близкие по идеям и художественному воплощению произведения в историче-

¹ М. Я. Грынблат. Гераічны і гістарычны эпас. В кн.: «Беларуская народная вуснапаэтычная творчасць». Мінск, 1967, стр. 104—112; С. І. Васіленак. Беларускі эпас. В кн.: «Беларускі эпас». Мінск, 1959, стр. 11—12.

ском эпосе русских, украинцев и белорусов. И действительно, уже в наиболее ранних из известных белорусских исторических песен, в песнях о борьбе с татарскими завоевателями обнаруживается много общего с русскими и украинскими песнями этого цикла. Общность в цикле исторических песен, отразивших борьбу с татарами, видна прежде всего в песнях о гибели воина в бою и в песнях о татарском полоне. В ряде белорусских песен тема татарского наезда сочетается с лирической любовной темой. Девушка будит своего милого:

Уставай, казак, досыць спаці,
Едзэ турак ваяваці.
Яго войска нізмерона,
Нізмерона, незлічона,
Заб'юць цябе маладога,
Возьмуць каня варапога,
Заб'юць цябе,— мне жаль будзе,
Вазьмуць каня,— другі будзе¹.

Подобные песни были известны также в разных местах Украины:

...Встань, козаче, пробудися,
В чисто поле подивися:
Ой уже ж орда наступае,
Хоче вона коня взяти,
Тебе, молодого, зарубати;
Після коня та кінь буде,
Тебе, молодого, повік не буде...²

В цикле исторических песен о татарских завоевателях и борьбе с ними значительное место занимают песни о татарском полоне. Обращают на себя внимание песни-баллады о плениении татарином «тещи», которая узнает,

¹ Беларускі эпас. Мінск, 1959, стр. 174. Близкие варианты также на стр. 172—173.

² Історичні пісні. Київ, 1961, стр. 145. Другие украинские варианты на стр. 140—145, 151.

что в доме находится ранее захваченная в плен ее дочь¹. Разные варианты песен о встрече матери со своей дочерью в татарском плену широко известны также в русском и украинском фольклоре².

Разработка сюжета, его развертывание, основные образы и эпизоды (дележ пленных, «цешча зяцю да сталася», три работы, выделенные для матери, и др.) в упомянутых песнях трех братских народов обнаруживают удивительное единство. Эту общность нельзя упрощенно объяснять только заимствованием или подражанием. Возникновение и развитие одинакового сюжета в группе рассмотренных песен о встрече матери с дочерью в татарском полоне, известных русскому, украинскому и белорусскому фольклору, совсем не обусловлены «заимствованием» одного народа из источника устного творчества другого народа. Все три восточнославянские народности испытали на себе ужасы опустошений и разбоя, которые чинили татарские завоеватели во время их набегов на русские земли, одинаково тяжело переживали зверства врага, грабежи и угон в плен. К тому же песни о татарском полоне, рассказывающие о встрече матери с дочерью, могли возникнуть весьма рано, уже в итоге первых набегов татар, в XIII в., когда единство древнерусской народности, общность ее языка и художественно-образной системы еще не были заметно нарушены. Все это вместе и обусловило общность, близость и сходство многих восточнославянских песен о борьбе с татарами, особенно в той части песен, в которой рассказывалось о наездах татар, о гибели воина в бою и о татарском полоне.

¹ Беларускі эпас, стр. 115—116.

² Н. П. А н д р е е в. Русский фольклор. М.—Л., 1938, стр. 285; Історичні пісні, стр. 87—91.

Позже, в последующие века, когда сформировались и окрепли отдельные, самостоятельные народности восточных славян, их общность в области фольклора не только сохранялась как культурное наследие прошлого, но проявлялась и в новых формах.

Единство происхождения русского, белорусского и украинского народов, сходство их дальнейшей исторической судьбы, совместная борьба против общих врагов, взаимопрятяжение и стремление к объединению питали и укрепляли восточнославянскую общность, которая так отчетливо проявлялась в художественном творчестве и в других отраслях культуры.

Совместная борьба, которую вели белорусский и украинский народы против польских феодалов, католической реакции и крепостной неволи в условиях шляхетской Речи Посполитой, также породила много близких, общих фольклорных произведений, в которых нашли свое отражение бурные события эпохи.

Одна судьба, выпавшая на долю белорусского и украинского народов под гнетом феодалов, обусловила появление в их фольклоре сходных антикрепостнических мотивов. Они проявились особенно в песнях о барщине, пословицах, загадках, народных сатирических сказках, в ряде легенд и преданий.

Одним из результатов освободительной борьбы белорусского народа XVIII в., в которой он выступал рядом с братским украинским народом, было возникновение нового для белорусского исторического эпоса жанра — казацких или гайдамацких песен. Песни эти, до того наиболее характерные для украинской героической поэзии, благодаря совместной борьбе украинского и белорусского народов против общего врага, стали общим достоянием также и белорусского фольклора, в котором они

обогатили и ранее существовавшую бунтарскую поэзию крепостного крестьянства.

В этой связи нельзя не возразить против одностороннего и упрощенного объяснения фактов общности в фольклоре родственных украинского и белорусского народов. В данном случае речь идет о белорусских казацких песнях. П. П. Охрименко утверждает, что они «проникли», «были занесены», «перешли» из Украины в Белоруссию¹. Более того, даже «песни о героической смерти казака», т. е. воина, солдата,— мотив, известный всем славянам и многим другим народам мира,— также «активно переходили» из украинского фольклора «в белорусскую поэзию»². В позднейшей статье П. П. Охрименко еще более решительно объявляет, что белорусские песни, «в которых фигурирует «казак», «казаченька», во многих случаях заимствованы из украинского народного творчества»³.

Приведенные утверждения противоречат самому пониманию общности в фольклоре близких народов и не совсем соответствуют историческим фактам по существу. Изучение общности в устнopoэтическом творчестве белорусов и украинцев нельзя ограничить рассмотрением только фактов заимствования, «проникновения», «заноса» отдельных произведений, притом еще в одностороннем направлении — преимущественно из украинского фольклора в белорусский. Только внешнее заимствование фольклорных текстов одним народом у другого еще не может служить свидетельством общности их устного

¹ П. П. Ахрыменка. Фальклорна-літаратурныя сувязі українскага і беларускага народаў. Мінск, 1959, стр. 36.

² Там же, стр. 37.

³ П. П. Охрименко. О взаимосвязях народно-песенного творчества восточных славян. «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 21.

творчества. Образование культурной общности близких народов — процесс более сложный и глубокий. Внутренний смысл его имеет очевидное преимущество перед внешними признаками.

О духовной близости белорусского населения с казацкими отрядами и их совместной борьбе против шляхты в первой половине XVII в. сообщал французский писатель Шевалье: «Бунты казаков и русских мужиков с начала сей войны распространились в Литве потому более, что народ того княжества довольно сходствен был нравами и верою малороссиянам»¹.

Есть ряд и других данных, из которых можно узнать о казачестве в Белоруссии и о казаках-белорусах. В 1593 г. мозырская шляхта жаловалась на нападение казацких отрядов, которые состояли из местных людей, что «из городов и деревень на Низ идут», затем «назад приходят»². В 1650 г. великолукский воевода Великий-Гагин доносил царю Алексею Михайловичу: «А у черкасов де, государь, с поляки учиниласяссора за веру, и белорусцы де к черкасам приставают»³.

Многие белорусы не только поддерживали действия казацких отрядов в Белоруссии, но вступали непосредственно в их ряды, становились казаками. Полковой воевода Василий Шереметьев, докладывая в Разрядный приказ о казацких гарнизонах-залогах в Шкловском, Борисовском и Горецком поветах, сообщал в 1657 г., что «многие деревенские мужики, пишутца к ним в казаки и от того казаков много житца»⁴.

¹ О Малой России. Чтения общества истории и древностей российских, № 5. М., 1847, стр. 68.

² История БССР, т. I, стр. 122.

³ Акты Юго-западной России, т. III. СПб, 1862, стр. 230.

⁴ Белоруссия в эпоху феодализма, т. II. Минск, 1960. № 112, стр. 153.

Залоги-гарнизоны украинских казаков-запорожцев стояли во многих местах Белоруссии. Отряды эти пополнились за счет белорусского населения. Так образовалось известное число белорусов-казаков. Некоторая часть украинских казаков оседала в разных местах Белоруссии. Так, в грамоте короля Сигизмунда II Августа от 1566 г., которая касается жителей Дзисны, говорится о казаках, «при тамошнем замку оселых»¹.

Казачество глубоко запало в памяти народа. Об этом свидетельствуют, между прочим, белорусская топонимия и антропонимия. От тех далеких и бурных времен ведет свое происхождение ряд названий деревень, фольварков и урочищ: Казакі в Дзержинском, Минском и Сенненском районах, Казакоўка — в Копыльском, Пуховичском и Речицком, Казакоўчына — в Логойском, Червенском и Вороновском, Казацкія Балсуны — в Гомельском районе и др.; распространенные в Белоруссии фамилии: Казак, Қазакоў, Қазакевіч, Казачок, Қазачэнка, Қазачкоў, Қазачэнкаў, Казачонак, Казацкі. Интересными являются еще фамилии Дайнека, Дайняк, Дайнак, Ҕайнак, распространенные преимущественно в южных и центральных районах Белоруссии. Эти фамилии опять-таки связаны с казацко-крестьянской антифеодальной борьбой. ВПравобережной Украине дайнеками называли народных повстанцев. Свое имя они получили от дайнеки — палки, дубины, что означает вооруженные дубинами².

Приведенные материалы и факты дают право на вывод, что в Белоруссии казачество не было посторонним явлением, а органически вытекало из жизни и борьбы

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. 1, № 125, стр. 275.

² В. В. Грабовецкий. Походження назв повстанців проти феодального гніту на Україні. «Український історичний журнал», 1962, № 2, стр. 117.

белорусского угнетенного крестьянства и городских низов. В XVI—XVII вв. не было необходимости в «экспортировании» на Беларусь ни слов «казак», «казачэнка», ни казацких песен. Они рождались на той же почве, которая существовала для этого на Украине, возникали в одинаковых условиях, в которых приходилось тогда жить двум народам-братьям: в процессе совместной освободительной борьбы против общего врага — чужеземца.

Здесь важно прежде всего зафиксировать сам факт существования белорусских казацких песен. Казацкие песни создавались и на Украине, и в Белоруссии. Именно в этом проявилась еще одна из замечательных черт общности песенного творчества братских народов — в слагании казацких песен. Среди казацких песен встречаются очень близкие по содержанию и тексту песни, которые можно считать совместным творчеством украинцев и белорусов; есть, понятно, песни бесспорно украинские, которые, однако, стали достоянием и белорусов; есть, напротив, белорусские казацкие песни, которые не находят близких аналогий в украинском материале.

Примером совместной казацкой песни, одинаково широко распространенной на Украине и в Белоруссии, может служить известная песня о Морозенко. Ряд исторических песен о героях-казаках действительно украинского происхождения, но органически вошли в белорусский песенный фольклор. К таким песням, можно предположить, принадлежит песня «Туман, туман па даліне», записанная на Брестчине¹.

Для большинства собственно белорусских казацких песен характерно то, что они почти не сохранили указаний

¹ Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае. Вильно, 1866, стр. 116—117.

на конкретные события и исторических героев. Чашё — это общая зарисовка борьбы против угнетателей, описание боевых походов, социальной мести своим врагам. Типичной в этом отношении является белорусская казацкая песня «Да ў роднага братачкі»¹. Такая же и белорусская казацкая песня «Кукавала ды кукулечка»².

Следы казачества видны также во многих белорусских лирических песнях, в которых слово «казак» неизменно сочетается с представлениями об отваге, молодости и мужественной красоте.

Уже сам факт создания и существования казацких песен и в украинском, и в белорусском фольклоре напрекор утверждениям об одностороннем заимствовании их мы рассматриваем как признак общности поэтических форм, определяемой общностью социальной почвы, на которой эти формы возникли.

Общность, вытекающая из одинаковых исторических обстоятельств, видна и во многих других разделах и жанрах устнopoэтического творчества восточных славян, особенно в песнях о крепостном праве.

Ярким проявлением восточнославянской общности в области устнopoэтического творчества феодальной эпохи является общеизвестная украинцам и белорусам историческая балладная песня о Бондаровне³. Не менее

¹ М. Я. Грынблат. Песні беларускага народа, т. I. Мінск, 1940, стр. 89, № 65.

² Там же, стр. 90, № 66.

³ Белорусские и украинские варианты песни о Бондаровне, см.: П. В. Шейн, Материалы..., т. I, ч. I, стр. 431—434; И. И. Носович. Белорусские песни. СПб., 1873, стр. 269—270; Е. Р. Романов. Материалы по этнографии Гродненской губ., т. II. Вильно, 1912, стр. 190, 303—304; Р. Шырма. Беларускія народныя песні, загадкі, прыказкі. Мінск, 1947, стр. 179—180; Історичні пісні, стр. 390—416, А—V.

красноречиво свидетельствует об общности поэтического творчества восточнославянских народов еще одна категория песен. Это песни, связанные с извозным промыслом. В русском фольклоре они известны под названием ямщицких, в украинском и белорусском — чумацких песен, составляющих своеобразный раздел песенной лирики восточных славян.

Труд и быт ямщиков и чумаков¹, длительный отрыв от дома, трудности и опасности в дороге определили содержание этих песен. Чаще всего чумацкие и ямщицкие песни повествовали о смерти обессиленного и заболевшего чумака или ямщика на чужбине. Этот мотив является общим для русских, украинских и белорусских песен.

Чумацкий промысел был более развит на Украине, поэтому и чумацких песен записано там значительно больше, чем в Белоруссии². Однако и это не может служить основанием для утверждения об одностороннем украинском влиянии на белорусские чумацкие песни и их полной зависимости от украинской первоосновы. Исследователь украинско-белорусских фольклорно-литературных связей П. П. Охрименко без надлежащего обоснования стремится доказать, что «большая часть белорусских чумацких песен... украинского происхождения». При этом он подчеркивает, что «многие чумацкие песни бытовали (а частично и теперь бытуют) в районах, соседних с Украиной» и это якобы «подтверждает ту

¹ По Далю, чумак — «протяжный извозчик на волах; в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль». (Толковый словарь, т. IV, стр. 614).

² См.: И. Я. Рудченко. Чумацкие народные песни. Киев, 1874; Матеріали до вивчення виробничих об'єднань, вип. II. Чумаки. Київ, 1931.

мысль, что такие песни перешли в ряде случаев из украинского народного творчества»¹.

Мы уже высказали свое отношение к такому упрощенному объяснению причин общности в фольклоре белорусов и украинцев. Вызывают возражения и суждения П. П. Охрименки относительно чумацких песен. Во-первых, чумацкие песни бытовали не только на белорусско-украинском пограничье, они были известны и в центральной Белоруссии, и на Гродненщине, Виленщине, Могилевщине, Витебщине, даже на Смоленщине, о чем свидетельствуют записи, сделанные еще в XIX и XX вв. Во-вторых, само чумачество было довольно распространенным социальным явлением и в Белоруссии, что создавало соответствующую почву для самостоятельного развития песенного творчества в среде белорусских чумаков.

Известно, что в Белоруссии XVI—XVIII вв. немало обездоленных, обедневших людей, в большинстве из крестьян, занимались купцам возить разные товары из Белоруссии, а привозить соль, рыбу из Польши, Закарпатья, Пруссии, Крыма, Поволжья и других мест. Древние соляные копальни находились, в частности, вблизи Krakova (Величко, Бонхя).

Соль в Речи Посполитой была важным предметом торговли. Она давала большую прибыль королевскому скарбу, который взыскивал за привозную соль «побор мыта», то есть таможенную пошлину, и специальный «сольничий» налог. Польские короли неоднократно пытались регулировать дело привоза соли и торговли ею в Белоруссии. На соли наживались и купцы. Вот почему нужда в возчиках соли была значительной. Прозвали этих возчиков чумаками потому, что в Крыму, откуда

¹ П. П. Ахрыменка. Фальклорна-літаратурныя сувязі украінскага і беларускага народаў, стр. 38.

также привозилась в Белоруссию соль, в те времена часто вспыхивали эпидемии чумы, а чтобы не заразиться ею, возчики просмаливали — «чумачылі» свою одежду.

После воссоединения с Россией некоторое время, в 70—90-е годы XVIII в., в Белоруссии существовала казенная монополия на соль. Начали привозить пермскую соль, но больше «доставлялась соль из крымских или таврических озер, а из камышинских нагорных магазейнов ельтонская»¹. Правда, в то время соль из Крыма начали доставлять уже преимущественно водным путем, по Днепру. В связи с этим чумацкий промысел в конце XVIII в. захирел. Но песни чумацкие остались и еще долго жили в народе как произведения,озвучные его горькой доле.

Между украинскими и белорусскими чумацкими песнями существует значительная близость, наличие многих общих черт в содержании и поэтике. И это понятно, если учесть, что чумачество существовало не только на Украине, но и в Белоруссии. Из факторов, определивших значительное сходство ряда белорусских и украинских чумацких песен и придавших им черты общности, не исключаются, естественно, и взаимосвязи, взаимопроникновение. У белорусских и украинских чумаков существовали тесные отношения и близкие контакты. Дорога белорусских чумаков в Крым и обратно пролегала через братскую Украину и это не могло не оказать влияния на их песенное творчество.

Количество фактов, выражающих значительную общность фольклора восточнославянских народов, можно

¹ Белоруссия в эпоху феодализма, т. III. Минск, 1961, стр. 141, № 63. Ельтонская соль — из соляного озера Эльтон, что в северной части Прикаспийской низменности (теперь Волгоградской области).

было бы увеличить во много раз, особенно если обратиться к изучению обрядовой поэзии (в частности, колядок, веснянок, свадебных песен), открывающей необъятные возможности для сравнений. Много общих черт обнаруживается и в таких жанрах восточнославянского фольклора, как заговоры, пословицы и поговорки, загадки, в сюжетах народных сказок¹.

Свою задачу мы ограничили выявлением и изучением только отдельных черт культурной общности восточных славян. Исследованные факты достаточно убедительно свидетельствуют и о многих чертах восточнославянской культурной общности, и об известном единстве самих восточнославянских народов, которое вытекает не только из их общего происхождения от единой древнерусской народности, но и из нерушимых связей и братского единения на всем их дальнейшем историческом пути.

¹ См.: С. В. Савченко. Русские народные сказки. Киев, 1914; J. K r z y ż a p o w s k i. Bajka ludowa jako wyraz wzajemności słowiańskiej. «Lud», t. XXXVIII. Kraków—Lublin, 1948, стр. 206—209.

Много незатронутых в нашей работе фактов приведено еще в других исследованиях. См.: Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. I. М., 1916; П. П. Ахрыменка. Фольклорно-литатурные связи украинской и беларусской народов; Г. Цитович. Украинско-белорусские связи в народной музыке. «Советская музыка», 1954, № 7, стр. 36—44.

Особенности материальной культуры белорусской народности

Материальная культура белорусской народности изучена еще совершенно недостаточно. Вещевые памятники XIV—XVIII вв. почти не сохранились. Позднейших этнографических описаний и музейных коллекций предметов материального быта белорусов также сравнительно мало. Среди других отраслей этнографического изучения Белоруссии материальной культуре, особенно в сравнении с духовной культурой, явно не повезло. До революции внимание этнографов привлекали главным образом явления духовной жизни народа — его устнopoэтическое творчество, верования, обряды, календарные праздники, приметы, суеверия и т. д. Материальная же культура народа, его хозяйственная деятельность и общественный быт нашли слабое освещение в дореволюционной этнографической литературе. Объяснить это следует господствовавшими тенденциями и общим направлением идеалистической в своей основе дворянской и буржуазной этнографической науки. Копание в древних верованиях и обрядах давало возможность, с одной стороны, искать в них проявления «народной души» и, с другой — обходить явления материальной жизни, так близко соприкасавшиеся с наболевшими проблемами крепостнической и послереформенной России.

Царское Министерство народного просвещения, сознавая значение этнографической работы учащихся учительских институтов и семинарий, тесно связанных с сельской средой, еще даже в предреволюционные годы направляло их интересы только к одной теме: «Состояние народной песни и обряда в такой-то местности»¹. Нечего говорить уже о более ранних этнографических описаниях Белоруссии XIX в. Даже в наиболее развернутых ответах на программу Русского географического общества 1847 г. со специальным разделом «Домашний быт», предусматривавшим собирание сведений о народном жилище, одежде, пище и домашней утвари, явлениям материальной культуры народа отводилось очень мало внимания. Примером может служить большой этнографический очерк Виленской губернии, составленный по программе РГО даже таким опытным собирателем, как А. Киркор². Из 162 страниц, составивших очерк Киркора, только на 7 страницах автор приводит краткие общие данные о крестьянской хате, народной одежде и пище. Все остальное место в публикации занимают материалы о древних обрядах и обычаях, характеристика говора и тексты произведений народной поэзии.

Лишь более объективные бытописатели народной жизни, люди относительно передовых или радикальных взглядов осмеливались прорвать заколдованный круг «духовных» вопросов этнографии и глубже заглянуть в реальный мир трудовой деятельности и материального быта народа.

¹ В. Данилов. Работы по этнографии в учительских институтах и семинариях, ЖМНП. Новая серия, ч. I. XIV. Пг., 1916, август, стр. 113—126.

² А. Киркор. Этнографический взгляд на Виленскую губернию. Этнографический сборник, вып. III. СПб, 1858.

Некоторые сведения о материальной культуре белорусской народности могут дать смежные с этнографией дисциплины — история, археология, фольклористика, языкоzнание и др.

Специальные единичные работы о материальной культуре белорусов появляются только в конце XIX—начале XX в. Большинство же сведений о хозяйственных занятиях, орудиях производства и материальном быте белорусов рассеяно, часто отдельными крупицами, в печатных и архивных источниках разного характера.

Основные особенности материальной культуры белорусов, так же как и важнейшие черты их хозяйственного и общественного быта, духовной жизни, обрядов и обычаяев, народного творчества, складывались одновременно с формированием и развитием белорусской народности. Сохраняя значительную общность, близость и органическую связь с культурой русской и украинской народностей, культура белорусской народности приобретала свои особенности, которые в итоге и придали ей самобытный характер, этническое своеобразие.

Однако следует, по-видимому, уяснить само понимание самобытности культуры. Как известно, «самобытная» история развития России, например, служила основой идеалистического учения славянофилов, многих народников. «Самобытный» путь развития белорусского народа и его культуры также был и остается стержнем исторических «концепций» буржуазных националистов. Все они утверждают самобытность как целиком самостоятельный путь, обособленный от исторического развития других народов, свободный от посторонних влияний, неповторимый, ни на какой другой совершенно непохожий¹.

¹ «В противность всему подражательному» — объясняет В. Даль слово самобытность. (Толковый словарь, т. V. М., 1955, стр. 132).

Ничего более ошибочного в понимании самобытности не найти, если речь идет о культуре народа. Невозможно представить себе культуру какого бы то ни было народа, которая складывалась и на протяжении своей истории развивалась изолированно, вне взаимосвязей, а значит, и вне взаимовоздействий культур соседних и нередко даже географически отдаленных народов. В таком именно смысле самобытной культуры не существует.

Самобытность культуры следует понимать как проявление отличительных черт, рожденных и вытекающих из совокупности этнических, социально-экономических, физико-географических, эстетических и других особенностей жизни народа. При этом черты общности в культуре соседних или близких народов, складывающиеся в одинаковых условиях, при одном уровне развития производительных сил, а также в процессе взаимовлияния и взаимообогащения культур, не мешают созданию самобытности, своеобразия культуры. Самобытность культуры не исключает элементов соседних влияний, которые обычно творчески преломляются в местной этнической среде.

Это касается и конкретно культуры белорусской народности. Ее своеобразие не было заметно нарушено даже иноземными нашествиями и завоеваниями белорусской земли сперва литовскими князьями, а позднее польскими феодалами.

В. И. Ленин, вспоминая школьные уроки по истории, указывал: «Нас учили: бывает, что один народ завоевывает другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если

наоборот, то бывает так, что побежденный свою культурой навязывает завоевателю»¹.

Хорошо известна та важная роль, которую играли белорусская культура и белорусский язык в Великом княжестве Литовском. Однако многовековые связи с литовцами не могли не сказаться и в обратных влияниях, что заметно также на некоторых явлениях материальной культуры. Польские влияния несколько более заметны, но уровень развития культуры белорусской народности в XVI—XVIII вв., по-видимому, был достаточно высоким, чтобы устоять перед непрекращавшимися усилиями польских феодалов насилием навязать свой язык и культуру и ополячить народные массы Белоруссии.

На складывание особенностей материальной культуры белорусской народности воздействовал ряд важных факторов. Помимо хозяйственной сноровки и творческих способностей самих народных масс, одним из факторов, придававших известное своеобразие материальной и другим отраслям культуры белорусской народности, было сохранение элементов прежней культуры Древней Руси и даже более ранней культуры, созданной старыми производственными отношениями в недрах восточнославянских племен. Эта сохранность элементов древней культуры, обусловленная известными социально-экономическими причинами, оказалась в большей мере свойственной белорусской народности, чем русской и украинской.

Сельское хозяйство явилось еще более важным фактором, определившим характер материальной культуры основной массы белорусской народности. Земледелие с самых древних времен играло настолько важную роль в производственной деятельности и во всей жизни восточных славян, что в значительной мере определило харак-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 33, стр. 258.

тер их культуры, трудовых навыков, общественного и семейного быта.

Земледелие как основа хозяйства белорусской народности, пронизав собой все стороны ее жизни, обусловило и характер материальной культуры, особенности которой определялись еще и натуральным характером крестьянского хозяйства.

Полунатуральный характер крестьянского земледелия, воздействовавший на потребности, а значит, и на материальную культуру крестьянства, удерживался во многих местностях России и Белоруссии еще в конце XIX в. В. И. Ленин в 1894 г. отмечал, что «в местностях с развитым капитализмом потребности крестьянского населения стоят значительно выше, чем в чисто земледельческих местностях»¹.

Характер материальной культуры белорусской народности находился также в большой зависимости от местных физико-географических, природных и климатических условий, которые определяли и материальные потребности человека (теплое жилище, одежду и т. д.) и давали ему необходимое сырье и материалы для тех или иных производств и изделий.

Известную роль в складывании особенностей материальной культуры белорусов, как уже отмечалось, играли также культурные взаимосвязи с другими народами.

Все эти факторы необходимо иметь в виду, когда речь идет о складывании особенностей материальной культуры белорусской народности.

Крестьянство являлось наиболее многочисленным классом феодального общества, составляло основу белорусской народности. Совершенно естественно поэтому,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 231—232.

что объектом нашего обзора будет преимущественно материальная культура белорусского крестьянства. При этом мы не намерены рассматривать ее во всем объеме и разнообразии. Это должно явиться предметом особого исследования. Свою задачу мы видим в том, чтобы выделить основные особенности наиболее важных отраслей материальной культуры белорусской народности — земледельческих орудий, жилища, пищи, одежды.

Обзор этот целесообразно начать с главных орудий труда в земледелии — основы производственной деятельности белорусской народности, — которых мы уже частично касались, отмечая черты общности в культуре восточных славян.

Здесь наиболее интересным и сложным является вопрос об орудиях обработки земли, их особенностях и типологии. В пахотных орудиях восточнославянских народностей наблюдается заметная общность. Однако на первый взгляд одинаковый тип двузубой сохи имеет ряд местных различий и черт, которые являются в известной степени и этническими особенностями. В пахотные орудия, распространенные на большой территории Восточной Европы, каждый народ применительно к местным условиях и в соответствии с многовековым производственным опытом и давними традициями внес частицу своего творчества, изобретательства, вложил какие-то отличительные черты, которые и придали этим орудиям известный этнический облик.

Это можно отнести также к орудиям обработки почвы, которые сложились и были распространены у белорусов.

В Белоруссии были известны как весьма древние несколько типов двузубой сохи. Это, во-первых, воловья так называемая «литовская», или полесская соха, которая была подробно описана в первой половине XIX в.

Михельсоном, а позже Луневским и Сержпутовским¹. В советский период, в послевоенные годы, эту соху по экземплярам, уцелевшим от старых времен, описала Молчанова².

Во-вторых, это конская соха, для Могилевской губернии описанная Дембовецким,— «не литовская большая, которой пашет пара сильных волов, а мелкая сошка, белорусская, которую тащит одна маленькая лошадка и поднимает всего 2—3 вершка земли»³. Как и воловья соха, могилевская конская соха отваливала пласт в одну сторону, вправо.

Наконец, в-третьих, это та же конская соха, но с перекладной полицей, подробно описанная для Витебской губернии Никифоровским⁴.

Наиболее специфичным типом пахотного орудия белорусов для всего периода складывания и существования белорусской народности была двуральная воловья деревянная соха с двумя полицами. Еще в конце XIX — начале XX в. она была распространена на большей части белорусской этнической территории. Пределы ее распространения на севере можно очертить линией, идущей примерно от Островца Гродненской области на Борисов и Березино Минской области и далее на Гомель и

¹ В. Михельсон. Литовская соха. «Журнал Министерства государственных имуществ», ч. XXX. СПб, 1849, стр. 141—147; T. Łuniewski. Socha litewska v. podłaski. Warszawa, 1899; А. Сержпутовский. Земледельческие орудия Белорусского Полесья. СПб, 1910.

² Л. А. Малчанава. Спосабы апрацоўкі зямлі і сельска-гаспадарчая тэхніка беларускага сялянства да Каstryчніка. «Весці АН БССР», 1959, № 4.

³ А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губ., кн. I. Могилев, 1882, стр. 477; кн. 2. Могилев, 1884, стр. 389, 841.

⁴ Н. Я. Никифоровский. Очарки простонародного житъя-бытъя в Витебской Белоруссии. Витебск, 1895, стр. 387—390.

южнее¹. За пределы Белоруссии воловья двуральная и двухполицовая соха на северо-западе заходила в Литву до линии, ограниченной течениями Немана и Вилии², а на юге — в северную часть Волыни (современные Шацкий, Старовыживский, Ратневский, Любашевский, Камень-Каширский районы)³ и на Киевщину⁴.

Соседние поляки не знали сохи. Зофья Подвиньска в своем исследовании о технике обработки почвы в средневековой Польше рассматривает лишь рало и плуг. Соху она считает пахотным орудием, специфичным для территории северо-восточной Европы и пограничных с Польшей Белоруссии и Литвы⁵. Лишь в Подляшье, восточной области современной Польши, да на северо-востоке Мазовши, была известна двухполицовая воловья соха, называвшаяся там подляской.

В старой этнографической литературе двуральная воловья соха, распространенная главным образом в Белоруссии, называлась «литовской». Здесь сказалась существовавшая в прошлом традиция, по которой все, относившиеся к исторической территории Великого княжества Литовского, соседи называли литовским. Отсюда и белорусское население часто называли литвинами. Так произошло и укоренившееся в литературе название «ли-

¹ См.: Л. А. Малчанава. Спосабы апрацоўкі зямлі..., стр. 89.

² Литовцы. В кн.: «Народы Европейской части СССР», т. II. М., 1964, стр. 37.

³ М. П. Ковалський. Поширення тяглових знарядь обробітку ґрунту в селянських господарствах Волині на початку ХХ ст. Мат-ли з етнографії та мистецтвознавства, вип. VII—VIII. Київ, 1962, стр. 174.

⁴ В. С. Мамонов. Старинные орудия для обработки почвы из с. Староселье на Днепре. «Советская этнография», 1952, № 4, стр. 78.

⁵ Z. Podwińska. Technika uprawy roli w Polsce średniowiecznej. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 277.

товская соха». Фактически это белорусская соха, и так более правильно называть этот тип пахотного орудия.

В условиях сохранявшегося натурального хозяйства почти все орудия труда и предметы материального быта каждый крестьянский двор изготавлял сам из материалов, которые давала окружающая природа. Здесь белорусский крестьянин проявил немало изобретательности, подлинного творчества и умения. Материальная культура народа является своеобразной книгой, в которой можно прочесть о непрекращающихся искааниях, творческих находках и трудовых достижениях. На протяжении своей исторической жизни народы-земледельцы выработали применительно к своим нуждам необходимые орудия сельского хозяйства. В Белоруссии одновременно с двузубой сохой повсеместно сохранялась однозубая сошка, игравшая подсобную роль.

Для дальнейшего рыхления почвы применялась плетеная борона с деревянными зубьями-*клицами* (почти всегда 25), заменившая смык или существовавшая рядом с ним. Весь нехитрый крестьянский инвентарь дополняли лукошко-*связенька*, вилы для выгребания навоза из хлева (*сахор*) и для сбрасывания его с воза (*скапыч*), коса, серп, грабли, цеп для молотьбы и некоторые другие ручные орудия.

Основным типом сельского поселения у белорусов стала деревня уличной формы. Этот тип поселения, известный и ранее, особенно распространился после Уставы на волоки середины XVI в. и принадлежит к этническим признакам белорусской народности.

Основным типом жилища в немногодворных в то время белорусских селах и деревнях-вёсках была бревенчатая курная хата. Она состояла из одного жилого помещения и холодных сеней, располагавшихся обычно под

одной кровлей, крытой соломой, или в виде небольшой пристройки. Такое жилье упоминается в песне:

А ў сеначках,
У сеначках музыка іграіць,
А ў хатынкі,
У святолынкі, хрэзьбінкі гуляюць...¹

Хата на два жилых помещения в быту крепостной деревни была редкостью. В одной старинной белорусской сказке сказочник, желая подчеркнуть несметные богатства «вялікага пана», видит в своем воображении «дом на два вянцы (то есть в два сруба), бальши, прыгожы»².

Внутри крестьянская хата имела самый неприглядный вид: черные, прокопченные дымом стены и потолок; земляной пол; дневной свет еле пробивался сквозь одно-два небольших окошка, волоковых или затянутых бычьим пузырем. Обстановка состояла из небольшого самодельного стола, помещенного в красном углу—«покуці», двух неподвижных лав, идущих вдоль стен и соединяющихся в том же углу, небольшой переносной скамьи — «услонна», помоста — «пола» для спанья и «светача», или «лучніка» — приспособления для освещения лучиной. Главное место в хате занимала печь.

Известное новшество наметилось в белорусском крестьянском жилище в первой половине XIX в. Правда, еще господствовала курная хата, внешний вид и внутреннее убранство которой производили угнетающее впечатление. Однако после воссоединения Белоруссии с Россией в белорусской деревне, прежде всего среди казенных кресть-

¹ А. Шлюбскі. Матэрыялы для вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны, ч. II. Мінск, 1928, стр. 7.

² Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. III. Витебск, 1887, стр. 222.

ян, начинают появляться хаты с дымоходами. В Гродненской губернии, по данным конца 50-х—начала 60-х годов, у казенных крестьян было уже около 50% «белых» хат, то есть с дымоходами. У помещичьих крестьян только менее восьмой части хат были с дымоходами¹. Показательно, что курная хата, оказывавшая отрицательное влияние на быт и здоровье крестьян, начинает беспокоить общественность. Даже Белорусское вольно-экономическое общество, созданное в 1825 г. для содействия развитию помещичьего хозяйства, одной из своих целей объявило «поставлять примеры построений, необходимых в сельском быту»². Вопрос о курной хате в белорусской деревне вселяет и на страницах периодической печати. В 1862 г. петербургские «Экономические записки» писали: «Достаточно взглянуть на избу мужика и особенно во время, когда топится печка, на эти черные стены, закопченные лица и одежду людей, на несчастных, в угол забившихся детей, чтобы убедиться, до какой степени важно и необходимо заменить курные хаты белыми»³. Все это долгое время оставалось лишь благими пожеланиями. Широкое распространение хат с дымоходами началось в Белоруссии только в последние десятилетия XIX в. под влиянием развития капитализма и воздействием городской культуры.

Источником пищи для крестьянской семьи являлись обрабатываемые участок поля, огород и домашний скот. Известным подспорьем было собирание съедобных растений, грибов, плодов и ягод.

¹ П. Бобровский. Гродненская губерния, ч. I. СПб, 1863, стр. 493.

² Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II. Мінск, 1940, стр. 74.

³ К. Д. Быт белорусского крестьянина, его средства и потребности. «Экономические записки». СПб, 1862, № 21, стр. 161—162.

Основой питания служил ржаной с различными примесями хлеб. По описанию белорусского этнографа Н. Я. Никифоровского, крепостной крестьянин Витебщины «продовольствовался мякинным хлебом, или половинником, запивал первою подручною водою, изредка — острым квасом»¹. В неурожайные голодные годы хлеб пекли из лебеды, домешивали бобовник, древесные гнилушки, торф, глину².

В широком обиходе были мучные блюда — ржаная солодуха, или кулага, затирка, колотушка, овсяный кисель, толокно.

Жидкие блюда осенью и зимой готовили из капусты и свеклы, весной и летом — из щавеля, крапивы, свекловичной ботвы.

Особенно голодной была весна, время бесхлебицы и бескормицы, когда давно уже кончались мизерные запасы и, как шутливо пелось в песне, «салому сякуць — пірагі пякуць, сенам падмазваюць». Крестьянин ждал прихода тепла, а вместе с ним «шнітку-матку», дзягеля-бацьку, щавеля-братку, крапіўку-сястрыцу»³ — съедобные растения.

Картофель разводили уже в XVIII в., однако он еще оставался огородной культурой и не играл той роли в питании белоруса, которую стал играть позднее, с середины XIX в.

Мясо, преимущественно солонину, ели редко. И все же, несмотря на недостаток пищи, белорусская народная кулинария знает большое разнообразие национальных блюд,

¹ Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии, стр. 1.

² Там же, стр. 6.

³ А. Е. Богданович. Пережитки древнего мироозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 103.

созданных изобретательностью, опытом и умением многих поколений женщин-крестьянок.

Предметы домашней утвари и посуда, кухонная и столовая, для хранения продуктов и для приготовления корма скоту, различные по своей форме и размерам, были деревянные и глиняные, также плетеные из лозы и соломы.

Материальный быт основной массы белорусского народа, крестьянства, после воссоединения Белоруссии с Россией почти ничем не изменился в сравнении с предыдущим периодом. Это и естественно, так как не изменилось социально-экономическое положение крестьянства: в полной своей силе оставалось крепостное право, а крестьянское хозяйство, хотя все более и втягивалось в товарно-денежные отношения, но в значительной мере сохраняло еще свой натуральный характер. К тому же следует иметь в виду опустошение и разорение, принесенные крестьянам Белоруссии в 1812 г. солдатами неприятельской армии Наполеона. Война заметно нарушила экономическую жизнь страны.

Относительно питания белорусских крестьян витебский губернатор в своем отчете в 1807 г. писал: «При самой обильной здесь жатве, редкие из поселян употребляют в пищу чистый хлеб; но самая большая оных часть примешивает всегда к нему мякину; при неудачном же урожае, как-то ныне было сряду два года, крестьяне сами собою прокормиться никак не могут...»¹ Значительно позже, в 1831 г., генерал-губернатор Могилевской и Витебской губерний вновь докладывал: «Совершенно скучная непитательная пища, состоящая из мякины, а иногда и соломы, испеченной с примесью весьма худой муки, доводящая в некоторых местах крестьян до голода и

¹ Документы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II, стр. 135.

болезней»¹. Таковы официальные признания представителей царских властей в Белоруссии.

Заметным подспорьем к пище, которую давал белорусу-крестьянину обрабатываемый участок земли, были дары леса, реки, болота. Заготовленные летом и осенью впрок сушеные ягоды, грибы, мелкая рыбешка служили некоторым дополнением к скучному запасу хлеба, которого обычно едва хватало до середины зимы. С большим художественным мастерством и подлинной этнографической наблюдательностью об этом говорится в романе белорусского писателя Ивана Мележа «Люди на болоте», изображающем жизнь полесской деревни еще в сравнительно недавнем прошлом: «Ягоды были не каким-то лакомством, как у других,—в Куренях ягодами кормились, ягоды собирали, сушили для продажи, ради денег, на черный зимний или весенний день. Лес был помощник полю, скупой, ненадежной земле.

Помогало полю болото, тихие, теплые, заросшие осокой заводи, заросшие топкие канавы... В Куренях, пожалуй, не было такой хаты, которая не имела бы рыболовной снасти... Если хорошо походить с лета до осени, то все же кое-что соберется перебить постнятину. Ягоды, рыба да грибы — все одно к одному, все как-то поможет продержаться и с мелким картофелем и никудыщным хлебом»².

Материальный быт феодалов, шляхты и городской знати представлял собой резкий контраст тому, что знали народные массы. Жилище феодальной знати, например, ни в какое сравнение не шло с жалкой курной хатой крестьянина. Панский дом — «палац», даже если он был деревянный, всем своим видом — размерами, ко-

¹ Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі, т. II, стр. 78.

² Ів. Мележ. Людзі на балоце. Мінск, 1962, стр. 40—42.

лоннами и другими внешними атрибутами — был призван подавлять разбросанные кругом деревни-владения, вселять страх их жителям.

В XVII—XVIII вв. в Белоруссии было выстроено много панских дворов и магнатских замков, окруженных хозяйственными и парадными дворами, парками (замок в Ольшанах, построенный в XVII в., дворцы в Даречине, Щорсах, Ружанах XVIII в. и др.)¹.

Вместе с тем феодальная знать щеголяла в богатой одежде, пошитой из дорогих «заморских» материй, кичилась своими роскошными выездами-каретами, дорогой сбруей, заграничной мебелью, коврами, посудой. Чрезмерная расточительность панов за счет угнетенных крестьян заставила Гродненский поветовый сеймик высказаться за запрещение ввоза из-за границы предметов роскоши — «драгоценостей, фарфора, британских кружев, дорогих тканей, парижского сукна», которые, «обладая внешним блеском, пригодны лишь для удовлетворения тщеславия»².

Характерные черты приобрела белорусская народная одежда. После языка именно она, пожалуй, может служить важным этническим признаком. Одежда принадлежит и к наиболее ярким элементам материальной культуры белорусов, сохранившим многие свои особенности на протяжении веков, несмотря на суровый социальный и иноземный гнет и внешние культурные влияния соседей.

Для белорусской традиционной одежды, после того как сложились ее основные особенности, было характерно относительное единство как всего комплекса народного костюма, так и главных его частей на всей территории

¹ М. Капер. Белорусская архитектура. Исторический очерк. Минск, 1956, стр. 70—75.

² Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 199.

расселения белорусской народности. Областные особенности проявлялись преимущественно в характере украшений одежды, в ее расцветке и покрое. В отдельных чертах белорусской домотканой одежды оказались связи с соседними народами.

Основные части мужского костюма белорусского крестьянина составляли белая полотняная сорочка (*рубаха, кашулья*), полотняные штаны (*нагавіцы*) и пояс. Наиболее древним «покроем» рубахи был туникообразный¹. Раскроем одежды в подлинном смысле домашние швеи овластили, по-видимому, сравнительно поздно.

Туникообразная мужская рубаха шилась так: кусок домотканого полотна нужной длины перегибался по ширине, поперек, т. е. по утку, на сгибе вырезался шейный вырез, а на одной из сторон полотнища делался продольный грудной разрез. К этой основной части рубахи — стану, с боков пришивалось по одному полотнищу, перегнутому вдоль, то есть по основе. Сверху пришивались прямые рукава, а между ними и боковыми полотнищами вшивались небольшие прямоугольники (*ластавіцы* или *цвіклі*). Мужская рубаха доходила до колен, а старики носили часто длинные рубахи и ниже колен.

Характерной особенностью белорусской мужской рубахи был прямой грудной разрез. Этим она отличалась от более поздней по времени появления русской косоворотки, у которой разрез был на левой стороне груди. У выходной, праздничной рубахи, которая по возможности шилась из более тонкого отбеленного полотна, вдоль грудного разреза, прикрывая его, шла широкая полоса, отделанная вышивкой (*манішка, грудзіна*). Такая рубаха с прямым грудным разрезом была известна и украинцам и является, по-видимому, весьма древней.

¹ От лат. *tunica* — длинной белой одежды у древних римлян.

Вышивкой или тканым узором в нарядной мужской рубахе покрывались также подол, края рукавов и воротник (*каўнерык*), обычно отложной или низкий стоячий. В более древних мужских рубахах вовсе не было воротника. В таком случае ткань у шейного выреза собиралась в сборки. Во время работы крестьяне носили рубахи без всяких украшений. Такой же, как того требовал обычай, была и рубаха, приготовленная «на смерць».

У ворота рубаха завязывалась двумя пришитыми тесемками или красным шнурком (*жычкай*) или застегивалась на одну (деревянную, металлическую) пуговку. В отличие от украинцев, носивших рубахи заправленными в штаны, белорусские мужчины, как и русские, носили рубахи поверх штанов.

Рубаха подвязывалась цветным шерстяным поясом разной ширины. Пояс был обязательной частью мужского костюма белоруса. Завязывался пояс таким образом, чтобы, обвив талию несколько раз, концы его свисали вместе спереди или врозь на боку, чаще на левом. Старая белорусская загадка, отразив традиционную манеру подвязывания поясом, говорит: «Ты ідзі туды, а я туды, а сыдзэмся на пуповай гары»¹.

В пограничных районах Белоруссии наряду с сорочкой встречались и другие виды нижней и плечевой одежды. Н. Н. Улащик обнаружил, например, в инвентаре Брестско-Кобринской экономии середины XVIII в. рисунки, изображающие белорусских крестьян за работой, одетых по-летнему, в коротенькие, стянутые у пояса курточки и узкие штаны².

¹ M. Federowski. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej, t. IV. Warszawa, 1935, стр. 479.

² Н. Н. Улащик. Изображение белорусских крестьян и их орудий труда середины XVIII в. Проблемы источниковедения, XI. М., 1963, стр. 209.

Поясную мужскую одежду составляли штаны (*порты, порткі, нагавіцы, ганавіцы, майткі*), обычно узкие, холщовые, полусуконные или суконные. Холщовые штаны носили летом; шились они как из белой, некрашеной ткани, так и из цветной, чаще полосатой, темных тонов. Зимой поверх полотняных обычно надевались суконные или полусуконные штаны, называвшиеся иногда *суконнікамі*.

Характерные черты белорусского народного костюма были ярче выражены в женской крестьянской одежде. Основу ее, как и мужской одежды, составляла рубаха (*кашуля*), одна из наиболее древних частей одежды вообще, надевавшейся непосредственно на тело. У восточных славян в летнюю страду, во время полевых работ, особенно на жатве, рубаха часто служила единственной одеждой женщины-крестьянки¹. Еще в даревоэволюционное время в летние месяцы во многих деревнях рубаха была единственным одеянием деревенских детей и подростков — девочек и мальчиков — до 12—15 лет.

Так же, как в мужской одежде, древнейшим типом женской рубахи была рубаха туникообразного покрова, сохранявшаяся в одежде старух еще в продолжение XIX в. Со временем наиболее распространенным типом становится женская рубаха с прямыми поликами (*палікамі, устайлкамі*) — прямоугольными вставками на плечах — обычно из более тонкого полотна, украшенными вышитым или чаще тканым орнаментом. Прямые полики, известные также в женской одежде украинцев, русских, соседних поляков, принадлежали к распространенным

¹ Работа крестьянок в одних рубахах, подвязанных пояском или передником позади, наблюдалась еще в 20-х гг., в доколхозной деревне, во время жатвы в Лельчицком и Туровском районах нынешней Гомельской области.

особенностям белорусской женской рубахи. Первоначально прямые полики в виде наплечных нашивок сочетались с туникообразным кроем рубахи, но постепенно полики-вставки сделались самостоятельной конструктивной деталью усложнившегося покрова крестьянской женской рубахи.

В ряде мест Белоруссии, особенно в Полесье, узором часто украшалось все видимое поле рукава женской нарядной рубахи.

К характерным особенностям белорусской женской рубахи относится также отсутствие в ней воротника или позднейшее его развитие в виде еле выступающего стоячего воротничка, хотя был широко известен и отложной воротник, гладкий или со сборками (*брыжамі*). От шейного выреза шел длинный, почти до пояса, грудной разрез посередине полотнища. Шилась рубаха чаще в три полотнища (*полкі*), причем стан рубахи обычно состоял из двух сшитых частей: верхней и нижней. Верхняя часть была из лучшего, кужельного полотна, а нижняя — из более простой, грубой ткани — «эрэбія» и называлась *падстаўкай*, *падстанушкай*, *падстаноўкай*, *постаўкай*, *падтычкай*.

Помимо поликов и рукавного поля, в женской рубахе украшались еще манжеты, место вокруг шейного выреза (при отсутствии воротника), редко воротник, а также подол и иногда места вдоль грудного разреза. Подол рубахи хоть и украшался, но, как правило, никогда не выступал из-под поясной одежды, как это было принято в украинском женском костюме. Подол рубахи выставлялся лишь тогда, когда она носилась с поневой.

Застегивалась женская рубаха, как и мужская, цветной тесемкой, продетой через петельки, или одной пуговкой у ворота.

Женской поясной одеждой, надевавшейся непосредственно поверх рубахи, служили разного рода юбки (*спадницы*) из домотканины — льняные, полусуконные и шерстяные. Шились они в несколько полотнищ (*полок*).

В будние летние дни женщина-крестьянка носила белую полотняную юбку, иногда только на подоле украшенную узкой полоской тканого орнамента. В праздничные дни выходной одеждой также служила льняная домотканская юбка, но если она была сшита из белого полотна, то богаче украшалась тканым узором (*натыканнем*), более широкой полосой ярко-красного орнамента. Праздничные сподницы шили также из цветной льняной домотканины, однотонной, в полосы или в клетку.

Летние домотканые льняные юбки бытовали в Белоруссии в разных вариантах, различавшихся по цвету ткани, ее рисунку или выделке, количеству полотнищ, из которых она сшила. В зависимости от этого и до сих пор такие юбки известны под различными названиями: *саматканка* (Толочинский, Климовичский, Быховский, Славгородский и другие районы), *саматканик* (Кричевский район и северо-восток Витебщины), *саматкáнак* (Бетковский район), *парцяник* (Рогачевский, Горецкий, районы), *дрýлішка* (Лиозненский район), иногда по-старинному *сайн* (север Витебщины) и даже *хвартух* (Быховский район)¹. Общим же наиболее распространенным названием этой части летней женской одежды была *спадница*.

Зимние и праздничные юбки шились из полусуконной ткани, изготовленной на льняной основе с шерстяным утком или из чисто шерстяной ткани домашнего производства. Полусуконная юбка называлась *палаўінник* или

¹ Из записей автора. Материалы этнографических экспедиций АН БССР 1955—1956 гг.

дрыліх (север Витебщины), *трынітоўка* (Могилевщина) и т. п.

Шерстяная или полусуконная домотканая юбка из яркой полосатой или клетчатой ткани почти повсеместно называлась *андарак* и являлась наиболее характерной поясной одеждой белорусской крестьянки¹. В некоторых местах Гродненщины, Могилевщины и Гомельщины андараки шились из однотонной темной ткани, но преобладали полосатые. Областные различия андарака проявлялись в характере и направлении полос; андараки с горизонтальными полосами были больше распространены в южных и западных областях Белоруссии², с вертикальными — в восточных и северных. Везде встречались андараки в клетку (*у шашкі*).

Другим названием шерстяной или полуsherстяной цветной юбки было *саян*, известное восточным славянам и до сих пор сохранившееся, как название зимней суконной юбки, в некоторых местах Мозырского Полесья и у белорусов Бельского повята Белостокского воеводства в Польше, а также в разных пунктах Могилевской и Го-

¹ Из других местных названий андарака нами зафиксированы *суконник* (Городокский район), *сукня* (Гродненщина), *камлёт* (Горецкий, Мстиславльский районы), *фарэнда*, или *бялёўка*, — андарак из белого домашнего сукна в светлую небольшую клетку (Случчина).

Само название андарак не ясно. Предположение В. И. Даля (Толковый словарь, т. I, М., 1955, стр. 17), а вслед за ним и Д. К. Зеленина (Russische (Ostslavische) Volkskunde. Leipzig, 1927) о происхождении этого названия от нем. Unterrock нельзя считать обоснованным. Название это (*andarokas*) известно и литовцам, в традиционной одежде которых обнаруживается ряд черт, близких с белорусской одеждой.

² Пилип Пестрак в «Сустрэнемся на барыкадах» (ки. I. Мінск, 1954, стр. 411) приметил на одной из своих героинь характерную для Западной Белоруссии «спадніцу-андарак з дробнымі складкамі, з малінавымі і жоўтымі палоскамі».

мельской областей. Однако, как свидетельствуют некоторые произведения фольклора, между саяном и андараком существовали различия. Саян первоначально, вероятно, был частью богатой одежды, и его шили из дорогостоящей ткани. В одной песне из записей В. Н. Добровольского, например, мать советовала своему сыну не брать в жены «саянницы», «бушмашнницы», то есть богатую, бездельницу, а взять лучше «андарашнницу», хорошую «работницу»¹. Сам же Добровольский в составленном им словаре, приложенном к его сборнику, слово «саяница» объясняет так: «Франтиха, носящая саян, то есть дорогоешелковое платье». Происхождение названия *саян* связано с называнием привозной дорогой ткани *сая*³, широко известной в XVI—XVII вв., в частности, среди феодальной знати и богатых горожан Речи Посполитой. В одном документе 1663 г., перечне предметов, похищенных у вдовы Катюшки в Старом Быхове, называется «саян синий суконный шталтом червчатым обьяненным цена 10 рублей»⁴. Саяны стали шить себе и крестьянские женщины из домотканой цветной шерсти или полусукна. Название это бытовало наряду с более распространенным названием этой части женского крестьянского костюма — андарак. По сохранившейся до наших дней народной терминологии традиционной одежды можно видеть, что название андарак бытовало на преобладающей части

¹ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. IV. М., 1903, стр. 195.

² Там же, стр. 710.

³ См.: А. Вгисклег. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, стр. 479. Подробный разбор см. у Э. А. Вольтера. К вопросу о «саянах». Известия ОРЯС РАН, т. XXII, кн. I. Пг., 1917, стр. 117—126.

⁴ Акты Московского государства, т. 3. СПб, 1901, № 627, стр. 523.

Белоруссии, особенно в ее восточных и центральных областях и на западе Брестчины и Гродненщины; лишь спорадически оно встречалось на северо-западе Белоруссии и в области Пинского Полесья¹. Такое распространение названия андарак еще более усложняет вопрос о его происхождении, но исключает, по-видимому, его генетическую связь с литовским *andarokas*, все еще оставляя некоторый козырь в руках сторонников происхождения белорусского андарака от нем. *Untergrock*, предположение которых мы не можем признать убедительным.

Андарак и *саян* были идентичными названиями одного и того же типа женской одежды — цветной полосатой домотканой юбки. Н. Я. Никифоровский приводит строку из припевки: «У Лявоніхі съян з пылым» и поясняет: саян, «он же «андырак»². То же отмечает В. Н. Добровольский для Смоленщины: «Саян полосатый андарак»³. В Ковенской губернии саян, по Далю, — это «исподница, юбка, особенно суконная»⁴.

Название *саян*, взятое из материального быта состоятельных слоев феодального общества, могло появиться в народном обиходе не раньше XV—XVI вв. Время появления, как и само происхождение названия *андарак*, остается пока неясным. Более древним, безусловно, является название *спадніца*, известное на всей территории расселения белорусов и означающее юбку различных типов.

Искусно вытканный андарак придавал красочность белорусскому народному костюму. Стремление придать

¹ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, карта 329.

² Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья, стр. 117, XXIII (примеч. 254).

³ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

⁴ В. Даль. Толковый словарь, т. IV, стр. 139.

своей одежде, какой бы убогой она ни была, более красивый и изящный вид свойственно народам и племенам всех времен. Андарак и принадлежал к наиболее нарядным частям одежды белорусской крестьянки, которая вкладывала в его изготовление много старания и свой художественный вкус. Никифоровский указывал, что витебский «сыян» или андарак — это «юбка со специальным тканьем», пестрым, разноцветным, что ткань, идущая на щитье саяна-андарака, имеет не только «полосатую цветистость», но тчется также «у мачинки, у клятушки, у кукушки, у ялушки»¹.

Особенностью белорусского андарака была небольшая вставка впереди из ткани другого цвета или из холста, прикрывавшаяся фартуком. Происхождение этой вставки не вполне ясно. Интересные соображения о связи вставки в андараке с историей развития более ранних видов женской поясной одежды и древними верованиями высказал этнограф А. К. Супинский².

Из Белоруссии андарак проник в среду русских Смоленщины, Брянщины, Орловщины.

На востоке территории расселения белорусов — в восточной части Витебщины, северо-восточных районах Могилевщины, а также на Смоленщине сложился еще особый тип андарака, представляющий собой сочетание поясной и плечевой одежды в виде юбки с пришитым к ней лифом. Одежда эта сохранила белорусское название андарака, а во многих местах своего бытования называлась саяном. По своей форме этот тип андарака с

¹ Н. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытия, стр. 116—117.

² А. К. Супинский. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 102—136.

пришитым лифом приближается к великорусскому сарафану, под влиянием которого он, вероятно, и возник. Об этом говорит также и область распространения этой одежды в близком соседстве с русскими. Но нам кажется, что мы вправе поставить и такой вопрос: не является ли русский сарафан, или какой-либо его местный вид, дальнейшим развитием белорусского андарака с лифом? Этот вопрос покажется тем более правомерным, если обратить внимание на некоторые факты. В Дмитровском районе Московской области, юго-восточных районах Калининской, а также в Курской областях бытовал термин «саян» применительно к косоклинному сарафану¹. В некоторых местах Архангельской, Вологодской и Кировской областей сарафан называли кунтышом², то есть термином, обозначающим польскую плечевую одежду, который также мог проникнуть к северным великорусам через белорусов. И что особенно примечательно, в Вельском уезде Вологодской губернии, в которой имелись белорусы-переселенцы, «шерстяная полосатая юбка превратилась в сарафан на лямках»³. И. С. Абрамов в работе о курских саянах прямо связывает появление этой одежды в Курской губернии с выходцами «из Польско-Литовского Поднепровья», начавшими переселяться туда после Люблинской унии 1569 г.⁴

Характерные для женского народного костюма белорусский андарак, саян и вообще сподница заменили собой

¹ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, стр. 636. См. также И. С. Абрамов. О курских саянах. «Живая старина», XV, 1906, вып. III, стр. 203—220. (В Курском уезде известен даже сарафан «саянский», стр. 207).

² Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, стр. 636.

³ Там же, стр. 635.

⁴ И. С. Абрамов. О курских саянах, стр. 220.

более древнюю форму несшитой или неполностью сшитой одежды. Этот старинный вид женской поясной одежды, известный всем славянам, до недавнего времени сохранялся в некоторых районах Гомельской и Могилевской областей, расположенных на границе с украинским и южнорусским населением, а также в отдельных местах Полесья. Одежда эта была известна под названиями *панёва*, *панёйка*, *плахта*, *полка* и состояла из двух кусков цветной клетчатой шерстяной ткани, сшитой по длине до половины. В расцветке поневной ткани преобладали темносиний фон и оранжевые или бордовые клетки. Эта форма поясной одежды близка украинской плахте и южнорусской поневе¹, однако у белорусов она приобрела свои характерные особенности. Прежде всего белорусская понева отличалась способом ношения: перегнутая поперек понева надевалась сзади вокруг талии, но ближе к правому боку, под некоторым уклоном, свисая углом. Свешиваемые с боков несшитые концы поневы — *крыски* подтыкались за пояс в виде *закрылін*, а незакрытая спереди часть рубахи прикрывалась фартуком. Подобный способ ношения поневы автор наблюдал еще в 1930 г. в д. Неглюбка Светиловичского (ныне Ветковского) района Гомельской обл. Поневу носили там только замужние женщины. Девочки же и девушки-подростки вместо поневы носили поверх рубахи только так называемую калышку, четырехугольный кусок поневной ткани, прикрепленный сзади в виде фартука красным шерстяным плетеным поясом или тканым поясом-крайкой.

В деревнях Бабцы, Кальник и других селениях около

¹ См.: Н. П. Гринкова. Русская понева юго-западных районов РСФСР. Сборник Музея антропологии и этнографии, XII. М.—Л., 1949, стр. 5—42.

Березины Борисовского уезда Минской губернии также сохранялась неполностью сшитая поясная одежда — *хвартух* из белого полотна, украшенного по краям тканым орнаментом. На это указывал В. Тройца в рецензии на брошюру А. Бульбы о белорусской девичьей одежде, упрекнув ее автора в том, что он даже не упомянул о такой «очень характерной и старой форме сподницы». Эту поясную одежду шили, как каждую юбку, только не «у звон», т. е. оставляя несшитыми края, и обивали ею стан. По поводу такого *хвартуха* поговорка гласила: «Сем пол — бок гол»¹.

Белорусская понева в отличие от южнорусской поневы, сшивавшейся минимум из трех узких полотниц², состояла из двух полотниц-полок, сшитых до половины их длины. Наиболее близкой к белорусской была понева из юго-западной части Севского уезда Орловской губернии, описанная Д. Святским в начале XX в. Она тоже состояла из двух полотниц, сшитых до середины. Сходной она была и по способу ношения: сшитая часть покрывала стан сзади, а две свободные части заворачивались спереди, спускаясь одна на другую³. Особенность манеры ношения севской поневы состояла в том, что сшитая часть приподнималась и затыкалась одним концом на правом боку у поясницы, образуя так называемый «кулек». Это «половидное одеяние» — так с барским высокомерием Святский назвал своеобразный костюм севских крестьянок — и по расцветке напоминало белорусскую поневу: она имела красный, реже желтый рисунок по черному

¹ «Маладая Беларусь», серия I, сшытак I. Пб, 1912, стр. 159.

² Н. П. Гринкова. Очерки по истории развития русской одежды. «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 73.

³ Д. Святский. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний. СПб, 1910, стр. 3.

полю¹. Белорусские заимствования в одежде, как и в других областях культуры и языке Севской стороны, вполне объяснимы, если учесть, что «в старину здесь проходили «Литовский и Черкасский рубежи» и что, как свидетельствуют исторические документы, еще в XVII в. «белорусцы кормились в Комарицкой волости работою»².

Характерной особенностью как белорусской, так и южнорусской поневы являлась клетчатость ткани, из которой она изготавлялась. В узоре поневной ткани обязательна клетка. И если в некоторых местах Могилевщины на позднейшую, полностью сшитую сподницу-андарак было перенесено название более древней поневы, то это, по-видимому, потому, что андраки в тех местах, как нам удалось заметить, шились из клетчатой домотканины. Можно предположить поэтому, что в местах распространения клетчатого андрака последний относительно поздно заменил несшитую поясную одежду — поневу.

Понева и близкие к ней виды несшитой или неполностью сшитой женской поясной одежды (плахта, запаска) были известны всем трем восточнославянским народам и, вероятно, принадлежат к общему наследию древнерусской культуры. Более того, общность названий и покроя, как правильно отметила Г. С. Маслова, позволяет считать несшитую поясную одежду восточных славян «одной из исконных форм одежды славян, хотя у каждого народа она развивалась своеобразными путями и создавалась специфика в покрое, характере ткани и способах ношения»³.

Поверх сподницы либо андрака обычно подвязывал-

¹ Д. Святский. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний, стр. 3—4.

² Там же, стр. 1, 10.

³ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, стр. 635.

ся передник (*хвартух, запаска*), состоявший из одного или двух сшитых полотнищ-полок. Передник также генетически связан с древней поясной одеждой, представлявшей собой одно или несколько полотнищ, которые обертывались и прикреплялись поясом вокруг бедер. Остатки этой древней одежды еще в XIX в. сохранялись у украинцев Черниговской губернии и белорусов-полешуков в виде так называемой плахты и запаски¹.

У сформировавшейся белорусской народности не позже XV—XVI вв. общераспространенной народной формой женской поясной одежды стала сшитая кругом (*у звон*) юбка — сподница, полосатый андарак, саян, — бытавшая в ряде вариантов. Лишь в окраинных районах территории расселения белорусов (в южной части Полесья, на востоке Гомельщины и Могилевщины) еще долго сохранялись также старинные формы типа поневы и плахты.

Одной из составных частей народного костюма белорусской крестьянки примерно в тот же период стала также цветная безрукавка — *кабат, шнуроўка, гарсэцік*². Она шилась в талию с большим грудным вырезом из цветной ткани и украшалась вышивкой, тесьмой или аппликацией. С помощью шнурков или пуговиц безрукавка туго стягивалась спереди, одновременно выполняя функцию лифа.

Как в самой безрукавке белорусского женского костюма, так и в ее названии (*кабат*) заметны связи с одеждой поляков и прибалтийских народов — литовцев и латышей.

¹ См.: Г. С. М а с л о в а. Народная одежда русских, украинцев и белорусов, стр. 631—632.

² Среди других местных названий известны также *кітлік* (Витебщина), *шворак, шварка* или *ушварка* (Гомельщина), *шніроўка* (Пинщина), *нагруднік* и др.

Необходимой и характерной частью белорусского народного костюма издавна являлся яркий цветной пояс. Кроме тканого пояса (*крайкі*), изготавливавшегося с помощью специального бердочка, широко был известен также плетеный или вязаный пояс. Им подпоясывалась мужская рубаха, верхняя распашная одежда, поддерживалась на талии женская поясная одежда. Но пояс имел не только утилитарное значение, не в меньшей степени он служил украшением костюма — мужского и женского. Отсюда тщательность, усердие и художественный вкус, которые вкладывались в изготовление поясов. Ткались они обычно на белой льняной основе, на которой отчетливо выступали цветные шерстяные нитки утка, образующие узор. В поясе преобладал красный цвет. Плетеные шерстяные пояса, бытовавшие больше в южных уездах Белоруссии, были однотонными красного цвета.

Более разнообразная одежда, особенно женская, встречалась в пограничных, обычно переходных, смешанных районах, где всегда сильнее были экономические и культурные связи с соседями.

В юго-западных районах белорусской этнической территории, на стыке расселения белорусов, украинцев и поляков-мазовшан были распространены малоизвестные в других местах Белоруссии белые полотняные нарядные юбки (*летнікі*), все поле которых покрывалось ярким тканым орнаментом в виде широкой каймы на подоле и сужающихся кверху поперечных полос. Там же бытовали шерстяные однотонные юбки с широкой узорной каймой на подоле (*буркі*). Встречались там и своеобразные украшения женской рубахи продольными полосами на рукавах и грудном разрезе, несшитая запаска в качестве рабочей поясной одежды, известная и на Украине, разновидности наметки и других женских головных уборов.

В Турово-Пинском белорусско-украинском пограничье (особенно в пределах нынешних Столинского и Лельчицкого районов) широкое распространение имели крупные растительные формы (розы, маки) и так называемые зубы, полосы из слитых треугольников, в украшении женской одежды.

Во многих местах Новогрудчины и Вилейщины в обиходе были *гарсэцікі* из темных или черных тканей, кончавшиеся внизу *скірдэлямі*, своеобразными фалдами, которые заходили одна на другую и не имели прорех, «как в краковских и литовских»¹. На восточной окраине нынешней Гомельской области носили полотняный орнаментированный нагрудник-*запінку* и др.

Верхней теплой одеждой белорусов служила суконная *світка* почти одинакового покроя для мужчин и женщин белого, серого или темнокоричневого цвета (в зависимости от масти овец, с которых взята шерсть). В некоторых местах Белоруссии, преимущественно в восточной части Гродненщины, носили черные свитки. Они плотно облегали талию и расходились по бокам двумя клиньями, обычно обшитыми по рубцам черным или цветным шнуром (*вýсам*). Женские свитки, кроме того, украшались еще по талии (с боков) небольшими розетками или завитушками из цветных шерстяных ниток. Для северной части Белоруссии (Витебщины, Полотчины) характерной верхней одеждой был так называемый *насоў*, или *касталан*, — длинный белый балахон из грубого домотканого полотна с прямой спиной и часто с широким отложным воротником. *Насоў* носили как летом, так и зимой. В зимнее время он обычно надевался на кожух, чтобы уберечь овчинную шубу в лесу, в дороге, на работе.

¹ А. Бульба. Колькі слоў аб дзявочай апратцы на Беларусі. Вільня, 1911, стр. 7.

На Витебщине носили короткие выше колен *насаўкі* из тонкого белого узорчатого полотна (*у клетачку, у ёлачку, у шэсць ніцін*). Это была мужская праздничная верхняя одежда, надевавшаяся на рубаху. В отбеленном и отглаженном до блеска¹ *насаўкү* ходили в гости, на кирмаш, в церковь.

Наиболее распространенной зимней одеждой были овчинные тулупы (*кажухі*) и полуушубки. Кожух чаще шили с прямой спиной, но встречались также кожухи, перехваченные в талии. Зимней одеждой служили также армяк, чуйка, бурнос, изготовленные из темного домотканого сукна. Шились они с прямой спинкой.

Почти единственным видом повседневной обуви — мужской и женской, летней и зимней — у основной массы белорусского крестьянства были плетеные лыковые или лозовые лапти, которые укреплялись на ногах с помощью пеньковых или шерстяных веревок, тканой тесьмы или длинных ремешков (*аборы, валокі*). В Белоруссии было известно несколько разновидностей лаптей. Различали, например, зрячие лапти, без передней большой строки, и слепые, закрытые передней строкой. Зрячий лапоть был больше распространен на Полесье, среди болот. На севере Витебщины такие легкие лапти без голо-вок и запяток, которые обували летом, были известны под названием *кавярні* или *шарбачні* в отличие от глубоких густосплетенных лаптей — *пахраснёй* или *пахланёй*².

Лапти обувались на ноги, обернутые *анучкамі*, квадратными кусками полотна. Зимой часто пользовались суконными онучами. Обора, своей серединой протянутая

¹ Одежду гладили кабаным клыком. Зап. автором в 1960 г. в б. Сиротинском районе от старого сельского портного Е. Т. Зуева.

² П. В. Шейн. Материалы..., т. III, стр. 8, 44.

через ушки лаптя, двумя концами перевивала ногу выше щиколотки и завязывалась. Для способа ношения лаптей в Белоруссии было характерно обвивание ноги оборой невысоко над щиколоткой, до 10 см. На Витебщине и севере Могилевщины нога обивалась оборой значительно выше, по голени, и завязывалась ниже колена¹.

Сапоги (*боты*) и ботинки (*чаравікі*) имели только более зажиточные крестьяне. Бедняки, если и шили сапоги раз в жизни, то на всю семью одну пару. Обували их к свадьбе и в особо торжественных случаях.

Наиболее характерными мужскими головными уборами белорусов были белые и серые, изредка коричневые валяные шапки (*валёнкі, магеркі, маргелкі*) двух видов: с прямой высокой тульей и с низким плоским верхом. В обоих случаях валенки были с плотно прижатыми полями, хотя встречались магерки в виде колпака без полей. Для лета изготавливали также круглые шляпы с широкими полями (*брывль*) из соломы, иногда из камыша и даже из лозы. На зиму шили овчинную шапку шерстью наружу (*кучму*), а также ушанку (*аблавуху*) из заячьего меха или из овчины.

Головные уборы женщин-белорусок отличались заметным разнообразием в зависимости от возраста, семейного положения, а также от прически девушки, молодой женщины и старухи. Девушки, по давнему обычаяу, заплетали свои волосы в одну или две косы и носили их часто с *уплётамі*, ничем вообще не покрывая головы. Среди девичьих головных уборов был ряд таких, которые оставляли непокрытой макушку: обручик с налобником, украшенным орнаментом, цветная лента, повязанная в круглый на голове, узкий тонкий *ручнічок* или *шырынка* с ор-

¹ П. В. Шейн. Материалы..., т. III, стр. 8, 44.

наментированными налобником и концами, спадающими на спину.

Под венец девушка становилась в нарядном *падвянечніку*. В ходе свадебной обрядности невесте расплетали косу, расчесывали волосы, завивали их вместе с льняной тканкой *у гужы*, которыми обивали голову наподобие венка. На эту веночную прическу надевали чепец и поверх всего навивали длинное тонкое полотенце — *намётку* или *наметку*¹. После выхода замуж женщина, таким образом, переставала носить косы и убирала волосы под чепец. По старому обычаю ей запрещалось появляться при посторонних и при родственниках мужа с непокрытой головой. Головными уборами замужних женщин были наметка в различной навивке и шитый чепец (*каптур*) с вышитым налобником, тонкий полотняный *павязнік* с орнаментированным налобником и концами, которые спускались на спину или на плечи, а также полотнятый или шерстяной платок, повязанный *калачом* или *пад барадү*.

Украшением мужского костюма служил цветной тканый или плетеный пояс, на котором обычно подвешивалась *каліта*, небольшая кожаная сумочка. В ней хранились кресало, кремень, трут, капшук с табаком, люлька. К поясу также подвешивалась *шабёта*, кожаный чехолик для рабочего ножа.

Женскими украшениями были *маністы*, *ксралі*, *пáцеркі*. Носили также кольца, медные, изредка серебряные. Серьги не были широко распространены.

¹ О перемене головного убора при выходе замуж поется в свадебной песне:

Цяпер жа ж мне хустка пустка,
Да цяпер мне каснік гнуснік,
Да цяпер мне тканка каханка,
Да цяпер мне чапец маладец.

(M. Federowski. Lud Białoruski, t. V. Warszawa, 1958, стр. 393).

В одежде, быть может, в большей степени, чем в других областях материальной культуры, сказались классовые и сословные различия феодального общества. Одежда феодальных верхов, крупной и мелкой, застенковой шляхты, состоятельных горожан и городских низов, ремесленников и других резко отличалась от одежды основной массы народа — крестьянства как своим материалом, так и формами, покроем, подражанием иноземным образцам.

Имущественные различия проявлялись и в крестьянской одежде феодальной эпохи. В зависимости от материальных возможностей крестьянской семьи одежда отличалась качеством ткани, степенью отделки, различия сказывались и в обуви, головных уборах и т. п.

Основная масса крестьянства феодальной эпохи испытывала большую нужду в одежде, одевалась во все льняное и пеньковое, обувалась в лапти, хорошую одежду видела лишь на панах и панях, да в мечтах, часто выражавшихся в сказках и песнях.

Заметно стала отличаться от традиционной крестьянской одежды одежда горожан-мящан, хотя еще долго, по-видимому, особенно в среде городских низов, не порвавших связей с деревней, сохранялись отдельные черты народного костюма. Из описания Б. Таннера, во второй половине XVII в. проезжавшего Белоруссию, можно предположить, что еще в то время «большинство женщин» Могилева носили некий вид наметки и одевались в носовы. О могилевских горожанках Таннер писал: «Особенно чудна их одежа: голову оне покрывают рогатой шапкой (*mitra cornuto*), а сверху накидывают длинное покрываю-ло; носят мех, висящий с плеч наподобие плаща»¹.

¹ Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891, стр. 26.

Совершенно иной была обувь белорусских горожан. Она изготавлялась из кожи и была довольно разнообразна по типам. По материалам белорусского археолога Г. В. Штыхова видно, что в древнем Полоцке XI—XIV вв. было развито сапожное ремесло, знавшее уже сапожную колодку и ряд видов обуви: башмаки, туфли, полусапожки, сапоги¹. Лаптей белорусские горожане не носили. Даже в древних слоях Полоцка археологи ни разу не обнаружили следов плетеных лыковых лаптей². Могилевские горожанки, как свидетельствует Б. Таннер, которому это показалось почему-то «смешнее всего», обувались «в большие пепельного цвета сапоги (*ostreis indutae*)³, то есть достигающие колен.

Одежда горожан отличалась от крестьянской одежды своей расцветкой. В старинной белорусской свадебной песне крестьянская девушка-невеста отвергает шляхту, мещан «у черных чарніах», отдав предпочтение своему «чаяльдзіначку», который в «белой сярмажаццы»⁴.

Шляхта застенков, околиц и фольварков, кичась своим дворянским происхождением, всегда стремилась одеждой выделить себя из массы «мужиков». По позднейшим свидетельствам второй половины XIX в. известно, например, что мелкая шляхта Могилевской губернии старалась и внешним своим видом не походить на мужиков— брила бороду и носила усы, избегала носить крестьянскую свит-

¹ Г. В. Штыхай. Шавецкае рамяство старажытнага Полацка. «Весці АН БССР». Серыя грамадскіх науک. 1962, № 3, стр. 81—80.

² Там же, стр. 87.

³ Б. Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году, стр. 26.

⁴ М. Гарэцкі. Гісторыя беларускай літаратуры. Вільня, 1920, стр. 50.

ку и мәгерку¹. Белорусская шляхта Гродненского уезда «вместо сермяг» носила «длинные сурдуты до пят, хотя материалом для них служило то же домотканое крестьянское сукно. Шеи повязывали желтыми платками... Зимние кожухи покрывались домотканым сукном»². Одежда женщины-шляхтянки нередко выделялась своими яркими, кричащими тонами, пестротой, граничащей с безвкусицей.

Стремление белорусской шляхты выделить себя одеждой из среды крестьян отразил великий польский писатель Адам Мицкевич, уроженец и прекрасный знаток быта Новогрудчины крепостной поры. В поэме «Пан Тадеуш», в которой неоднократно называются белорусские места: Ошмяны, Лида, Кореличи, Новогрудок, Мир, Негрымово, Ятра, Горбатовичи, река Вileйка, Налибокский лес, Куписское поле, он писал о шляхте:

Теперь Добжинские работают немало
И только что сермяг, как прочие, не носят,
В холстине крашеной и жнут они и косят
Да ходят в кунтушах. Шляхтянок платья тоже
Расцветкою одной с крестьянскими не схожи:
И рядятся они в миткаль, а не в холстину,
В ботинках, не в лаптях, пасут свою скотину.
В перчатках лен прядут и на поле гнут спину...³

Одежда высшей феодальной знати в значительной мере следовала за иноземной модой и изготавлялась из дорогих привозных тканей. «Сводил нас всех с ума кумир французской моды,—писал А. Мицкевич о быте богатой

¹ А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губернии, кн. I, стр. 600.

² П. В. Шейн. Материалы..., т. III, стр. 76.

³ А. Мицкевич. Избр. произв. в двух томах, т. II. Перевод с польского. М.; 1955, стр. 409.

шляхты.— Хоть мода и глупа, но говорят, однако: что выдумал француз, то мило для поляка!»¹

Лишь подлинно народный костюм основан на простоте и целесообразности его линий. В области народной одежды даже в тяжелых условиях феодальной действительности не прекращалось творчество, совершенствование форм отдельных частей кастюма.

В белорусской народной одежде, основные типы которой сложились в феодальную эпоху, встречаются великолепные образцы, поражающие своей формой, цветовым сочетанием (при ограниченных возможностях естественных красителей), изящной отделкой, разумным покроем.

¹ А. Мицкевич. Избр. произв. в двух томах, т. II, стр. 288—289.

Некоторые особенности духовной культуры белорусской народности

Духовный облик белорусской народности создали ее общественные и семейные обычай и обряды, верования, выработанные веками моральные нормы, мысли, народное искусство, устнопоэтическое творчество, развитие литературы и общественно-политической мысли, культура в целом во всем ее богатстве и своеобразии.

Складывание особенностей духовной культуры белорусов определялось конкретными условиями того или иного периода истории и этнического развития белорусской народности.

Однако не следует представлять себе, что даже на позднем этапе развития белорусской народности были уже достигнуты полная общность и единство ее культуры. Как в общенародном белорусском языке еще сохранялись многие диалектные различия, так и в области культуры, общность которой постепенно складывалась, оставались незатронутыми многие областные особенности, проявившие живучесть. Причиной этого был уровень развития экономических связей между отдельными частями этнической территории белорусской народности, остававшийся еще низким. В эпоху феодализма, как известно, экономические связи между отдельными землями, частями кня-

жества Литовского и Речи Посполитой были еще относительно слабыми.

На ранних этапах развития белорусской народности культурная общность сперва проявлялась в тех явлениях культуры, которые принадлежали наследию прошлого: в древних обрядах и обычаях, разных празднествах, оставшихся от дохристианской поры, в обрядовых жанрах фольклора и т. п. Исторические условия развития Белоруссии способствовали длительному сохранению древних форм культуры, и это также наложило свой отпечаток на культуру белорусской народности, на создание ее своеобразия.

В дореволюционной этнографической и исторической литературе подчеркивалась особая сохранность архаических элементов в языке, обрядах, фольклоре и материальном быту белорусов, отмечая это как характерную черту их культуры. Газета «Правительственный вестник», например, выражая взгляды официальных кругов и казенной науки царской России конца XIX в., писала: «У белорусов более, чем у какого-либо другого славянского племени, сохранилось всякого рода суеверий и обрядов с полухристианским-полуязыческим характером»¹. П. Бессонов, рассматривая купальскую обрядность в Белоруссии, считал необходимым подчеркнуть: «Белая Русь сохранила и в обряде торжества, и в песнях, его сопровождающих, отзвуки самой седой старины, как нигде у славян»².

Сохранность многочисленных древних черт в народном быту белорусов в феодальную и даже в капиталистическую эпохи является бесспорным фактом. Однако этот факт обычно не получал правильного объяснения.

¹ «Правительственный вестник», 1893, 2 февраля, № 26.

² П. Бессонов. Белорусские песни. М., 1871, стр. 28.

Многие дворянские и буржуазные исследователи тенденциозно объявляли его результатом и показателем отсталости, косности и застоя в культурном развитии белорусского народа. Некоторые пытались объяснить наличие архаизмов в белорусской народной культуре даже особыми чертами «характера» белорусов. Один скрывший свою настоящую фамилию автор писал, например, так: «Среди такой природы живет тихий, трудолюбивый, приветливый народ — белорусы, потомки древних кривичей. Они до сих пор сохранили одежду, язык и некоторые обычай своих предков. Причины этого застоя заключаются в склонности белорусов к домоседству и в нежелании их знакомиться с иноплеменными соседями»¹.

Подобные «толкования», понятно, нельзя принимать всерьез. Они антинаучны, ибо целиком игнорируют социально-экономические причины и конкретные факты исторического развития Белоруссии, обусловившие сохранение многих традиционных элементов в быту и культуре народных масс. Эти причины кроются не только в уровне развития продуктивных сил в эпоху феодализма, не только в чудовищной крепостной неволе, в которой пребывало белорусское крестьянство, но и в упорной борьбе за сохранение своей народности, которую вели народные массы Белоруссии против панского-католической агрессии. Этот аспект необходимо иметь в виду, рассматривая вопрос о месте и роли архаического, традиционного в культуре белорусской народности эпохи феодализма.

В этой главе мы остановимся лишь на некоторых явлениях духовной культуры белорусской народности, связанных с религиозными верованиями, аграрной и семейной обрядностью, устнопоэтическим творчеством.

¹ Белоруска. В Белоруссии. Эскиз. «Дневник писателя». М., 1909, сентябрь, стр. 40.

В феодальном обществе господствующей идеологией была идеология религиозная. Ее внедряли в сознание народных масс и поддерживали эксплуататорская верхушка общества и государственная власть всей системой своего политического и духовного господства.

Официальной религией белорусской народности, так же как русской и украинской, было христианство. Христианская религия стала распространяться среди восточных славян в период существования древнерусской народности после так называемого крещения Руси, с конца X в., в форме византийского православия. Почти до XVII в. православие сохранялось в среде белорусской народности, даже находясь под властью литовских и польских феодалов-католиков, в качестве единственной господствующей религии. Но уже на ранней стадии своего развития белорусская народность имела возможность познакомиться от своих ближайших соседей и с католической формой христианства. В Польском государстве католицизм стал господствующей религией с конца X в., а в конце XIV в. были насильственно обращены в католическую веру соседние литовцы.

Польские магнаты и шляхта, направляемые Ватиканом, всеми средствами стремились навязать католицизм также белорусскому и украинскому народам. Промежуточной ступенью к католичеству должна была явиться уния, которую польские феодалы начали насильственно насаждать на белорусской земле после Брестской унии 1596 г. Но благодаря упорному сопротивлению белорусских крестьян и горожан магнатам Речи Посполитой не удалось окатоличить белорусский народ. Только сравнительно небольшой части белорусов-униатов под принуждением их панов-католиков или под напором ксендзовской пропаганды была навязана католическая вера. По-

сле воссоединения Белоруссии с Россией и распада Речи Посполитой уния, возникшая на принуждении, в 1839 г. была ликвидирована. В итоге большинство белорусов-униатов не без нового принуждения со стороны царизма вновь было присоединено к православной церкви. Реформационное движение второй половины XVI в. и его наиболее радикальное течение — антитринитаризм, так же как позднейшие «ереси», помимо части горожан, почти не затронуло основную народную массу — крестьянство. Но и без того с конца XVI—XVII в. среди белорусской народности создалось довольно сложное сплетение религиозных вероисповеданий, сопровождавшееся религиозной борьбой. По официальным вероисповеданиям после введения унии белорусы первоначально разделялись на православных и униатов, а несколько позднее и на католиков.

Что касается белорусов-католиков, то они двоякого происхождения. Одна часть их вышла из среды белорусов-униатов. Их меньше. Большинство же белорусов-католиков, как было выяснено в одной из предыдущих глав, составили потомки обелорушенных литовцев — католиков со времени принятия ими христианства.

Представление о количественном соотношении белорусов-православных и белорусов-католиков можно получить лишь из более поздних данных переписи населения 1897 г., хотя итоговые данные о религиозной принадлежности населения были разработаны не по национальностям, а в целом по губерниям¹.

Пользуясь данными переписи 1897 г. с учетом ряда обстоятельств, вытекающих из фактического националь-

¹ Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., т. I. СПб, 1905, стр. 71—80.

ного состава населения белорусских губерний, можно с достаточной уверенностью установить, что в конце XIX в., почти через 60 лет после ликвидации унии, среди белорусов было примерно 75% православных и 25% католиков. При этом белорусы-православные преобладали в Могилевской и Минской губерниях, а также в большинстве уездов Витебской губернии, исключая уезды Двинский, Режицкий и Люцинский, и в большинстве уездов Гродненской губернии, за исключением Сокольского, значительной части Белостокского и северной части Гродненского уездов. Католики же преобладали среди белорусов Виленской, северо-западной части Гродненской и западных уездов Витебской губерний, то есть на северо-западе Белоруссии. Такая картина размещения католического населения была в основном характерна для Белоруссии и в XVII—XVIII вв., так как северо-западные районы Белоруссии являлись как раз главной зоной расселения обелорушенных литовцев, потомки которых составили большинство белорусов-католиков.

С приведенными расчетами не расходятся и несколько более поздние данные о численности православных и католиков среди всего населения белорусских губерний в 1905 г., находившиеся в распоряжении Министерства внутренних дел (в процентном отношении):

<i>Губерния</i>	<i>Православных</i>	<i>Католиков</i>
Виленская	27,71	58,81
Гродненская	57,53	23,99
Витебская	61,01	23,99 ¹
Минская	73,54	10,22
Могилевская	84,53	3,04 ²

¹ Главным образом за счет населения западных уездов: Двинского, Режицкого и Люцинского.

² ЦГИАЛ, ф. 1022, оп. 1, № 91, л. 6.

Католическая вера не внесла заметных изменений в быт и культуру белорусской народности. В своей основе они остались едиными для белорусов-православных и для белорусов-католиков. Едиными по существу и по форме остались традиционные народные верования и обряды у белорусов-православных и белорусов-католиков. Различия наблюдались, пожалуй, только в деталях некоторых религиозных праздников, например: «вадохрышча» (крещение, 6 января) у православных и «тры каралі» у католиков, праздник «божа цела» (20 июня) у католиков, не отмечаемый православными, и т. п. Это обусловлено главным образом различиями, имеющимися в некоторых доктринах и в церковных культурах православия и католицизма.

Различия в вероисповеданиях у белорусов почти не затронули особенностей материальной культуры народа. Пожалуй, единственной чертой интерьера крестьянского жилища, «выдававшей» католическое вероисповедание его обитателей, был обычай размещения икон в хате: у православных — в самом углу, у католиков — на стенах, по обе стороны угла.

В бытовом отношении вероисповедные различия у белорусов наиболее заметно проявились в антропонимии, особенно в личных именах. Среди белорусов-католиков распространились многие мужские и женские имена, дававшиеся детям согласно католическим святым, а потому неизвестные у белорусов-православных. Таким путем приобрели белорусское «гражданство» такие явно католические или полонизированные имена, распространенные у белорусов северо-западных районов¹.

¹ Из ономастической коллекции автора. См. также: Слоўнік асабовых уласных імян. Укладальник М. Р. Суднік. Мінск. 1965.

Мужские имена: Адольф, Альбін, Альгерд, Альфрэд, Альфонс, Амброжы, Аўгусцін, Баляслаў, Баніфацый, Барташ, Бернанд, Бернат, Багуслаў, Бенядыкт, Браніслаў, Вацлаў, Войцех, Валенты, Вінцэнт, Вальдамар, Вітальд, Вільгельм, Генрых, Гвідон, Габрыян, Гіляр, Герард, Габрусь, Густаў, Губерт, Гераім, Дамінік, Ежы, Зянон, Зігмунд, Здзіслаў, Збігнеў, Імпаліт, Ірэнуш, Казімір, Канрад, Кароль, Каспер, Крыштоф, Людвіг, Леапольд, Луцыян, Матэвуш, Марцель, Мечыслаў, Мальвін, Напалеон, Норберт, Піус, Рычард, Роберт, Рамуальд, Раймонд, Рудольф, Ранаальд, Сузент, Сузан, Станіслаў, Севярын, Тадэуш, Тамаш, Тарэн, Фларыян, Фелікс, Франц, Фрыдрых, Феліцыян, Фабіян, Цэзар, Цырыль, Часлаў, Эдуард, Эмерык, Эдмунд, Юльян, Юстын, Януарый, Язэп, Януш и др.

Женские имена: Альфрэда, Аліцыя, Апалонія, Альжбета, Адальфіна, Альберта, Альдона, Анэля, Альбіна, Адэля, Аўгусціна, Алаіза, Афрыяна, Анжэла, Браніслава, Бугуміла, Бернарда, Багуслава, Бянігда, Бенядыкта, Beатрыса, Валента, Ванда, Вінцэнція, Вільгельміна, Вацлава, Гелена, Генрыка, Генуэфа, Гражына, Гунора, Ганарата, Гераніма, Данута, Даміцэля, Дарота, Дамініка, Зіноўя, Здзіслава, Зузана, Ірэна, Каруся, Казіміра, Канстанцыя, Луцэя, Леангіна, Леанарда, Людвіга, Лючыя, Марта, Міраіда, Марц'яна, Мечыслава, Нарберта, Пеструнеля, Рагіна, Рамуальда, Станіслава, Стэфанія, Сабіна, Севярина, Сяліцыя, Сульвіна, Тарэса, Тафіля, Уладзіслава, Уршуля, Францішка, Фяліцыя, Цыцэлія, Цэзарыя, Часлава, Эдварда, Эмілія, Эльвіра, Эльза, Юсціна, Юзэфа, Ядвіга, Яніна и др.

Некоторые белорусские фамилии также могли свидетельствовать о католическом вероисповедании их носителей. Это преимущественно фамилии патронимического характера, образованные от католического собственного

имени: Амбражэвіч, Адашкевіч, Аўгусціновіч, Альбярто-
віч, Барташэвіч, Багушэвіч, Базылевіч, Бенідзіктовіч,
Бернатовіч, Баўтрукевіч, Валенцюкевіч, Вінцукеvіч, Вай-
цяховіч, Габрусеvіч, Гаспарэвіч, Дзігмунтовіч, Каспаро-
віч, Людвікевіч, Тамашэвіч, Францэвіч и др.

В другие области народного быта белорусов католи-
чество, пожалуй, не внесло заметных отличительных
черт. Распространение христианства в целом не привело
к коренным изменениям старых, дохристианских основ
народных обычаяев, обрядов, верований. Многие древние
верования и обряды, выдержав натиск церкви, не исчез-
ли, а приобрели лишь несколько иные формы или слились
с христианским культом.

Вообще влияние христианства на духовную культуру
белорусской народности проявилось более внешне. Оно
придало некоторым традиционным народным обрядам и
праздникам христианскую окраску, но не изменило по
существу их первоначальный магический, «хозяйствен-
ный» смысл. Церковь, не сумев искоренить древние язы-
ческие празднества, вынуждена была приурочить к ним
свои важнейшие христианские праздники. Основные на-
родные обряды были связаны только с празднованиями
языческого происхождения. Те же праздники и обряды,
которые пришли с христианством и не имели своих язы-
ческих предшественников, например крещение, богооро-
дицыны праздники («прачыстыя», 15 августа, 8 сентября
и 1 октября), воздвижение (14 сентября), дни, посвящен-
ные многочисленным христианским святым, и другие, как
правило, не породили яких народных обрядов и произ-
ведений устного народного творчества. Тем более это мо-
жно сказать о таком церковном празднике, как «дзяявят-
нік» (девятый четверг после пасхи). Праздник был вве-
ден в память о так называемом воссоединении униатов
в 1839 г. и впервые был пышно отмечен православным

духовенством в 1840 г. в Витебске¹. Этот церковный праздник местного значения, хотя и был укоренен в быту белорусского крестьянства в XIX в., однако ни с народной традицией, ни с календарно-обрядовым фольклором никак не был связан.

Материалы народной обрядности свидетельствуют, что белорусское крестьянство относилось к христианской религии и церкви довольно формально, равнодушно или даже с апатией. В одном описании быта крестьян Витебщины, правда, более позднего, конца XIX в., сообщалось: «Отношение здешнего белоруса к религии очень трудно определить: вернее всего будет сказать, что она его вовсе не интересует. В церковь белорусы ходят только для препровождения времени; крестят детей, венчаются в церкви потому только, что без этого нельзя, но внутренняя, духовная сторона религии, кажется, их вовсе не занимает»². Можно думать, что такое отношение белорусского крестьянства к официальной религии и церкви не возникло в капиталистическую эпоху, к которой принадлежит приведенное описание (хотя, безусловно, усилилось в то время), а было свойственно крестьянам и в предыдущую эпоху феодализма.

Догматы христианства, его философия и мораль, смысл многих атрибутов церковного культа мало интересовали основную массу белорусского крестьянства, хотя оно и считало христианство своей извечной религией, верой своих предков, называло православную веру «русской» и отстаивало ее от покушений панско-католической реакции.

¹ Подробное описание см.: Иером. Сергий. Девятник. Вестник Юго-западной России. Киев, 1864, август, стр. 159—169.

² П. В. Шейн. Материалы..., т. III, стр. 13.

Из христианского учения белорусский крестьянин воспринял веру в существование бога — «создателя», «спасителя», которую внущали ему духовники. «В бога веруют, то есть веруют,— читаем мы в том же описании из Витебщины,— что бог «сатварыў свет і ўсіх тварэй і кожнemu даў сваю долю...» Но дальше о боже как о существе милующем и карающем они не имеют ни малейшего понятия. О бессмертии души так выражаются: Ну куды там пойдзіш на той свет? Стухніш, згніеш у грабу — вот і ўсё тут!»¹

Рядом с малопонятным слитным образом бога в трех лицах — «святой троицы» существовали отдельные представления о боже-отце («бог Саваоф», «бог-бацька») и боже-сыне — Христе, навеянные, по-видимому, изображениями на иконах. Постепенно развился также культ божьей матери — «багародзіцы», «прачыстай», «маткі боскай». Ей был посвящен ряд церковных праздников: успение — «першая прачыстая», «спожа», «зельна» (15 августа)², рождество богородицы — «другая», или «малая прачыстая», «спожка», «багач» (8 сентября), покров — «пакроў», «пакровы», «трэцяя прачыстая» (1 октября), а также сретение — «стрэчанне», или «грамніцы» (2 февраля), благовещение — «благавешчанне», «благавешчына» (25 марта) и введение — «уведзенне», «вадзенне» (25 ноября). Содержание и смысл этих праздников народ обычно толковал по-своему. Одновременно белорусский крестьянин хранил и чтил свои многочисленные традиционные религиозно-магические обряды, только внешне окрашенные христианством, и обращался к ним во все поры хозяйственного года и во всех случаях семейного быта.

¹ П. В. Шейн. Материалы..., т. III, стр. 13.

² Все даты религиозных праздников по старому стилю.

Христианский бог и святые в представлениях белоруса, в его преданиях и легендах выступали в образах людей, наделенных всеми «земными» чертами; положительными и отрицательными. Бог, святые и апостолы, как обыкновенные люди, бродили по грешной земле под видом нищих-«старцаў», вмешивались в людские дела, помогали благочестивым, набожным и карали грешников, мстили за малейшее неуважение к себе. Богатый материал, раскрывающий подобные представления о боге и святых, дают белорусские народные сказки и легенды. Временами народные представления о боге приобретали своеобразный характер, отражая глухие отзвуки религиозных ересей XVI—XVII вв.

Нельзя отрицать, конечно, то большое эмоциональное воздействие, которое оказывала на людей как православная, так и католическая церковь всей своей обрядной пышностью, столь резко контрастировавшей с серым, непривлекательным бытом широких масс народа. Однако эмоциональное, а также эстетическое влияние церкви не сказалось на религиозной убежденности народных масс, особенно крестьянства, для которых учение церкви, основные догматы христианства оставались малопонятными и малопривлекательными. Воспринималась главным образом внешняя сторона церковного культа, необычная обстановка церковного ритуала. Здесь к месту вспомнить Ольгу из «Мужиков» А. П. Чехова, которая «многое не понимала, но святые слова, как «аще» и «дондеже», она произносила со сладким замиранием сердца».

К религиозным представлениям основной массы белорусской народности — крестьянства — применима характеристика, данная русскими революционными демократами, «религиозности» русского народа. Здесь также было «еще много суеверия», которое отметил В. Г. Белинский у русского народа, здесь был тот же «образцо-

вый индифферентизм в деле веры». Белинский говорил еще о том, что «мистическая экзальтация» не в натуре русского народа, что у него для этого слишком много здравого смысла, «ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»¹.

Этот «здравый смысл» народа, опиравшийся на многовековый жизненный опыт, а также социальная борьба трудящихся пробивали дорогу к стихийному материализму, а затем к первым проявлениям атеизма.

Характерной особенностью белорусских народных верований и обрядов было своеобразное переплетение христианской религии с более древними аграрно-бытовыми верованиями и обрядово-магическими действиями восточных славян.

Основные обряды белорусов группировались вокруг тех прежде языческих празднований, которые были приурочены к важнейшим в хозяйственном отношении периодам года. Циклизация обрядов опиралась на древнюю основу хозяйственной деятельности восточных славян — земледелие. Годовой круг обрядов поэтому был связан с важнейшими этапами сельскохозяйственных работ и делился на циклы согласно этим этапам. Трудовая основа народного быта определила три главных цикла обрядов: зимний, весенний и летне-осенний.

Назначение зимнего обрядового цикла заключалось в заблаговременном магическом обеспечении урожая и приплода скота на будущий год. Основные обряды выполнялись в этот период в хате или в пределах своей усадьбы. Началом зимнего цикла можно считать «піліпаўку» — шестинедельный пост перед «калядамі»

¹ В. Г. Белинский. Письмо к Гоголю. Собрание сочинений в трех томах, т. 3. М., 1948, стр. 710.

(с середины ноября), а окончанием — масленицу (примерно середина февраля).

Обряды весеннего цикла должны были магически увеличить урожай и сохранить скот. Они совпадали с периодом весенних работ и ухода за посевами. Исполнение обрядов переносилось на двор, на улицу и в поле. Весенний цикл длился от великого поста (примерно со второй половины ферваля) до троицы — «сёмухі» (примерно до конца мая).

Летне-осенний цикл обрядов совпадал с периодом уборки хлебов и лесного сбора ягод и грибов. Обряды были направлены на охранение урожая от покушений злых сил, на обеспечение ему и всему хозяйству спорости и благополучия. Открывался летне-осенний сезон празднованием Купалы — «Купалля», «Івана», «Яна» (в ночь с 23 на 24 июня) и длился до «піліпаўкі», включая осенний сезон свадеб — «вялікую свадзебніцу» (от покрова, 1 октября, до филипповских заговин, 14 ноября), который также зависел от урожая и вообще от результатов хозяйственного года.

Среди многочисленных обрядов и праздников календарного года, сложившихся у белорусов, некоторые особенно выделялись сложным ритуалом и богатой обрядовой поэзией. В зимнем обрядовом цикле следует отметить так называемую «мікольшчыну», или «свячу» (6 декабря); колядование, щедрование и другие обряды и обычаи на святки — «каляды», сопровождавшиеся величальными песнями, ряженем, играми; три «куцці»; гадания на будущий урожай и о замужестве; масленица. В весеннем обрядовом цикле — это закликание весны; пасха — «вялікдзень» с волочебным обрядом; обрядовый выгон скота «на юраўскую расу» (23 апреля); Николин дзень — «Мікола» (9 мая); троица — «сёмуха» с русальным и кустовым обрядами; весенние хороводные игры — «ка-

рагоды», «танкі». В летне-осеннем цикле выделялись купальская обрядность, зажинки и дожинки, покров, «дзяды» осенние и др.

В календарном порядке первое место в годовом кругу древних народных обрядов и празднеств занимали коляды (рус. «святки»), период от рождества — 25 декабря, до крещения — 6 января.

Анализ основных обрядов белорусских коляд, их содержания и смысла ясно показывает, что возникновение их вытекает из забот древнего землероба о будущем урожае и всяческом благополучии в хозяйстве. Наиболее выразителен в этом отношении обряд зазывания и заклинания мороза, совершившийся во время колядного обрядового ужина-кутии. Глава семьи, зачерпнув ложкой кутьи, торжественно вставал из-за стола, стучал кулаком в стену и подчеркнуто грозно выкрикивал: «Мароз, мароз, хадзі куццю есці!..», приказывая при этом, чтобы «улетку» ему «не бывать» и хлеба «не ўбіваць»¹. Приказ подкреплялся угрозой: в противном случае мороз будут «пугай біць». Иногда излагались и требования хозяйки относительно огородных растений, которые являлись предметом ее забот и хлопот: «Не хадзі ні па бабах, ні па гурках, ні па гароах, мяжой абыйдзіся, расой абаліся»².

Такой же характер магического заклинания на урожай первоначально имел и приход колядовщиков с «казой», о чем красноречиво свидетельствовала сама песня, которая при этом исполнялась («Дзе каза ходзіць, там жыта родзіць» и т. д.).

¹ А. С. Дембовецкий. Опыт описания Могилевской губернии, кн. 1, стр. 509.

² А. Петрапавловский. «Коляды» и «купало» в Белоруссии. «Этнографическое обозрение». М., 1908, № 1—2, стр. 161;

Можно предположить, что многие древние обряды уже на ранней стадии формирования белорусской народности утратили свое первоначальное магическое значение и сохранились как традиционные праздничные развлечения. Так произошло, в частности, с колядным обрядом вождения козы, так же как с весенними хороводами, многими обрядами купальской ночи и т. д.

Развлечения и ряжение наиболее типичны для коляд. В первые дни праздника рядились в разных животных и водили их с собой под песни и музыку. В Белоруссии, как и на Украине, особенно распространено было колядное ряжение в козу. Здесь, надо полагать, сохранился наиболее архаический аграрный обряд, если учесть, что именно козлу, козе многие древние народы мира приписывали необычайную плодовитость, которую и стремились магически передать земле.

Не останавливаясь на разборе различных суждений о происхождении обрядов с козой, которые исходили преимущественно из заимствований¹, следует согласиться с мыслью В. Я. Проппа о том, что нельзя признать этот обряд ни заимствованным, ни древнерусским. Известный многим другим народам обряд с козой В. Я. Пропп резонно объясняет «формами мышления, связанными с ранним земледелием»².

Помимо козы или вместе с нею, на коляды водили «кабылу» или «каня», «жорава», «мядзведзя», которых обычно сопровождал «дзед»-поводырь. Ходили и другие ряженые, особенно «цыганы». Маски, как ряжение в целом, также весьма древнего происхождения и генетиче-

¹ См., например, Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. I, стр. 133—134. Он видит в колядном ряжении в козу заимствование «от греко-римской древности».

² В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963, стр. 113.

ски связаны с аграрными обрядами, возникшими на ранней стадии развития земледелия. В Белоруссии все эти древние обряды, превратившиеся в праздничные развлечения, приобрели свои бытовые формы. Они проявились прежде всего в песнях, сопровождавших игры, в номенклатуре их участников и особенно в «представлениях» самого «зверя».

К зимнему празднованию коляд были приурочены также представления батлейки — театра кукол, по-видимому, потому что в первой религиозной части спектакля, разыгравшейся на верхнем ярусе батлейки-ящика, показывались сцены на евангельские сюжеты, которые связаны с рождением Христа.

В процессе развития белорусской народности и его культуры окончательно оформилось зимнее празднование коляд в его наиболее типичных чертах. К ним, как мы видели, принадлежали кутя с заклинанием мороза, колядование и щедрование, исполнение характерных приветственных и величальных песен, развлечения с ряжением, особенно в козу, а также представления батлейки.

К белорусским особенностям весеннего обрядового цикла принадлежали прежде всего волочебный обряд на пасху и обрядность троицы — «сёмухі».

Пасха («вялікдзень», или «вялічка») являлась древним, дохристианским праздником, посвященным приходу «великих дней» развертывания полевых работ и усиления деятельности солнца. Обряды отдавали почести солнцу и духам урожайности земли. После распространения христианства прежнее название «вялікдзень» сохранилось как общеславянское название церковного праздника воскресения Христова (пасхи), а функции и свойства земледельческих духов перешли к христианским святым.

Наиболее интересным в этом празднике был древний, еще дохристианский обычай хождения волочобников, имевший много схожего с колядованием.

И само хождение волочобников, и волочобные песни принадлежат к специфическим особенностям белорусской календарной обрядности. Е. Ф. Карский подчеркивал, что «это исключительная принадлежность белорусов: волочобных песен нет даже у малоруссов», а сославшись на В. Е. Аничкова, добавил: «Из других славян есть подобное у сербов»¹. В западных районах Украины на пасху также ходили по хатам с пением специальных песен — «риндівок», но содержание их другое, не похоже на волочобные².

В. Я. Пропп пытался выяснить, «почему, кроме коляд, существуют еще волочобные песни». Однако как сам подход к этим песням, так и выводы В. Я. Проппа относительно их возникновения являются ошибочными. Он неправильно считает, что волочобные песни — это местное явление, «не вытекающее из аграрных основ, общих всем земледельческим народам»³. Однако даже самое беглое знакомство с белорусскими волочобными песнями убеждает в их аграрной основе. В некоторых текстах ясно видна связь волочобных песен с подсечным земледелием («Святы Збор ляды разбіваешь...»)⁴. И, безусловно, был прав А. Богданович, когда заметил: «Нигде в белорусских песнях не отводится столь почетное место земледельческому труду как в волочобных»⁵.

¹ Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. I, стр. 147.

² См.: Українські народні пісні. Календарно-обрядова лірика. Упорядков. О. І. Дея. Київ, 1963, стр. 14, 227—234.

³ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники, стр. 53.

⁴ В. П. Шейн. Материалы..., т. I, ч. 1. СПб, 1887, стр. 138.

⁵ А. Е. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов, стр. 107—108.

В. Я. Пропп также считает, что пасха, во время которой пелись волочебные песни, чисто церковный праздник, «не имеющий основ в древнем народном календаре», пасха якобы «не сопровождалась исконно народными обрядами»¹. Но и с этим нельзя согласиться. Волочебный обряд и есть тот исконно народный обряд, который совершался перед началом сельскохозяйственных работ на ляде, в поле. Отсюда в волочебных песнях столько места отводится крестьянскому труду: «разбивають лядо, строят соху, точат лемехи («Благавешчанне лемяшы йstryла», «Алексей сохи чэшаць»), пашут, сеют и т. д. Относительно других атрибутов праздника пасхи — крашеных яиц («пісанак»), кулича, творожной пасхи и т. д. общеизвестно, что и они дохристианского происхождения и были только использованы церковным культом.

Неправильное понимание характера волочебных песен и существа древнего празднования великолепия неминуемо привели В. Я. Проппа к ошибочным выводам относительно происхождения волочебного обряда и связанных с ним песен. Вслед за С. В. Максимовым² Пропп считает, что волочебный обряд с песнями есть не что иное, как то же колядование, которое у белорусов было перенесено с коляд на пасху, что это «передвинутый обряд, вторичное, местное белорусское образование»³. Это утверждение опровергается весьма простым фактом. Обрядность коляд со своим циклом песен, широко разработанная у белорусов и никуда «не передвинутая», существовала сама по себе, а волочебный обряд с песнями и со своими отличительными чертами существовал

¹ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники, стр. 53.

² См.: С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб, 1903, стр. 419.

³ В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники, стр. 53.

самостоятельно. Весенние и многие другие полевые работы, о которых пели только волочобные песни, никогда не были содержанием зимних колядок, которые имели свой круг тем — славление хозяина, пожелания ему богатства и благосостояния, частично тема брака. Весеннее происхождение волочобных песен подтверждается и их традиционными рефренами. Среди припевов белорусских волочобных песен наиболее распространенными были: «Зялёны явар, кудравы», «Сад зялёны, вішнёвы», «Віно ж маё зеляно», «Спявайце, браццы, спявайце», «Вясна красна на ўвесь свет» и др.¹ Большинство их, по-видимому, имеет отношение к весне, но никак уже не к зимним колядкам.

Волочобный обряд и песни, очень древние по своему происхождению и аграрной основе, безусловно, принадлежали к общему восточно-славянскому наследию. Однако в силу исторических причин в процессе формирования и развития белорусской народности волочобный обряд и волочобные песни сложились и укрепились как общее и специфическое явление в культуре и быте народных масс Белоруссии, главным образом крестьянства. Церковь старалась приспособить волочобный обряд к своим целям и превратить его в обряд христославления. Однако народную основу волочобного обряда и песен не удалось поколебать. В некоторых случаях в старых песнях появился только новый припев — «Хрыстос вакрос сын божы», а белорусам-католикам, у которых также целиком сохранились традиционные волочобные песни, удалось навязать искусственный псалм «Wiesoły» (*«Wiesoły dzień nam dziś nastął, Jezus Chrystus z mart-*

¹ См.: Р. Шырма. Беларускія народныя песні, т. 3. Мінск, 1962, № 22—57.

wych wstał). Псалм этот в народе и не признавался волочебной песней. Говорили: «Спываць вэсёлэга».

В летне-осеннем обрядовом цикле важнейшее место занимало празднование Купалы —«купалля», проводившееся в Белоруссии особенно пышно. Оно приходилось на период наибольшего расцвета природы, вызревания хлебов и начала жатвы. По древним народным верованиям земля и ее недра раскрывают в это время свои щедрые дары, однако злые, враждебные силы стараются как можно больше навредить человеку и его хозяйству. Купальская обрядность имела поэтому явно очистительный и охранительный характер.

В одной песне из Сенненского уезда пелось:

Купала на Івана!
А ў нас сянні вартоўна нач...
Змяя ходзіць, кароў доіць...¹

Большую роль в купальской обрядности играли огонь (костры, через которые прыгали, сжигание смолы, старых колес, соломы, мусора, чучела) и вода (купание, качание в росе) — известные всем религиям очистительные средства.

Важным элементом купальской обрядности была растительность. Отсюда и известная легенда о чудесном папоротнике, который якобы цветет в купальскую ночь и раскрывает клады земли; отсюда и обычай собирать целебные травы, завивать венки и т. п.

Белорусские семейно-бытовые обряды в своем первоначальном виде, как и обряды календарно-годового круга, также возникли и сформировались в эпоху первобытнообщинного строя, среди восточнославянских племен, а

¹ Е. Р. Романов. Белорусский сборник, вып. 1—2. Киев, 1886, стр. 278, № 5.

позднее стали общим достоянием древнерусской народности. В эпоху же развитого феодализма, продолжая свое бытование уже среди отдельных восточнославянских народностей и сохраняя многие черты общности, семейная обрядность, изменяясь в новых исторических условиях, приобрела свои отличительные русские, украинские или белорусские особенности.

Обрядность, связанная с рождением человека, в разном этническом проявлении свойственна всем народам мира. Она прошла длинный и сложный путь развития, вобрав в себя черты разных этапов истории общества. Сквозь толщу веков донесла она живое дыхание людей родового строя, дала возможность ощутить их заботы о существовании, мировоззрение и поэзию.

В основе родинной обрядности лежало естественное стремление ближайших родичей облегчить страдания роженицы, а также уберечь ее и новорожденного от вредного и пагубного воздействия злых, враждебных, «нечистых» сил. Многие «меры» в этом направлении принимала сама женщина уже задолго до наступления родов, на протяжении всего периода беременности. От первого и до последнего дня этот период был насыщен бесчисленным множеством суеверий, примет, ограничений и запретов, призванных регулировать поведение беременной и предостерегать от действий, опасных для нее самой и будущего ребенка. Так, народные установления особенно советовали беременной избегать испуга, беременной запрещалось смотреть на покойника, чтобы ребенок не был болезненным и бледным, носить одежду с узелками, чтобы не накликать трудные роды, и т. п. Заботы и беспокойство все возрастали и достигали наибольшего напряжения к моменту наступления родов. Прежде всего старались уберечь роженицу от посторонних глаз, чтобы избежать сглаза и злого колдовства.

Для облегчения родов применяли приемы простейшей магии, которым одинаково служили разные предметы домашнего обихода и церковного культа. Народные религиозные представления не видели здесь никакой разницы. Наиболее распространенным магическим приемом облегчения родов было развязывание всех узлов, находившихся в хате. «Действенными» средствами считались также отмыкание замков, распускание поясов, расстегивание воротников, открывание дверей и другие подобные действия и заговоры, которые, согласно магическим представлениям, должны были облегчить страдания роженицы. При особенно трудных и затяжных родах шли к попу просить, чтобы он раскрыл царские врата в церкви. Здесь священник — служитель Христа — подчинялся законам той же первобытной языческой магии, на которой основывались развязывание узлов и другие колдовские приемы.

В условиях, когда отсутствовала еще всякая организованная медицинская помощь, о которой крепостной крестьянин, естественно, не имел никакого представления, при затяжных родах на помощь приходили практические приемы народной медицины, основанные не на знахарской магии, а на житейском опыте. Так, бабка заставляла роженицу соскакивать с невысокой колодки или скамейки, перепрыгивать через порог, подымать тяжести, роженице сдавливали и растирали живот и т. п.

В обрядах послеродового периода основное место опять-таки занимали магические действия, призванные уберечь новорожденного от враждебной, «нечистой» силы, а также заботы о его счастливой доле. Защиту новорожденного и мать от злых сил должны были обеспечить очищающие обряды, среди которых важнейшую роль играло обмывание водой. С древнейших времен у всех племен и народов, в том числе и у славян, вода считалась

сильнейшим очистительным и охранительным средством. Обмывание водой или окунание в ней также являлось важным обрядом защиты от злых сил, который совершался над новорожденным и существовал задолго до введения в начале II тысячелетия христианского таинства крещения. Более того, церковный обряд крещения вобрал в себя первобытные верования древних людей, которые придавали воде чудодейственную силу, способную отгонять враждебных духов. При более внимательном взгляде на христианский обряд крещения становится очевидным, что он, как и многие другие элементы церковного культа, имеет своих языческих предков, против которых так рьяно боролась христианская религия. Так, одно из важнейших христианских таинств, которое по убеждениям верующих происходит от бога, своими корнями уходит в глубь дохристианской религии. В основе христианского обряда крещения лежит тот же первобытный взгляд на магическое значение воды.

Акад. Б. А. Рыбаков, знаток восточнославянских древностей, правильно отмечает: «В интересах господствующей религии было изображать языческое мировоззрение как бы диаметрально противоположным христианству; язычество рассматривалось как более примитивное мышление.

У нас нет оснований к такому противопоставлению. И христианство, и разные формы дохристианских верований, условно называемых «язычеством», одинаково восходят к первобытному, дикарскому мышлению»¹.

Христианство почти не изменило сущности языческого обряда омовения новорожденного. Сохранив его

¹ Б. А. Рыбаков. Славянское язычество. В кн.: «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.». М., 1962, стр. 11.

значение очистительного и охранного магического средства, христианство придало этому древнему народному обряду церковную форму крещения и приспособила его к своим религиозным догмам и своей идеологии. Таинство крещения церковь связала с христианским учением о грехе, от которого обряд якобы освобождает человека. Обряд крещения стал актом приобщения новорожденного к церкви, признаком принадлежности родившегося человека к христианской вере.

Церковный обряд крещения был одним из первых обрядов, которые христианская церковь начала насаждать среди древнерусского населения. Собственно говоря, с помощью этого обряда («крещения Руси») новая религия не без принуждения и насилия пришла в Киевскую Русь и обосновалась в ней. Как ни противились народные массы насилию насаждаемой чуждой им религии и обрядности, они вынуждены были в конце концов покориться силе. Постепенно в народный быт проникли обряды, которые требовала церковь,—крещение, венчание, отпевание — в чудовищном переплетении со старой языческой традицией, еще долго сохранявшейся в народе. Упорными и настойчивыми усилиями церкви удалось привить веру в то, что окрещенный ребенок будет жить и расти здоровым. К тому же к обряду крещения было приурочено присвоение имени новорожденному, что стало делом священника. Все это определило те жизненные соображения, которые, наконец, склонили опутанные религиозными предрассудками народные массы к выполнению требований религиозного культа.

Церковный обряд крещения распространился в Белоруссии в двух видах: у православных — путем опускания ребенка в воду, а у католиков — обливания его. Фактически этот церковный ритуал являлся продолжением народных родинных обрядов и слаживался прово-

дившимся вслед за ним традиционным народным празднеством, которое после введения церковного крещения стали называть «хрэсьбінамі» или «ксцінамі».

Кум и кума, или «хросны бацька» и «хросная маці» новорожденного (по церковной терминологии — восприемники)¹, вместе с «бабкой» принадлежали к важнейшим действующим лицам празднования крестин. Основная функция кумов заключалась в том, что они несли ребенка к попу или ксендзу крестить, участвовали в этом церковном обряде, принимали из рук священника окрещенного ребенка, а вернувшись домой, передавали своего крестника его родителям. В кумовья обычно приглашались добрые соседи или знакомые (отказ быть кумом или кумой считался грехом). За крестинным столом кумовьев усаживали рядом с бабкой как самых почетных гостей, в красном углу — «покуці». Так же, как бабку, кумовьев одаривали, «да іх» пели песни.

Все это — и фигуры кумов-восприемников и характер их участия в крестинном ритуале — отмечено отчетливой окраской христианской религии, господствовавшей в те времена в Белоруссии. Однако как сами крестьяне, хоть и связанные с церковным обрядом, имели своей основой дохристианские обряды очищения и принятия новорожденного в род, общину, так и кумовья не были порождением христианской религии. Церковь приписала кумовьям-«восприемникам» духовное родство. Но здесь, как и в других случаях приспособления новой религии к дохристианским верованиям, народным обычаям и общественным институциям, она стремилась «христианизи-

¹ От *воспринимать*, *восприять* — брать, принимать, получать. *Восприятие от купели*. (См.: В. Даль. Толковый словарь, т. 1, стр. 250). Восприемники — это те, кто принимали ребенка после церковного обряда крещения.

ровать» и «облагородить» и это, по-видимому, весьма древнее общественное явление, каким был институт кумовьев.

Можно предположить, что участие кума и кумы в церковном обряде крещения заменило собой какие-то другие, очень древние функции, которые кумовья как представители рода или общины выполняли в ритуале посвящения нового члена рода.

Сущность обряда кумования, само кумовство и история их происхождения нуждаются еще в дополнительном специальном исследовании. Одно представляется бесспорным: крестинные кумы, которым христианская религия стремилась придать святость непосредственных участников таинства крещения, были известны еще задолго до возникновения христианства как исполнители древних языческих ритуалов, и прежде всего посвятительных родинных обрядов. Из этого вытекает и то уважение, которым окружены кумовья на крестинах. Оно имеет глубокие корни в истории народного быта и культуры.

Если значение «бабкі» при самом рождении и в дальнейшем воспитании ребенка совершенно понятно, то не должно быть ошибочного взгляда и на место кумовьев в крестьянском семейном быту феодальной эпохи. Их роль как «восприемников», «хросных», помогавших священнику в свершении обряда приобщения ребенка к «истинной» христианской церкви, естественно, более позднего происхождения. Не эта функция кумовьев обусловила уважение, которое проявлял к ним народ, вообще достаточно равнодушный к догматам и таинствам официальной религии.

Церковь придала институту кумовьев лишь внешнюю христианскую окраску. Функции же кумовьев имели более глубокие корни, ведущие к древнейшим **стоям**

доклассового общества. Выступая там в качестве представителей рода, общины, кумовья руководили ритуалом приема новорожденного в род, беря этим самым, по-видимому, известные обязанности по отношению к ребенку и на будущее время. Последнее обстоятельство уже в классовом обществе при дальнейшем ослаблении родственных связей и усилении роли соседских, общинных отношений приобретало важное значение в крестьянском быту. Сохранив в некоторой степени свои прошлые функции, кумовья в новых условиях классового феодального общества продолжали нести своего рода патронажные обязанности, освященные обычаем,— следили за ростом и воспитанием своего «хросніка», в отдельных случаях помогали ему. В свою очередь и «хроснік» соответственно относился к своим «хросным бацькам». Этого требовал древний обычай. Таким образом, генетически кумовство совершенно не связано с христианской религией и ее культурами.

Кумовство возникло задолго до появления христианства и продолжало существовать на совершенно реальной, жизненной основе, являясь в условиях феодальной деревни своеобразной формой соседской, межсемейной взаимопомощи и взаимоподдержки.

Влиянием церковной морали следует считать утверждение о духовном родстве «падхросных» кумовьев. Как известно, по учению церкви кумовья-восприемники объявлены духовно-родственными, поэтому физическая близость между ними считается особенно греховной. Отсюда же и мотив греховности в крестинных песнях о взаимоотношениях кумовьев навеян христианской религией и является относительно более позднего происхождения в сравнении с другими мотивами осуждения чрезмерно вольного поведения кумовьев.

Взгляд на нарушение моральных норм кумовьями как на греховность, с которым мы встречаемся, кстати, редко, в крестьянских песнях, безусловно христианского, а значит, и более позднего происхождения. Последнее подтверждается и тем, что взгляд на поведение кумовьев как на грех мы находим и в частушках — в жанре, который, как известно, намного моложе крестьянской обрядовой песни. В одной крестьянской припевке, например, на недозволенные притязания кума возмущенная кума отвечает:

Чы ты, куме, п'яны?
Чы ты апентаны?
Чы ты, куме, зышоў з ума?
То ж я твая родна кума!¹

Стремление устанавливать генетическую связь абсолютно всех норм морали, свойственных народу, с религиозными учениями было характерно для большинства дворянско-буржуазных исследователей. Но подобные утверждения противоречат исторической правде. Нравственность возникла раньше религии и во всяком случае раньше появления важнейших господствующих религий мира. Г. В. Плеханов писал: «В истории развития человечества нравственность возникает раньше, чем люди начинают освящать ее предписания ссылкой на волю сверхъестественных существ»².

В семейно-обрядовой поэзии белорусов прежде всего обращают на себя внимание родинные, или крестьянские («хрэсьбінныя») песни. Они представляют собой замет-

¹ M. Federowski. Lud Białoruski, t. VI. Warszawa, 1960, стр. 558. № 4082.

² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1956, стр. 310. О происхождении нравственности см. также: А. Ф. Шишкян. Основы марксистской этики. М., 1961, стр. 56—60.

ное явление в белорусском обрядовом фольклоре и принадлежат к его специфическим особенностям. Ни русской и ни украинской семейно-обрядовой поэзии крестьянские песни не свойственны. Так, о родинных, или крестьянских, песнях в прошлом совсем не упоминается в большинстве общих курсов и учебных пособий по русскому фольклору.

Здесь важно подчеркнуть одно характерное обстоятельство. В то время как у русских и украинцев крестьянские песни отмечены преимущественно в смежных или близких к Белоруссии районах, у белорусов же этот вид обрядовой поэзии распространен на всей их этнической территории.

Вероятно, белорусским влиянием можно объяснить наличие крестьянских песен у ближайших западных соседей белорусов — поляков-мазовщан¹. У других соседних народов родинные, или крестьянские, песни как особый вид обрядового творчества были распространены у литовцев (*gimintines*, и ли *Krikstines dainos*) и у латышей (*dīmītas driesmas*).

Рассмотренные факты говорят о том, что ареалом родинной, или крестьянской, обрядовой поэзии на территории расселения восточного славянства является Белоруссия. Крестьянские песни, таким образом, как и календарные волоцобные песни, принадлежат к характерным специфическим явлениям белорусского обрядового фольклора.

Все это не означает, что русским и украинцам никогда не были известны родинные песни. Наличие многочисленных обрядов и магических действий при рождении ребенка в быте славянских племен и древнерусской народности, о чем свидетельствуют позднейшие записи,

¹ St. Dworakowski. *Zwyczaje rodzinne*, стр. 37.

позволяет предположить, что и родинный ритуал, и родинные песни в качестве наследия прошлых эпох первоначально были свойственны всем восточнославянским народностям. Однако соответствующие исторические условия в одном случае позже привели к исчезновению крестьянской поэзии у русских и украинцев, в другом случае — содействовали сохранению ее у белорусов¹.

Много своеобразных черт мы находим в белорусской свадебной обрядности. Мы рассмотрим здесь лишь некоторые из них.

По обычаю, установленному с древнейших времен и продиктованному хозяйственными соображениями, свадьбыправлялись в известные сезоны. Больше всего свадеб спрашивали поздней осенью после уборки урожая и окончания других полевых работ, когда крестьянская семья некоторое время жила в относительном достатке. Это был период от праздника покровов (1 октября) до затворенья на филипповский пост (14 ноября), известный на Витебщине под названием «вялікай свадзебніцы». Вторым важным сезоном свадеб был так называемый зимний мясоед — «малая свадзебница» — в течение января-февраля (от рождества до масленицы). «Гуляли» свадьбы также на троицу, перед началом жатвы. В этом были особенно заинтересованы родители «маладога», стремившиеся заполучить себе столь необходимую в летнюю страду молодую жницу.

В феодальную эпоху, когда еще были сильны патриархальные основы крестьянской семьи, не очень часто заключали брак «па любосці». Судьбу молодых людей предопределяли их родители. В вопросах брака родители менее всего считались с личными интересами и склонно-

¹ О белорусских крестьянских песнях см. Беларуская народная вусна-паэтычна творчасць. Мінск, 1967, стр. 77—82.

стями своих детей, а целиком руководствовались хозяйственными-экономическими соображениями. Поэтому нередко случалось, что до свадьбы жених и невеста не знали и не видели друг друга.

Часто судьба молодых зависела от произвола пана-крепостника, который грубо вмешивался в жизнь своих подданных и сам определял, кому с кем вступать в брак, допуская при этом страшные издевательства над людьми. Известны также случаи, когда паны пытались использовать средневековое феодальное право первой ночи (*jus primae noctis*), и только возмущение крепостных крестьян не позволило этому унижающему человеческое достоинство явлению распространиться в Белоруссии.

Брак обязательно оформлялся и закреплялся веками выработанным свадебным ритуалом. Церковное венчание — «вянец» хотя и было обязательным, но в народных обычаях и свадебном обряде не играло большой роли.

Свадебная обрядность, в своей древней основе почти единая на всей территории Белоруссии, знала ряд местных особенностей в деталях. Акад. Н. М. Никольский выделил два основных варианта белорусского свадебного ритуала: каравайный, распространенный на большей части Белоруссии, и столбовой обряд, известный на севере и северо-востоке Белоруссии.

В центре каравайного варианта свадебного ритуала Н. М. Никольский видел обряды, связанные с выпеканием и разделом каравая. При столбовом обряде одной из важнейших церемоний свадьбы он считал благословение молодых у припечного столба, которому приписывались магические свойства¹.

Все остальные важнейшие обряды и обычаи белорус-

¹ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, 1956.

ского «вяселля»— смотрины—«агледзіны», помолвка — «заручыны», девичник—«суборная субота», выезд жениха со своей дружиной по невесту, свадебный стол в хате невесты и в хате жениха, посад невесты, расплетание ее косы, обряд «звядзення маладых» и другие — в основном не имели заметных областных расхождений.

Классификация белорусской свадебной обрядности по главным вариантам, предложенная Н. М. Никольским в его исследовании, нуждается в некоторых существенных коррективах. Во-первых, распространение каравайного обряда нельзя ограничить территориально, даже и большей частью Белоруссии. Каравай с древнейших времен являлся неотъемлемым элементом свадебного ритуала у всех восточных славян. В Белоруссии каравайный обряд был известен везде, даже и в тех северо-восточных районах, где, согласно Н. М. Никольскому, господствовал столбовой вариант свадебного ритуала. Так, каравайный обряд зафиксирован в Россонском и Лиозненском районах Витебской области, в Невельском районе соседней Псковской области и в других районах, в которых он существовал со столбовым обрядом¹.

Во-вторых, неправомерно выделять каравайный обряд как определяющий центральный обряд белорусского свадебного ритуала. Не меньшая роль принадлежала обряду посада невесты на квашню, а в некоторых местностях — жениха. Назначение обряда посада было не менее важным. Не в меньшей мере, чем обрядовый хлеб (каравай), посад на квашню, покрытую овчинной шубой-кожухом, должен был магически обеспечить достаток и благополучие новой семьи. Кроме того, посад в глазах общинников, соседей приобретал важное общественное

¹ Материалы этнографических экспедиций АН БССР 1954—1956 гг.

значение как свидетельство моральных качеств и целомудренности молодых, особенно невесты. Вот почему обряд посада совершался в строгой и торжественной обстановке.

Что касается столбового обряда, то опять-таки навряд ли есть достаточно оснований для выделения его в качестве важнейшего обряда, определяющего особый вариант свадебного ритуала.

Столбовой обряд, как показали полевые материалы, собранные автором в последние годы, почти никогда не существовал отдельно, а сочетался с обрядом печения и раздела каравая. К тому же обряд благословения молодых свойствен не только столбовому варианту свадьбы,— без благословения не обходилась ни одна свадьба. Местная особенность заключалась лишь в том, что благословение совершалось около припечного столба и в форме своеобразного выступления столбового. Сам припечный столб был известен не только на северо-востоке Белоруссии, на Витебщине, но также на Могилевщине, Минщине, Случчине, на Полесье, в Гродненщине и, вероятно, представлял собой древнюю конструктивную часть печи.

Припечный столб служил практическим целям в хате. От него к передней стене хаты шла так называемая «курчына», или «біла»,—брус, на который настилались деревянные полати для спанья. Но столб, как и древний очаг, служил в жилище и культовым местом, на котором совершали разные обряды. Имел этот столб и близкое отношение к свадебным обрядам. Так, в б. Туровском районе (д. Любовичи), на противоположном Витебщине южном kraю Белоруссии, «маладая», перешедшая в дом своего мужа, заворачивала в полотенце буханку хлеба и, войдя в хату, клала хлеб на столб. Хлеб этот затем делили между всеми домочадцами. При том каравайный об-

ряд справлялся на свадьбе в свою очередь¹. В д. Бершты на Гродненщине, когда пекли свадебный каравай, несколько раз ударяли хлебной лопатой по печному столбу².

Место древних, еще языческих обрядов —«стоўб» сохранил свою святость и в христианском культе. Христианизированная колядка, например, указывает на печной столб как на место христославления:

Я маленьki хлопчык,
Сей (вар.: Узлез) на стопчык,
У дудачку іграю,
Хрыста велічаю...³

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что столбовые обряды, в том числе и обряд благословения молодых, в прошлом могли иметь более широкое распространение, чем это допускает акад. Н. М. Никольский, локализируя их только на Витебщине. В результате возникает сомнение в правомерности выделения особого столбового варианта белорусской свадьбы. В своем исследовании Н. М. Никольский убедительно доказал, что социальной базой, на которой окончательно сформировался столбовой обряд, была сельская община⁴. Столбовой обряд благословения молодых потому, видимо, лучше сохранился на Витебщине, что именно в Витебской и Могилевской губерниях дольше, чем в других местах Белоруссии, сохранялось общинное землевладение.

Столбовой обряд принадлежал к характерным местным особенностям белорусского свадебного ритуала.

¹ Н. М. Никольский. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности, стр. 173.

² Записи автора. Материалы этнографической экспедиции Ин-та истории АН БССР 1953 г.

³ Там же. Материалы экспедиции 1954 г.

⁴ П. В. Шейн. Белорусские народные песни. СПб., 1874, стр. 67.

В духовной культуре белорусской народности одно из важнейших мест, безусловно, принадлежало устнopoэтическому творчеству, отличавшемуся большим идеяным и художественным богатством, разнообразием жанров и мастерством исполнения. Многие произведения своего словесного искусства народ бережно сохранил на протяжении столетий.

Возникновение и формирование отличительных черт духовной культуры белорусов, и в том числе белорусского устнopoэтического творчества, непосредственно связаны с процессом создания и развития белорусской народности, складывания ее этнического своеобразия в конкретных социально-экономических и политических условиях.

Процесс этот происходил в эпоху феодализма, на которую падает возникновение и существование народностей. Белорусский фольклор феодальной эпохи поэто-му должен привлечь к себе особое внимание. Именно в недрах феодального общества, в ходе формирования белорусской народности и ее культуры белорусское устнopoэтическое творчество приобрело свой характерный облик, отчетливо выступили свойственные ей черты и социальное звучание. Эти особенности, естественно, не оставались неизменными на протяжении столетий, а приобретали новые качества в тесной зависимости от хода истории народа¹.

¹ Более конкретно см.: Складванне асаблівасцей беларускага фальклору ў эпоху феадалізму. В кн.: «Беларуская народная вусна-паэтычная творчасць», стр. 47—185.

Заключение

Исследование, которое в сжатом виде изложено в этой книге, привело нас к определенным выводам. Прежде всего оно убедило, что комплексный подход является единственным возможным и наиболее приемлемым в исследовании этногенетических проблем. Только одновременное и максимальное привлечение всего круга исторических источников в состоянии помочь разобраться в труднейших вопросах происхождения и складывания народности, процесс которых протекал много столетий тому назад в сложных исторических и этнических условиях. Особенно это становится очевидным при изучении вопросов расселения древних племен, его пределов, образования этнической территории белорусской народности. Решение этих вопросов, как мы попытались показать в специальной главе, одной археологии, занимавшей до недавнего времени в этой сфере «монопольное» положение, явно не под силу. Оно возможно только на основе использования различных источников.

Развитие взглядов на происхождение белорусской народности в досоветской и советской историографии, краткий обзор которой дан в отдельном очерке, убедило также в важности и необходимости более конкретного изучения отдельных сторон этой проблемы, особенно ка-

сающихся этнической основы белорусской народности и складывания этнического своеобразия ее культуры и быта.

Белорусская народность, так же как народности русская и украинская, ведет свое происхождение от единого корня — древнерусской народности, ее западной части. Древнерусская народность явилась общим этапом в истории всех трех братских народностей, и в этом состоит особенность этногенеза восточных славян в отличие от других народностей, образовавшихся непосредственно от консолидации первичных племен.

В итоге исследования более явственно и конкретно прояснилась этническая основа западной части древнерусской народности, этнография Западной Руси, на территории которой формировались белорусы как народность. Население западной части Древней Руси составляли потомки восточнославянских племен дреговичей, днепродвинских кривичей и радимичей. Пройдя историческую ступень древнерусской общности, население это явилось этнической основой белорусской народности.

Преобладающую часть будущей этнической территории белорусов занимали дреговичи. Обитая первоначально на своей исконной «дрегве» — в бассейне Припяти, дреговичи или их потомки в поисках новых, пригодных для ведения сельского хозяйства земель расселились на широком пространстве, достигнув Гродно, Верхнего Немана, местами Западной Двины, а на западе Бреста и части Забужья.

В той части кривичей, потомки которых были вовлечены в процесс белорусского этногенеза, наметились две ветви — западная, или полочане, и восточная, или смоленско-витебские кривичи. Этнокультурный облик полочан сложился в значительной степени в результате взаимообщения с дреговичами.

Вместе с потомками дреговичей, кривичей-полочан и смоленско-витебских кривичей в состав формирующейся белорусской народности целиком вошло также население радимичской земли, а некоторой своей долей — потомки северян, древлян и волынян. Присутствие последних оказалось особенно заметным на юго-западе дреговичской земли.

Процессом этнообразования белорусской народности были охвачены и некоторые иноязычные элементы в особенности часть литовского населения. Здесь менее всего приходится говорить о балтском субстрате, воздействие которого на формирование белорусской народности без достаточного основания выпячивается в последнее время некоторыми исследователями (В. В. Седов). Место известной части литовцев в этнической истории белорусов определяется позднейшим процессом ее обелоружения и взаимообщением соседних народностей.

По времени формирование отдельной белорусской народности происходило в период XIV—XVI вв. В XIII в. еще в значительной степени сохранялось древнерусское единство.

В социально-экономическом и политическом плане формирование белорусской народности совершалось в рамках Великого княжества Литовского. Роль государственно-политического фактора в образовании народности не следует преувеличивать, но ее не должно и умалять. Известная стабилизация экономических связей, без которых немыслимо само складывание народности, достигается в значительной мере общностью жизни в пределах одного государства.

Формированию белорусской народности способствовало сплочение народных масс для борьбы против социального угнетения и иноземного порабощения.

В процессе формирования белорусской народности складывались и основные особенности ее культуры, достигшей высокого уровня своего развития. В работе рассмотрены лишь некоторые стороны народной культуры, материальной и духовной, в ее наиболее характерных чертах и национальном своеобразии (орудия земледелия, одежда, обряды, обычаи и др.).

Естественно, не все положения и выводы исследования бесспорны. Немало соображений, изложенных в работе, имеют характер гипотез, в той или иной мере обоснованных. Многие вопросы этнической истории белорусов ждут дальнейшего конкретного изучения.

Оглавление

Введение	3
Из истории изучения вопроса	20
Основные этапы происхождения и этнической истории белорусской народности	40
Расселение восточнославянских племен на территории Белоруссии. (К вопросу образования этнической территории белорусской народности)	58
Территория дреговичей	59
Расселение кривичей и полочан	92
Территория радимичей	135
Место литовцев и других народностей в этнической истории белорусов	144
Некоторые черты общности в культуре восточных славян	174
Особенности материальной культуры белорусской народности	208
Некоторые особенности духовной культуры белорусской народности	247
Заключение	283

Гринблат М. Я.

Г 85 Белорусы. Очерки происхождения и этнической истории. Минск, «Наука и техника», 1968.

288 с. (АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора). 3250 экз. 82 к. В перепл.

В книге рассматривается проблема происхождения и развития белорусской народности. Большое место отводится вопросам складывания особенностей материальной и духовной культуры белорусов, а также культурной общности восточных славян.

— Библиогр. в подстроч. примеч.

**1-8-2
37-68**

902 .7

Гринблат Михаил Яковлевич. БЕЛОРУСЫ. Издательство «Наука и техника». Минск, Ленинский пр., 68.

Редактор А. Крушинский. Художник А. Федин. Художественный редактор В. Савченко. Технический редактор И. Волоханович. Корректор Ж. Корбут.

Печатается по постановлению РИСО АН БССР

АТ 15349. Сдано в набор 2/VIII-68 г. Подписано в печать 14/X-68 г.
Формат 70×108^{1/2}. Бум. тип. № 1. Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 12,6. Уч. изд. л. 12. Изд. заказ. 473. Тип. заказ 584. Тираж 3250 экз. Цена 82 коп.
Типография имени Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника» АН БССР и Госкомитета СМ БССР по печати. Минск, Ленинский проспект, 68.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	строка	напечатано	следует читать
104	11 сверху	не содержащих	содержащих
120	6 снизу	з, взрывной	з,

Зак. тип. 584.